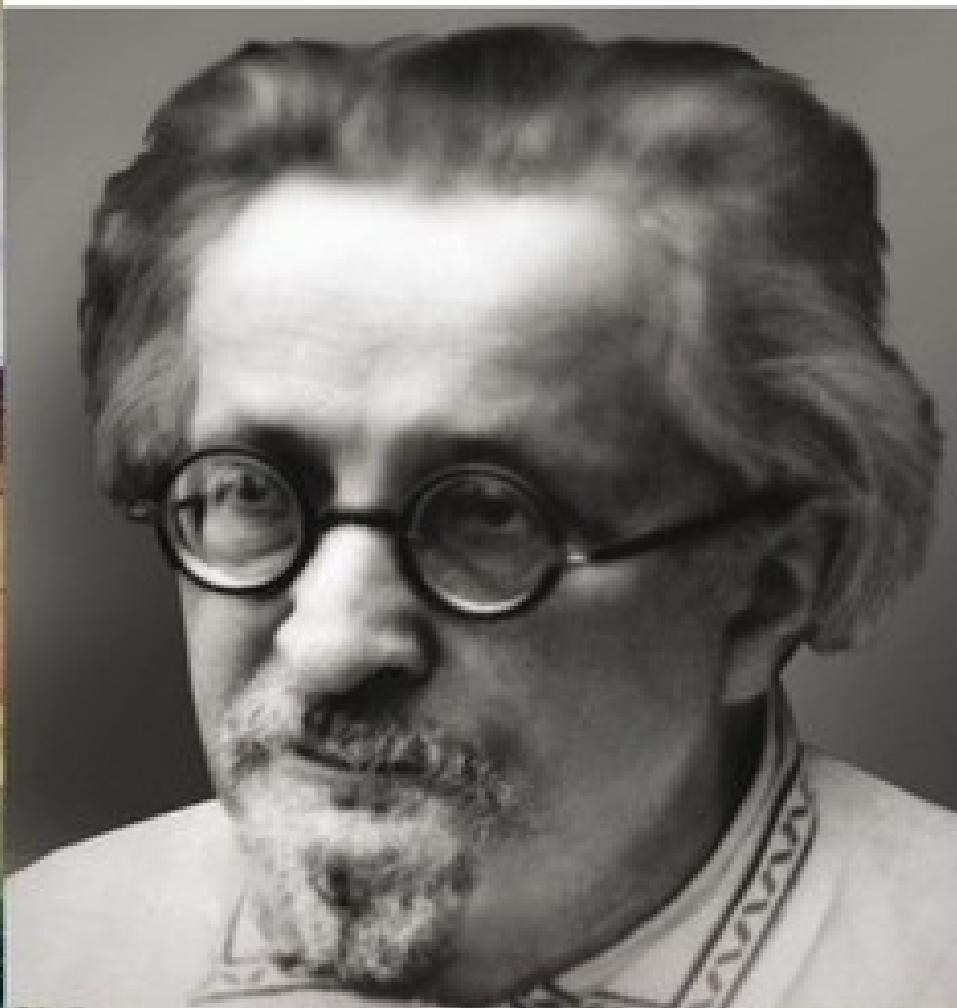

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН

Виктория
Шоропова

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Перед читателями — первая биография крупного учёного — литературоведа, театроведа и историка театра, этнографа и археолога, поэта и прозаика, религиозного мыслителя, автора бесценной биографии художника М. В. Нестерова в ЖЗЛ, интереснейших исследований о Гоголе, Лермонтове, Пушкине, А. Островском, Ермоловой, Гёте, книги мемуаров «В своём углу» (называем только часть опубликованных работ).

Яркий представитель Серебряного века русской культуры, он до недавнего времени оставался в тени известных его современников, хотя был в гуще интеллектуальной жизни века революционных потрясений и войн, которые отразились и на его судьбе. Проза и поэзия Дурылина, некоторые научные труды много десятилетий пролежали в архиве и только в наши дни приходят к читателю. В своём загородном доме в Болшеве (сейчас здесь находится мемориальный музей) Сергей Дурылин духовно окормлял многих приезжавших к нему выдающихся деятелей культуры уже советского времени.

Автор книги В. Н. Торопова, лауреат литературной премии имени С. Н. Дурылина, дружила с Ириной Алексеевной Комиссаровой-Дурылиной — духовной дочерью и гражданской женой Дурылина, которую тот называл своим «ангелом-хранителем». Рассказы Ирины Алексеевны, её записки составили бесценный материал, который тоже, наряду с архивными документами, помог автору в создании жизнеописания этого незаурядного человека.

знак информационной продукции 16 +

-
- [В. Н. Торопова](#)
    - [ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ](#)
    - [ДЕТСТВО](#)
    - [ГИМНАЗИЯ](#)
    - [ОЖИДАНИЕ ЦАРСТВА РАЗУМА И СПРАВЕДЛИВОСТИ](#)
    - [«ПОСРЕДНИК» И «СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ»](#)
    - [ВОЗВРАЩЕНИЕ «К ВЕРЕ ОТЦОВ»](#)
    - [СПАСИТЕЛЬНЫЙ СЕВЕР](#)
    - [ПЕДАГОГ](#)
    - [«СЕРДАРДА», «МУСАГЕТ»](#)
    - [РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО](#)

- [ЛИТЕРАТУРОВЕД И МЫСЛИТЕЛЬ](#)
- [У СТЕН ГРАДА НЕВИДИМОГО](#)
- [НОВОСЁЛОВСКИЙ КРУЖОК](#)
- [В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ](#)
- [СМЕРТЬ МАТЕРИ](#)
- [ЛИК РОССИИ. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА](#)
- [ПЕРИОД ДУШЕВНОГО СМЯТЕНИЯ](#)
- [1917 ГОД И ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РПЦ](#)
- [1918 ГОД](#)
- [СЕРГИЕВ ПОСАД](#)
- [У АЛЕКСИЯ МЕЧЁВА](#)
- [«ДЕЛО» ОТЦА СЕРГИЯ В ГПУ](#)
- [ПЕРВАЯ ССЫЛКА. ЧЕЛЯБИНСК](#)
- [МЕЖДУ ССЫЛКАМИ](#)
- [ТВОРЧЕСТВО](#)
- [САНА НЕ СНИМАЛ](#)
- [КОКТЕБЕЛЬ](#)
- [«ТЯЖЁЛЫЕ ДУМЫ»](#)
- [НОВЫЙ АРЕСТ](#)
- [ТОМСКАЯ ССЫЛКА](#)
- [КИРЖАЧ](#)
- [ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ](#)
- [КОНЕЦ СКИТАНИЯМ. БОЛШЕВСКИЙ ПЕРИОД](#)
- [ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ](#)
- [«БОЛШЕВСКОЕ АБРАМЦЕВО»](#)
- [ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ](#)
- [ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С. Н. ДУРЫЛИНА\[489\]](#)
- [КРАТКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ С. Н. ДУРЫЛИНА\[490\]](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ\[491\]](#)
- [СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)

- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)

- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)

- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)

- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)

- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)

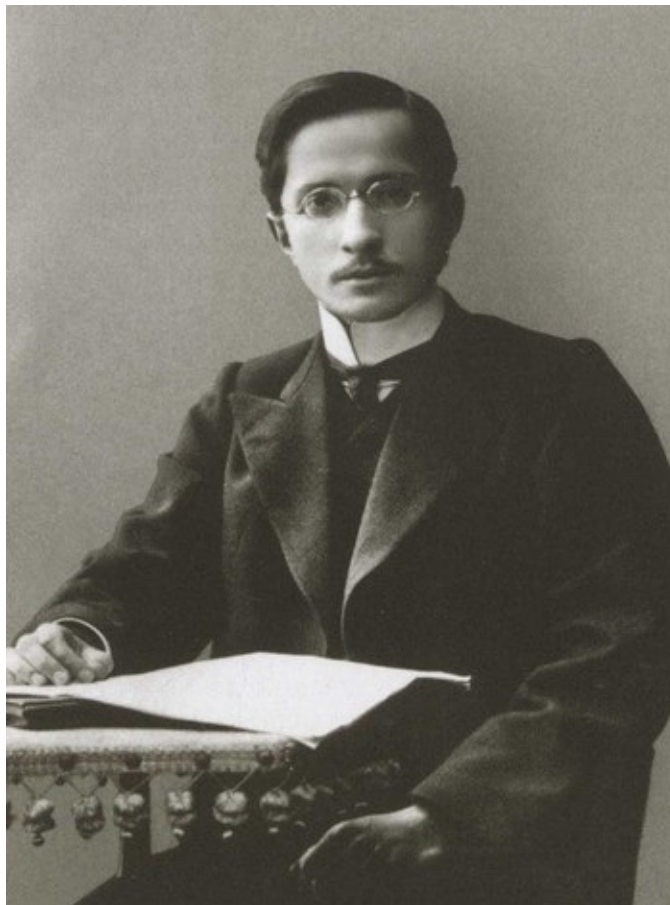
- [474](#)
  - [475](#)
  - [476](#)
  - [477](#)
  - [478](#)
  - [479](#)
  - [480](#)
  - [481](#)
  - [482](#)
  - [483](#)
  - [484](#)
  - [485](#)
  - [486](#)
  - [487](#)
  - [488](#)
  - [489](#)
  - [490](#)
  - [491](#)
-

В. Н. Торопова
Сергей Дурылин: Самостояние

*Светлой памяти Ирины Алексеевны Комиссаровой-
Дурылиной посвящаю*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

С. Дурылин

Трудная задача стояла передо мной при составлении жизнеописания Сергея Николаевича Дурылина. Яркий представитель Серебряного века русской культуры, он до недавнего времени оставался в тени известных его современников: А. Белого, В. Брюсова, Н. Бердяева, Вяч. Иванова и других писателей и философов. Даже когда открылись имена людей из близкого окружения (священника Павла Флоренского, В. В. Розанова), его имя в статьях исследователей упоминалось вскользь. Труды на религиозные темы и художественные произведения Дурылина пролежали под спудом многие десятилетия. Духовный пастырь, наставник, воспитатель и педагог не одного десятка учеников, большинство из которых внесли заметный вклад в отечественную культуру (например, народный артист СССР Игорь

Ильинский), он оказался забыт. Ученики оставили свои благодарные воспоминания о Сергее Николаевиче Дурылине, но они до сих пор лежат в его архиве в рукописном виде.

Дурылин был в гуще интеллектуальной жизни Серебряного века. Круг его общения составляли выдающиеся писатели, поэты, философы, религиозные деятели, художники, композиторы, артисты... Он принадлежал к тому поколению, о котором Александр Блок написал: «Мы дети страшных лет России». По их судьбам и душам прокатилось тяжёлое колесо истории, они пережили кровавые ужасы трёх войн и двух революций, крушение привычного уклада жизни, ломку мировоззрения. В жизни, судьбе Дурылина отразилась эта эпоха, он разделил духовные искания и заблуждения русской интеллигенции начала XX века. А поскольку Дурылин был личностью талантливой, незаурядной, многогранной, это проявилось в его жизнедеятельности особенно ярко. Искусствовед Алексей Алексеевич Сидоров^[1], знавший Дурылина с юности, вспоминал, каким необычайно живым, остроумным, «блещущим всеми решительно талантами, какие только можно иметь», был Дурылин. «И как поэт Сергей Николаевич пользовался любовью, лаской и признанием старших товарищей, и над ним сияла если не любовь, то дружба Брюсова и скептическая слава В. Иванова»^[2].

Многогранность талантов Дурылина поистине изумляет. Крупный учёный — литературовед, театровед и историк театра, этнограф и археолог; поэт и прозаик, религиозный мыслитель и писатель, талантливый педагог. Митрополит Вениамин (Федченков) — выдающийся иерарх Русской православной церкви, чьё богатейшее духовно-литературное наследие переживает в наши дни второе рождение, назвал Дурылина «одним из самых образованных людей, каких я видел на своём веку»^[3].

Куда бы судьба ни забрасывала С. Н. Дурылина, какие бы внешние события ни захлёстывали, в какие бы передраги он ни попадал, главным для него было оставаться самим собой, «блюсти своё духовное устройство». «Ты сам свой высший суд»^[4], — часто повторял он. Ни в какие литературные группировки он не входил, у него была «партия самого себя».

«Его жизнь — постоянное становление, постоянная динамика исканий сокровенной „сути“ бытия <...> и места <...> на земле» — эти слова Марии Аркадьевны Рашковской о Борисе Пастернаке^[5] в равной мере относятся и к Дурылину. Так же как и стихи самого поэта:

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

Странник в мире духа, Дурылин пережил несколько крушений и поворотов судьбы, большей частью от него не зависящих, когда надо было всё в жизни начинать сначала. И не сломался. Выстоял. Сохранил нравственную чистоту, свою индивидуальность, интерес к жизни, любовь к людям и духовные силы для поддержки других. Б. Пастернак называет жизнь Дурылина «истончённой и одухотворённой до хрупкости»^[6].

Из второй, самой тяжёлой для него томской ссылки он пишет поэтессе Вере Клавдиевне Звягинцевой: «И чувствую я себя сейчас м. б. временами и одиноким, и безместным в жизни, но свободным — свободным и перед лицом прошлого, свободным и перед лицом настоящего». Быть свободным перед лицом современности, пишет он, гораздо труднее, но «тут-то и обнаруживается истинная свобода»^[7].

Личность и деятельность Сергея Николаевича Дурылина так многогранны, перипетии судьбы так сложны, что трудно рассказать обо всём. Но дело не только в этом. Архив ещё не полностью раскрыт. Многие документы находятся в частных коллекциях, и часто неизвестно, где именно. Некоторые сведения о нём противоречивы, иногда запутанны. Всё ещё немало белых пятен в его биографии. Многие в советские времена скрывалось (особенно то, что касалось его священнического служения), документы уничтожались. Даже в автобиографиях Дурылин некоторые факты излагал намеренно противоречиво, о многом умалчивал в зависимости от того, кому и для чего они адресовались. В настоящее время становятся доступны прежде «закрытые» документы. Они иногда опровергают, иногда уточняют ранее известные. Простой пример — дата рождения Дурылина. До недавнего времени ошибочно считалось, и это утверждали справочники и энциклопедии, а также надпись на памятнике на Даниловском кладбище, что С. Н. Дурылин родился в 1877 году, а в некоторых документах указывался город его рождения Киев.

Я не философ и не религиозный деятель, поэтому оставляю специалистам в этих сферах глубоко осветить эти стороны поприща и трудов Дурылина. Мой труд не претендует на мировоззренческую полноту биографии Дурылина, а является на сегодняшний день первым наиболее полным его жизнеописанием.

Известные читателям имена не раскрываются в комментариях. Многие работы Дурылина не анализируются. Заинтересованный читатель найдёт дополнительную информацию в статьях и исследованиях, посвящённых Дурылину, а также в его произведениях, появившихся в печати и Интернете в последние годы. Списки основных работ учёного помещены в Приложении.

ДЕТСТВО

Родился Сергей Николаевич Дурылин 14/27 сентября 1886 года в Москве в Плетешковском переулке в Елохове^[8]. Крещён в елоховском Богоявленском соборе, где, возможно, крестили и Пушкина. Отец — купец 1-й гильдии Николай Зиновиевич Дурылин (1831/2–1898) торговал шелками, парчой в Богоявленском переулке и у Ильинских ворот. Он славился тонким вкусом, который ценили модницы Москвы. Московское купеческое сословие уважало его за честность и порядочность и часто призывало разбирать особо запутанные и спорные дела. Мать — Анастасия Васильевна, урождённая Кутанова (1852–1914), была тридцатилетней бездетной вдовой, когда вышла замуж за пятидесятилетнего вдовца Дурылина с одиннадцатью детьми (старшая дочь была замужем, младшему ребёнку четыре года). Во втором браке родились пятеро детей, но выжили только двое Сергей (1886–1954) и Георгий (1888–1949). Рано умершего первенца, кроткого, звездоокого мальчика, назвали в честь отца Николаем, а второго сына Анастасия Васильевна назвала в честь горячо любимого первого мужа Сергея Сергеевича Калашникова^[9].

Раннее счастливое детство прошло в Елохове в Плетешках в далёкой от шумных улиц городской усадьбе с яблоневым садом и зарослями сирени, где по весне пел соловей. На территории усадьбы водилось много мелкого зверья: кроты, белка, хорёк, собаки и весёлый щенок, участник игр братьев. Переулок освещался керосиновыми фонарями на деревянных столбах. Калитку, на которой была прибита табличка с надписью: «Дом Московского первой гильдии купца Н. З. Дурылина», открывать выходил дворник в белом фартуке. В просторном дворе размещались службы: дворницкая, кладовая и погреб-ледник, дровяной сарай, курятник, конюшня, в которой лошадей не было, а жила корова Бурёнка; каретный сарай, в котором хранились не кареты, а детские санки и прочие нужные вещи. Был и колодец для хозяйственных нужд. Мытищинскую воду для питья ежедневно привозил водовоз. Дом был большой, двухэтажный, белокаменный, с парадным и чёрным крыльцами, старинной постройки «на века», рассчитанный на большую семью. В двенадцати комнатах размещались домочадцы, но были помещения и для горничных, кухарок, няни и для приказчиков. В 1942 году Сергей Николаевич, вспоминая «родной дом», подробно опишет всё его обустройство, с мельчайшими деталями, удивительно сохранёнными его памятью^[10]. Он жалел, что

адреса на почтовых конвертах теперь стали скучные — раньше писали: «В Москву, у Богоявления, что в Елохове, в Плетешках (или в Плетешковском переулке), в собственном доме».

Родители — глубоко верующие — детей не принуждали, но сама атмосфера в доме способствовала воспитанию их в православных традициях. Отец, не улыбчивый, но добрый и отзывчивый, многим помогавший тихо и тайно, никогда не забывал помолиться перед старой семейной иконой Спаса, которую потом всю жизнь, несмотря на скитания, старался сохранить Сергей Николаевич. Перед этой иконой молился в их доме Иоанн Кронштадтский, приезжавший в 1892/93 году к тяжелобольной Анастасии Васильевне. «И мама стала здорова», а «тихий, верующий мальчик» Серёжа навсегда запомнил «радостнейшую молитву» отца Иоанна. Это было время, когда мальчик Серёжа «молил Бога, чтобы был Диоклетиан и можно б было пострадать за Христа»^[11]. Сохранил Сергей Николаевич и икону Семь спящих отроков (Семь отроков Эфесских), которая висела в детской над кроватками его и брата Георгия. Перед этой иконой няня учила их молиться, отходя ко сну, ею самой сочинённую перед этим образом молитвой. Её нет в молитвословах, но Сергей Николаевич помнил эту детскую молитву до конца дней своих. Икона находится сейчас в Доме-музее С. Н. Дурылина. Она потемнела, и почти не видны на ней отроки, но трогать её реставрацией нельзя — она чудотворная. Сергей Николаевич посвятил ей стихотворение — переложение легенды «строго по христианским канонам»:

Семь отроков чистых
От злого гоненья
В пещере уснули —
Семь светов лучистых
Их очи сомкнули
В блаженстве Успенья.
Семь отроков были
Христу прелюбезны,
Владычице любви...^[12]

С нежностью вспоминал Дурылин свою мать. «Множество впечатлений, раскрывающих глаза ребёнку на красоту в природе и в искусстве, я получил от матери, и только от неё. <...> Её речь была жива, остроумна, пересыпана не только пословицами, поговорками, яркими

народными речениями, которые не всегда отыскиваются и у Даля, но и её собственными выхватками из живого потока текущей речи и жизни. У неё была наблюдательность художника и способность к живому рассказу, яркому, выпуклому, цветному..^[13] Сергей Николаевич полагал, что её многогранный «ум сердца» позволял ей легко сходиться с людьми разного социального положения и образования, он же помогал ей сохранять глубину веры, не засоряя её бытовыми нагромождениями и заносами. Она привила ему с детства любовь к театру. На всю жизнь запомнил он её яркие живые рассказы о виденных спектаклях. Дурылин утверждал, что услышав первый раз голос Марии Николаевны Ермоловой на сцене Малого театра, он тотчас узнал интонации, которые донесла до него, ребёнка, мама, пересказывая ему игру юной Ермоловой в роли Марины Мнишек. Вспоминал он, как мама читала им с братом книжки при свечах. Керосиновые лампы в доме не признавали. Говорят, что если сын родился «лицом в мать», то он будет счастливым. Сергей Николаевич был похож на мать, и не только лицом: «Я сам больше отпрыск по материнской линии, хотя горячо любил и был любим своим отцом»^[14].

ГИМНАЗИЯ

В 1897 году Серёжа Дурылин поступил в 4-ю мужскую гимназию — бывший Благородный пансион при Московском университете, где учились в своё время В. А. Жуковский и М. Ю. Лермонтов. Поэту Жуковскому, чьё имя было запечатлено на золотой доске гимназии, посвятил Дурылин своё первое из опубликованных стихотворений «Памяти В. А. Жуковского», появившееся стараниями руководства гимназии на странице газеты «Московские ведомости» 27 марта 1902 года. Вообще стихи он начал писать с шести лет и писал всю жизнь, но не публиковал. «Я комнатный стихотворец», — говорил он и явно скромничал от излишней требовательности к себе. Математику он ненавидел, дружил с латынью и древнегреческим, отлично учился по географии, истории, литературе и русскому, издавал гимназические журналы, устраивал спектакли. Французский и немецкий языки он выучил позже самостоятельно. С благодарностью вспоминал Дурылин Александра Григорьевича Преображенского — учителя русского языка и литературы, автора этимологического словаря, и Александра Родионовича Артемьева — учителя рисования и чистописания и одновременно (втайне от гимназического начальства) артиста МХАТа Артёма. От этих двух людей, считал он, идут две основные линии его жизни: театр и литература. Но была ещё и третья линия — православие, и третий почитаемый им учитель Закона Божия Иван Иванович Добросердов (1864–1937) (будущий епископ Можайский Димитрий, новомученик), воспоминания о котором Дурылин напишет в 1942 году^[15], когда, как казалось со стороны, был целиком погружён в исследования культуры России.

В этой же гимназии классом младше учился брат Георгий. Позже, уже в 1940-е годы, он вспоминал, как люди на протяжении всей жизни тянулись, притягивались к Сергею Николаевичу. В гимназические годы Георгия удивляла привязанность отъявленных шалунов к тишайшему и мирнейшему Серёже, например, «дикого юноши» Назарова, который «дерётся на стенках, бьётся в орлянку, играет в бабки, лапту. В гимназии неистово играет в мяч о пристенок, ходит на драки в Ивановом монастыре по соседству с гимназией»^[16].

Когда Серёже было десять лет, случилось несчастье — разорился отец. Пошатнувшееся здоровье заставило его передать дело старшим сыновьям, которые довели его до банкротства. Старшие дети покинули его, отказав в

помощи, и пришлось из большого отцовского дома в Плетешках переселиться в съёмную тесную квартирку в Переведеновском переулке. Через два года Николай Зиновиевич умер. После смерти отца пенсию вдове назначили мизерную. (После разорения, не выплатив вовремя гильдейский взнос, дающий право на ведение торговли, Николай Зиновиевич вынужден был «выписаться в мещане».) Московское купеческое общество, памятуя заслуги Дурылина, в порядке исключения назначило вдове мещанина пенсию. Анастасия Васильевна осталась с двумя детьми Серёжей и Гошей — практически без средств к существованию. А ещё на её иждивении были сестра и старая кухарка, которую, предварительно обобрав, выгнали родственники. Нужда была страшная. Сергей Николаевич вспоминал, как сэкономили керосин, не зажигали лампу до полной темноты, ели раз в день и вечером пили стакан молока с хлебом. Под Рождество мечталось о кулёчке муки... Смиренно, безропотно переносила Анастасия Васильевна нищету. Она была хорошей хозяйкой и при скудости средств умудрялась создать в доме тепло и уют. Ни один из товарищей сыновей — а кого только не перебывало в их доме — не уходил без угощения.

Сергей начал давать уроки недорослям, иногда за обед, за ужин, а «лучше бы хоть за пятак». (Эта работа на долгие годы станет основным источником заработка.) Но не только бедность побудила его подрабатывать.

Придя в гимназию одиннадцатилетним верующим мальчиком, Серёжа бросил её в 1904 году (по другим источникам, после 1902 года)^[17], растеряв в ней веру в Бога и вообразив себя атеистом. Позже, вспоминая маму, он запишет: «В 17–18 лет я был атеист. Мама никогда со мной не спорила на религиозные темы. Я — своё, она — своё. У меня — ломаная кривая, у неё — спокойная глубокая прямая. <...> Помню: сидишь поздно ночью и читаешь „афеев“^[18]. И вдруг донесётся из столовой или из спальни обрывок, вздох, полслова, случайно неутаённый выплеск её молитвы о тебе же, читающем Штирнера или Ницше...»^[19] «Молодость нашу — и чужую, ту, которую мы приводили в наши тесные комнатки на Переведеновке, мама чувствовала и была с нею не сурова, даже не строга, и хоть знала, что вся эта молодёжь строит воздушные... нет не замки <...> а казармы, под обломками которых сама же застонет и искалечит свою жизнь, она терпела и этих строителей, иной раз шумливых и безалаберных, а иной раз (и далеко не раз!) и назойливых, и озорных. <...> И хотя эти всевозможные „исты“ — она не могла не думать этого — украдывали у неё детей её или то, что она вложила в этих детей, она умела жалеть их. <...> „Исты“ всех толков и мастей, толстовцы (и сам будущий секретарь Л. Н. Толстого —

милейший Н. Н. Гусев), „добролюбовцы“ <...> и другие, искавшие мистического союза с народной душой, милые молчаливцы; „декаденты“ разных призывов; „штирнерианцы“ и творцы „кинетического понимания истории“; опростившиеся интеллигенты и обинтеллигентившиеся мужики; поэты и художники (в их числе Боря Пастернак); провинциальные актёры и непризнанные творцы социальных утопий; мистические бродяги по русским неоглядным просторам — кого-кого у нас не перебивало, не переночевало, не перегостило, не переедало за эти мятежные годы моей и братней юности!»^[20]

В это время Дурылин был, как он сам выразился, «обуян честнейшим и бестолковейшим народничеством». Он посчитал «стыдным» пользоваться привилегиями, которые даёт образование и которых лишён простой трудовой народ.

Это был первый (из шести) поворот в судьбе, но сделанный по своей воле. Это был его выбор.

Своё отношение к системе обучения в гимназии Сергей Дурылин выразил в статье «В школьной тюрьме. Исповедь ученика», изданной отдельной брошюрой в издательстве «Посредник» в 1906-м. Дурылин писал о сухом формализме казённой школы, в которой убивают свободную мысль и творческую волю учащихся. Эта работа получила много отзывов и в 1907-м была переиздана с посвящением «Борцам за свободу детей — дорогим и любимым М. М. Ключевскому и К. Н. Вентцелю»^[21].

Главному редактору журнала «Свободное воспитание» Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову Сергей Николаевич пишет (письмо без даты, но видно, что это после 1912 года): «В голове планы новых статей. Между проч[им], о школьных годах великих людей — как губила их школа и, не понимая, теснила и мучила. Название ей — „Великие люди дурного поведения и плохих успехов“ (Пушкин, Гоголь, Белинский, Л. Толстой, Полонский, Ч. Дарвин и множество других)»^[22].

ОЖИДАНИЕ ЦАРСТВА РАЗУМА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Несмотря на большое огорчение матери, Сергей Николаевич настроен очень решительно: «С будущего года я намерен жить с Мишей (Языковым. — В. Т.) в Рязани и жить исключительно своим трудом, намерен уйти из своей среды и обстановки, потому что считаю её пошлой, затягивающей и вредной»^[23]. Дурылин хочет начать новую жизнь с новыми людьми. О своих планах он сообщил Тане Буткевич^[24].

Таня — дочь врача, заведующего Измайловской земской больницей Андрея Степановича Буткевича, заступившего на эту должность после смерти предшественника — К. М. Языкова — отца Миши. До недавнего времени Андрей Степанович, как и брат его, разделял взгляды толстовцев. Лев Николаевич Толстой бывал у них на хуторе в Русанове. А в 1903–1904 годах Буткевич получал из-за границы нелегальную литературу. Её читали вслух в кругу семьи и приходившим друзьям. Серёжу Дурылина в дом Буткевичей на Благуше привёл его друг и одноклассник Миша Языков. Под духовным руководством Андрея Степановича друзья приобщались к революционным идеям, мечтали о великих социальных переменах. Гимназисты создали по примеру взрослых свою революционную организацию, устраивали диспуты, «бурлили, шумели», составляли тексты прокламаций и расклеивали их по переулкам и закоулкам. Таня принимала в этом участие. Она пишет в своих воспоминаниях: «В то время не было человека, мало-мальски порядочного, честного и здравомыслящего, который не горел бы негодованием против всех неурядиц, творившихся на войне (с Японией. — В. Т.), и не желал бы коренного преобразования нашего политического строя»^[25].

После смерти Мишиного отца Языковы уехали в Рязань. Сергей Дурылин жил там у них летами 1903–1905 годов, «входил» в народную жизнь и «жалел, жалел, как жалели народники». В 1904–1907 годах за разные «формы жаления» подвергался множеству обысков и трижды сидел в тюрьме месяцами. Мягкий, тихий, весь ушедший в себя худенький мальчик Серёжа подчинялся волевому, властному красавцу Мише. Но когда Мишу — участника боевой дружины арестовали в 1905 году и ему грозил расстрел, то тихий Серёжа проник в часть — место Мишиного заключения — с одеждой для него и сумел вывести его. Для такого поступка нужно

было иметь мужество и самообладание.

В 1905-м А. С. Буткевича арестовали и через год выслали из России. Таня уехала с ним. В России начались репрессии, усилился полицейский режим, политические организации были разгромлены, их члены посажены в тюрьмы. Распалась и гимназическая организация, в которой участвовали С. Н. Дурылин, Т. А. Буткевич и их товарищи.

Сергей Дурылин очень остро переживал крушение надежд на обновление России и наступление царства Разума и Справедливости. Он ведь жил и дышал этими надеждами и ожиданиями, сам принимал посильное участие в приближении этого царства. И вдруг всё рухнуло. Он впал в депрессию. В письме А. С. Буткевичу в Женеву Дурылин пишет: «У меня сейчас перо валится из рук, и так продолжается уже давно... Могу только читать, но не всё: экономические книги вызывают тошноту, политика скуку и полное отвращение... Читаю кое-что по философии, по искусству и литературе. Задумал сам ряд работ. Одну большую — из области педагогики, другую — по истории литературы»^[26]. Так невольно Дурылин наметил основные линии своего творчества на ближайшие годы.

Спасаясь от тяжёлых дум, душевной пустоты, он сел в поезд и уехал в свою первую поездку по Русскому Северу. В 1906 году он побывал в Олонецкой губернии — стране лесов, озёр и валунов, в Архангельске, поездил по островам Белого моря, подышал морем, соснами и свободой. На Соловках, прочитав в монастырских книгах о ссыльных «нераскаявшихся» раскольниках, был поражён твёрдостью их веры. В Русский Север и его жителей он влюбился на всю оставшуюся жизнь. Здесь чистое хранилище национальной природы и народных традиций. «Здесь тихий ангел пролетел над землёю и водами — и утихло раз навсегда злое мирское волнение»^[27].

Вернувшись в Москву, узнал страшную весть: 5 сентября 1906 года в одном из провинциальных городов жандармы убили Мишу Языкова и ещё одного их товарища из кружка А. С. Буткевича — членов боевой дружины. Потрясение было ужасное. Мучительно думал: в жертву чему были отданы эти и другие жизни?

Долгие, долгие годы ему будет очень не доставать Миши. «У нас с ним не только слова, мысли, чувства были общие, но мы как-то совсем были как один человек»^[28]. Он будет часто вспоминать Мишу и писать пронзительные стихи, посвящённые его памяти. Одно из них заканчивается такими словами:

А я один уныло сиротею...

Проходят дни. Но близок, близок ты...
Я жду, но дален путь — идти к тебе не смею...
Лишь плачу у лучащейся черты^[29].

Наступило отрезвление от романтического увлечения революцией. Но с разочарованием пришли тоска и отчаяние. В дневнике 1919 года Дурылин запишет: «Годы 906, 907, 909 — годы моей гибели». Он всё время думал о самоубийстве и плакал, запершись в своей комнате. Мысли о Мишиной судьбе вылились в стихи:

Над тёмным небом ярко просиять,
Звездой, как сон, угаснуть на рассвете.
О, если б все могли твой жребий взять:
Не в ночь уйти — погаснуть в вешнем свете!^[30]

Сергей Николаевич спрашивал «толстовцев» (единственных религиозных людей, которых в то время знал): «почему мне нужно жить», а они говорили ему как надо жить. Он засел за книги. В самые тяжёлые минуты брал Пушкина, и у него нашёл ответ на свой вопрос, «зачем нужно жить»: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать. И, ведаю, мне будут наслажденья: <...> Порой опять гармонией упьюсь, Над вымыслом слезами обольюсь...»^[31] Он исключил для себя возможность самоубийства: «Не хочу убивать себя — не буду никогда, — пишет он Тане Буткевич в 1916-м. — Самоубийство — всегда какая-то ложь, какое бы ни было умное, храброе, тихое, а жизнь — всегда какая-то правда, какая бы ни была глупая, ненужная, грешная»^[32].

На упрёк А. С. Буткевича из-за границы, что Серёжа и его товарищи изменили делу революции, забыли своих товарищей, погибших за освобождение народа, предались буржуазному самодовольству, вместо того чтобы дело делать — Дурылин решительно ответил, что они ничего не забыли, но права ли та правда, которую они несли мужикам, «да в чём вообще правда?». «А Вы знаете, что значит задуматься над этим всем и многим другим ещё?» Он упрекает Буткевича в том, что старшее поколение натаскивало молодёжь на революционную деятельность, не дав сформировать свои собственные убеждения. «Нельзя заниматься никакой политической деятельностью, нельзя проповедовать частных решений, частных вопросов, когда нам не ясны самые основные, самые тревожно-

властные вопросы бытия... Я глубоко несчастен сейчас. Я болен, но моя болезнь духа, а не тела, та болезнь, в которой, может быть, больше здоровья, чем в ином здоровье здорового человека. Мне горько остаться одному, отойти от близких мне людей (а одним из них были Вы), но лучше для меня, если останусь я совсем один, если я уйду от Вас и всех других, чем если б я остался с вами, поверив в кредит вашей старой правде и истине. Пусть моя дорога будет узка, терниста, извилиста, — но лучше идти *своей тропинкой*, чем чужой большой, пыльной, утоптанной дорогой!»^[33] У Дурылина выработался стойкий иммунитет ко всяким решениям проблем насильственным путём.

Начались годы мучительных раздумий о смысле жизни, своего места в ней, поиски своего пути. Всё значительное и прекрасное на свете создано теми, кто «шёл своим путём, на свой риск, к своей цели, своими ногами. У каждого человека есть единый, верный и точный компас — его „я“, и не послушайся он его хоть раз, нет конца блужданиям»^[34]. Придя к этому пониманию в 1907 году, Дурылин уже никогда в жизни не отклонялся от этого компаса, не терял своё «я» ни в каких поисках своего пути, увлечениях, ни в каких жизненных катаклизмах. Его близкий гимназический друг Всеволод Владимирович (Воля) Разевиг^[35] хорошо знал это его качество, и когда Тане Буткевич Серёжа показался странным слишком уж большим разбросом своих интересов, увлечений, иногда противоречивостью суждений, Воля — философ по призванию — объяснил, что у Серёжи, как у каждого человека, есть свой центр и своя периферия. Величина и оригинальность центра и служит мерилom человека. У Серёжи «периферия очень разноцветная и многогранная, поэтому к разным людям он поворачивается разными сторонами её. И не его вина, что одну такую сторону принимают за всё. И только очень немногие люди знают его настоящую сущность, его центр. Центр же у него есть, и очень большой и оригинальный, и это видно хотя бы из того, что Серёжа постоянно развивается всё в одном направлении...»^[36].

Это объяснение Разевига, высказанное в 1907-м, осталось верным и во все последующие годы, когда многие, даже близко стоящие люди выражали непонимание Дурылина. Позже в письме к матери Таня написала: «Есть люди, которые стремятся охватить явления окружающего мира во всей их полноте и разносторонности, установить гармонию и связь между всеми вопросами философии, жизни, нравственности, религии. Не выработав своего цельного отношения к окружающему, не определив своего места в мировой и общественной жизни, они не могут отдаться практической

деятельности: не удовлетворение, а нравственное страдание доставит она им, душевную раздвоенность и мучительную бесплодную борьбу с самим собой... *Они не чувствуют себя вправе жить, не зная, зачем они живут. Таков Серёжа»* (выделено мной. — В. Т.) [\[37\]](#).

«ПОСРЕДНИК» И «СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ»

Целые дни Дурылин проводит в Румянцевской библиотеке, штудирует и конспектирует труды философов, историков, тома по истории литературы и театра. Своими университетами Дурылин считал помимо Румянцевской библиотеки Малый и Художественный театры, в которых он получил, по его признанию, воспитание, которое дало чрезвычайно много и уму, и сердцу, и гражданским чувствам, и мысли. Третьяковская галерея стала для Дурылина академией искусств. В отдельную тетрадь он вносил записи живых впечатлений от спектаклей «Орлеанская дева» с М. Н. Ермоловой, «Горе от ума» с А. П. Ленским, «Доктор Штокман» с К. С. Станиславским, от первых пьес Максима Горького, поражавших смелостью своей мысли и слова. Спустя годы Сергей Николаевич записал о Горьком: «Я не люблю его, но в моей „нелюбви“ есть что-то, что заставляет меня остановиться и прислушаться к нему»^[38].

Летом 1905-го Дурылин был зачислен в штат издательства «Посредник», сотрудничать с которым начал ещё в 1904 году. Помогла рекомендация секретаря издательства Николая Николаевича Гусева, с которым познакомился в Рязани в 1903-м, где Гусев отбывал ссылку и «склонял молодёжь к толстовству». С секретарём Л. Н. Толстого, будущим его летописцем и директором его музея в Москве — Н. Н. Гусевым — дружеские отношения сохранятся на всю жизнь.

В «Посреднике» окунулся в литературную среду, к которой стремился. В редакции царил атмосфера высокой мысли и всечасно ощущалось влияние личности Л. Толстого, под патронажем которого работало издательство. Привлекало Сергея в «Посреднике» и то, что по копеечной цене для широких народных масс издавались книги классиков и произведения современных писателей: Н. С. Лескова, М. Горького, Н. Д. Телешова, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко. Офени разносили эти книжки по городам и весям, доносили и до Сибири. Хотя в деревнях покупателями и читателями их была в основном сельская интеллигенция. Простой народ, о котором радел в то время Дурылин, предпочитал покупать лубочные издания. Л. Н. Толстой редактировал некоторые книги, писал предисловия, напечатал несколько своих произведений и «Круг чтения». Читая в первый раз гранки рассказа Толстого с поправками рукой «самого Толстого!» —

Дурылин думал: «...я счастливей всех!» В «Посреднике» он понял, что его призвание — литература.

Поэтом Сергей Николаевич себя уже ощущал: в 1907-м у него была целая тетрадка стихов. (Она до нас не дошла, так как в 1919-м в Сергиевом Посаде, готовясь к монашеству, он бросил её в огонь.) В драматической поэме Дурылина «Дон Жуан»^[39] есть такие строки: «Не до конца правдива наша правда, // И вымысел наш ложь не до конца...» Эта мысль будет встречаться в его рукописях в разные годы. Он будет применять её эпиграфом ко многим жизненным ситуациям. В письме Тане Буткевич он выписывает эти строки и ещё один стих из «Дон Жуана»:

... С каким восторгом я
Сквозь ярость и мятеж борьбы, внимая кличу,
Бросался в бой страстей и в буйство бытия,
Чтоб вынести из мук — Любовь, свою добычу.

И сообщает: «Я выписал эти два стиха из моего „Дон Жуана“ эпиграфом ко всему, что я думаю, говорю, пишу, делаю»^[40].

Первую часть «Дон Жуана» Сергей Николаевич читал друзьям. Впечатление у них было настолько сильное, что «дух захватывало». Дурылин писал её в пору светлых надежд, ожидания чуда. Вторая часть пришлась на время разочарования и отчаяния. И руки от неё отвалились, бумага стала камнем. «Вместо чаши с вином — урна с пеплом. Тут ведь Белый только выразил, что и во мне, и в Воле, и в ком ещё...»^[41]

Поэт Борис Садовской лестно отозвался о стихах Дурылина: «Ваши стихи, дорогой Сергей Николаевич, брызнули мне в душу чистой росой поэзии. В них есть то, чего не хватает большинству молодых поэтов — свободная, искренняя непосредственность вдохновения...»^[42] Особо удачными он считает стихотворения «Старая царевна»^[43] и «Принцесса Акварели».

«Слышу, что жива ещё Вера Фигнер. Ей, верно, под 70, если не все 70. В 1904 г. — до революции 1905 г. — весть о её освобождении из Шлиссельбурга была встречена с необыкновенной радостью. Она была героиня для многих. Её имя было овеяно каким-то особым обаянием». Это запись 1924 года во второй тетрадке «В своём углу». А в 1906 году Дурылин был обрадован получением книжки стихов Веры Фигнер с дарственной надписью: «С. Дурылину от автора. В. Фигнер. 5.

XII.1906»^[44]. Он был в восторге: от самой Веры Фигнер! С её надписью! Знакомы они не были. Что же оказалось? И. И. Горбунов-Посадов послал ей составленный Дурылиным и изданный «Посредником» сборник стихов разных поэтов, направленных против смертной казни. (По просьбе Л. Толстого в 1906 году Дурылин собирал для него материалы против смертной казни.) И она сочла необходимым поблагодарить составителя. Многие ему завидовали.

В сентябре 1907 года при «Посреднике» начал выходить журнал «Свободное воспитание». Он объединил вокруг себя всех принципиальных врагов казённой школы, начиная с Льва Толстого до Н. К. Крупской. Редактор издательства и журнала И. И. Горбунов-Посадов пригласил Дурылина в секретари редакции и «ближайшие сотрудники» и поручил ему вести отдел «Из книги и жизни». В той рубрике издавалось всё, что удавалось найти о трудовом, свободном воспитании, развивающем в ребёнке творческое начало и «самодетельность», в противовес казённому: «пассивному восприятию» и «подражанию». Опыт яснополянской школы был взят за основу. Сотрудники гордились постоянным сотрудничеством в журнале Льва Толстого, но и с трепетом ждали строгого суда писателя над их статьями.

За годы работы в журнале (1907–1913) Дурылин досконально изучил передовые методы воспитания не только российских школ и педагогов, но и многих стран Европы, США. Он накопил значительный опыт в осмыслении проблемы свободы в воспитании и обучении и напечатал «бездну педагогических статей»^[45]. Среди них: «Эксперимент или пытка? (к вопросу об экспериментальной школе)», «Педагогика творческой личности», «Что дала Гоголю школа?», «Воспитание как источник душевного здоровья детей и душевных болезней», «Л. Н. Толстой как школьный учитель», «Современная школа и художественное образование» и др. А в первом номере, где опубликовали статью Л. Толстого «Беседы с детьми по нравственным вопросам», было напечатано начало статьи Дурылина «История одной свободной школы» с продолжением в следующем номере. На высказанную Дурылиным мысль, что педагогу тоже нужна свобода, Л. Толстой отозвался: «...свобода всегда бывает для чего-нибудь и от чего-нибудь... Можно ею воспользоваться для чего угодно. Настоящая свобода возможна только при соблюдении нравственного закона. *Только религиозный человек — свободный человек*»^[46] (выделено мной. — В. Т.). Через несколько лет Дурылин придёт к этому же убеждению и в своей педагогической практике будет исходить из этого

посыла. Но об этом речь впереди.

А пока он увлечён идеей экспериментальной школы. Для Дурылина идеальная школа та, где есть уважение к личности человека, где учебно-воспитательный процесс предусматривает свободное общение детей между собой и со взрослыми, где создана интеллектуально-нравственная атмосфера, стимулирующая развитие внутренних задатков ребёнка, прежде всего творческих.

Став членом Клуба свободного воспитания ребенка (Родительского клуба), учреждённого педагогом К. Н. Вентцелем и его соратниками, Дурылин читал там лекции о новых принципах дошкольного и школьного образования, исходя из своей практики и опыта работы в журнале. Цикл лекций он посвятил теме «Современные писатели для детей». Слушателями были родители. Таня Буткевич тоже ходила иногда на его занятия. Запомнилось ей занятие 16 января 1909 года. Сергей Николаевич с одобрением упомянул рассказ Куприна «Палач». Родители восстали на него: «Как можно рекомендовать детям рассказ, в котором палач выставляется хорошим человеком!» Дурылин ответил им «из глубины религиозных и нравственных взглядов». «Это было больше, чем педагогика и художественные вкусы только... Он говорил о другой правде, чем та, которая выдвинута у нас сейчас в России переживаниями последних времён, он говорил о правде Евангелия и Христа, Который разбойнику сказал: Сегодня же будешь со мною в раю! Он упрекнул современное общество в том, что оно привыкло судить человека по мундиру, надетому на нём, дальше которого оно заглянуть не умеет. Это был вызов всему почтенному педагогическому собранию, и так это было понято: в зале было шумно, раздавались негодующие возгласы. Я видела, как волновался Серёжа, как дрожали его руки, но сколько серьёзности, искренности и благородства было в нём в эту минуту! Это был не прежний Серёжа, а новый, смелый, свободный. Он закончил словами: Не знаю, господа, может быть, этим я окончательно подрываю мою репутацию как педагога, но я не могу иначе...»^[47]

Но были и другие темы. На вечере в память Л. Толстого (1910) Дурылин прочитал доклад «Л. Н. Толстой как учитель». Сохранился пригласительный билет на вечер, где Дурылин в апреле 1913 года делал доклад «Из жизни Гаршина (по неизданным материалам)».

На торжественном заседании в университете по случаю столетия знаменитого хирурга и педагога Николая Ивановича Пирогова (1910) Дурылин выступил с речью «Пирогов и будущее воспитание и образование», где указывал, что знаменитый учёный был сторонником

свободной школы. Докладчик проводил параллель между педагогическими идеалами Пирогова и молодой школой педагогов, провозглашающих свободу для ребёнка, как свободу для человека вообще. О его речи сочувственно писали «Русские ведомости». Заседание было закрыто полицией, потому что «речи приняли нежелательный характер». Газета «Русское слово» процитировала слова Дурылина: «Новая школа растёт во всём мире. И как бы ни была печальна наша действительность, настоящая школа не может заглухнуть в стране, где первым провозвестником её был хирург Пирогов, а учителем в народной школе был Лев Толстой»^[48].

Но постепенно пришло понимание того, что свободное воспитание даёт не те результаты, которые ожидали. Дурылин собирает вырезки из газет и журналов, говорящие о тлетворном влиянии на формирование личности этого метода. Чрезмерная свобода развращает ребёнка.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «К ВЕРЕ ОТЦОВ»

И в мироощущении самого Дурылина вызревают большие перемены. Он ищет внутреннюю духовно-нравственную опору. На этом пути значительной вехой стала встреча с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне 20 октября 1909 года. И. И. Горбунов-Посадов, отправляясь к Толстому по делам издательства, предложил Дурылину поехать с ним. Они провели в Ясной Поляне целый день с раннего утра до позднего вечера. Сергей Николаевич испытал на себе обаяние личности Льва Толстого (его «философию» (закавычено Дурылиным. — В. Т.) он никогда не принимал и толстовцем не стал), но безоговорочно принял «непротивление добру». Беседы с Толстым, его слова о нравственном религиозном сознании, о религии любви, способные удержать людей от зверств и насилия, о том, что нужно изучить свою душу, приучить свой ум к осмотрительности в суждениях, сердце к миролюбию, ещё долго будут занимать мысли Дурылина. Эти размышления помогут в разрешении мучительных раздумий о том, «что есть истина» и каково назначение его, Сергея Дурылина, — в этой жизни. В Ясной Поляне Дурылин записал всё, что говорил Толстой, а приехав домой, уточнил записи, и они приняли вид воспоминаний «У Толстого и о Толстом», дополненных в 1928 году отдельной главой и комментариями. В полном виде воспоминания впервые опубликованы в третьем номере журнала «Урал» в 2010 году^[49].

После встречи с Л. Толстым Дурылину захотелось глубже заглянуть в себя и перечесть те страницы своей жизни, которые ещё недавно казались содержательными и нужными. «Это перечитыванье я начал ещё до поездки в Ясную Поляну, но с приездом оттуда оно пошло прилежней и внимательней. Этот взгляд на себя был мне очень нужен, и мне душевно полегчало после него»^[50]. Вернувшись из Ясной Поляны, он написал об этом своему другу Н. Н. Гусеву в его чердынскую ссылку. «Те годы, после несчастного 1905, 906 г., 907, часть 908, я вспоминаю с грустью, с тоской, с сожалением... Я тогда много мучился, много мучил других, и в конце концов, несмотря на мои увлечения то Толстым, то другим, был глубоко несчастен. Но из того мучительного времени я вынес по крайней мере одно твёрдое и несомненное, что мне крайне нужно: я не верю и никогда не поверю, что то, что мы (т. е. так называемая] русская интеллигенция и все привлечённые ею к её мыслям и действиям) делали тогда, что мы думали и о чём говорили, я не верю, чтобы это нужно было делать, думать, говорить;

я знаю, что *ничего не нужно было делать*. Весь пережитый и переживаемый ужас — не нужен, неоправдан ничем, он — наша вина, и нечего нам скидывать его с себя на других... Единственным, кто был трезв, кто не подчинился обману тогда, мне представляется — Толстой»^[51]. И ещё он определил для себя главный закон: *Не суди!* Не обвиняй никого!

Сергей Николаевич называет переломным 1910 год. «Я вернулся к вере отцов, — пишет он Георгию Семёновичу Виноградову^[52], — и тут создалось у меня в душе и мысли некое хранительное ощущение Руси, вера в её пребывающий незримый град, вера, вобравшая в себя и углубившая и ту красоту русской народности, которая открылась мне на Севере». В этом году на его письменном столе появились новые книги — жития святых, творения Отцов Церкви. Тогда же в душе Дурылина появились первые признаки противоречия между тягой к поэтическому, литературному творчеству и религиозными исканиями. Но пока будет преобладать первое. Наметились и расхождения с К. Н. Вентцелем, считавшим, что всякая абсолютная истина — насилие. Дурылин же признавал абсолютные истины — Бог, Добро, Красота. И в ребёнке он видел носителя в себе Бога. В 1910 году он написал стихотворение «Блудный сын»:

Благословенно сыном блудным
В родимый возвратиться дом,
О всём минувшем, непробудном
Рыдать в просторе золотом.
.....
Вновь ласку^[53] детства возлелея,
Я плачу сладостно над ней,
Да возвратится Галилея
Младенческих и чистых дней!

Возвращение к вере отцов было вторым поворотом судьбы — на сей раз благодатным.

Перелом в мировоззрении С. Н. Дурылина наступил, конечно, не сразу. Он вызревал постепенно и подспудно. Попад осенью 1907 года в очередной раз в Бутырскую тюрьму^[54], Дурылин обнаружил в тюремной библиотеке книгу теолога Поля Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского», изданную в 1895 году «Посредником». Проповедь любви ко всем тварям земным, единения с природой в Боге пролилась как бальзам на его израненную

душу. И он внёс поправку в своё мировоззрение. Там же, в тюрьме, он прочитал «Пасхальные письма» Владимира Соловьёва. Первое письмо — о Воскресении Христове — «это было забытое, столько лет неслышанное, невозможное „Христос Воскресе!“ моей сжавшейся от одиночества и тоски душе. И странно, что, не отвечая ещё сознанием, я уже ответил своим внутренним чувством сразу же: „Воистину воскрес!“ ...Моё детство нахлынуло на меня: моя душа раскрылась для всего чудесного!» Эти признания в письме Эллису (Л. Л. Кобылинскому)^[55], как и другие высказывания Дурылина о годах 1905–1909-м, свидетельствуют о том, что временный юношеский атеизм Дурылина был неглубоким, он отдал дань всеобщему увлечению революционными идеями, Р. Штейнером, Ф. Ницше, М. Штирнером... А жизнь так жестоко отрезвила, что душа наполнилась ядом от атеизма. Теперь она жаждала очищения любовью, верой, тишиной.

Атеизм и шумный нигилизм окружающих шли вразрез с тем, что происходило в его душе. Его Бог, это Бог «тихий, не требующий речей и споров. Но тишины и мира». Он пишет Тане Буткевич о необходимости побыть одному, так как «что-то отмирает во мне, чему нужно было умереть, и что-то зреет и зарождается, чему нужно было родиться. Пусть же совершается всё это в тишине, пусть отстоится на душе и исчезнет вся муть, нанесённая годами!»^[56]. И тогда же Дурылин скажет ей: «...единственное, что надо просить у Бога — это не счастья, не мудрости, а только простоты».

Своими мыслями о вере, Боге Дурылин делится и с другом Н. Н. Гусевым, а тот отвечает ему: «...Коренное, основное значение веры в Бога, как ты справедливо пишешь, в том, что оно уничтожает возможность одиночества в самой тяжёлой его форме: одиночества, вытекающего из непонимания лучших, высших стремлений человека окружающей его средой. <...> В нашей душе есть источник жизни самостоятельный, не зависящий от окружающей нас среды, — есть та сила, которая даёт нам возможность обойтись без поддержки людского сочувствия. Нужно только раскопать этот источник жизни и жить им; а мы большей частью забрасываем его суетой и грязью житейской»^[57].

Своё душевное состояние не только на тот момент, но и на всю дальнейшую жизнь Дурылин выразил в письме Тане Буткевич: «Несмотря на мою далеко не мирную юность, вопреки всем моим увлечениям, вопреки, скажу без всякого преувеличения, всем моим грехам, — я ищу и искал религиозной внутренней покорности. Я мирный и мир любящий человек. <...> В моей природе <...> есть мягкость, русское,

мягкосердечное, слабое, нетребовательное к себе и другим, недеятельное христианство. Оттого, может быть, я и в природе люблю тихое, покорное, изнемогающее время года — осень; оттого я склонен к мистическим чувствам. <...> Я боюсь своей „деятельности“ и моё „неделание“ — лучшее во мне»^[58].

«Неделание» Дурылина — это его жизненная позиция. В 1928 году он запишет: «Над не-деланием и непротивлением очень легко смеяться, потому что смеющиеся мыслят, что находятся в постоянном действовании, при том почитаемом ими важным и необходимым, а „не-делающих“ и „непротивляющих“ считают лентяями. Но пусть они на время представят себе: действие их, важное и необходимое, — хождение на службу, чтение лекций, общественная деятельность, актёрство, земледелие, домашнее хозяйство, писание книг, всё что угодно, — насильственно прервано. Они в тюрьме. Никакое „действие“ невозможно. Но их принуждают к бесчестному поступку. Что они *могут* в этом случае? Могут одно: не делать его. Не делать — они могут, а делать — ничего. Их за это накажут. Пусть. Неделание этого недоброго поступка и непротивление наказанию за него — будет их свобода, никем не отъемлемая, ни от кого, кроме них, не зависящая. Но в таком положении — тюрьмы — находится каждый человек с неспящей совестью. <...> Война. Я не могу прекратить её <...> но я могу не участвовать в ней, — и никто не может меня принудить к этому. Государственное насилие? Я не могу уничтожить государства. Но я могу не быть прокурором, судьёй, сборщиком податей, тюремщиком, и проч., и проч. <...> Свобода моего *делания* — всегда не свобода: оно зависит не от меня одного. Свобода моего *неделания* есть совершенная свобода: она зависит от меня одного. <...> Как истина, раз человек обладает ею, остаётся с человеком всегда: и ночью и днём, в счастье и несчастье, на кафедре науки и на ложе нищего, во дворце и в тюрьме, — так должна оставаться с ним всюду и свобода. Только неделание и непротивление удовлетворяют этому условию: только при них человек может быть свободен и в тюрьме, может быть свободен и при насилии всего мира против крупинки: личности, всех против одного. Свобода тут поистине беспредельна. И оспорить эту свободу <...> — никто не в силах. Никто её и не оспорил. Над нею, правда, можно смеяться, но смеяться — не значит оспорить. <...> Христианство, — пока оно было с „непротивлением“ (апостолы и мученики), — было непобедимо. <...> С тех пор, как христианство переменило тихое оружие непротивления на звонкое оружие противления (Византия, Рим), оно перестало побеждать»^[59].

Дурылину, конечно, была известна статья Л. Толстого «Неделание», опубликованная в журнале «Северный вестник» (1893. № 9), издателем которого была Любовь Яковлевна Гуревич^[60]. Отдельной брошюрой статья была издана в «Посреднике» в 1907 году и потом неоднократно переиздавалась. Толстой в этой статье утверждал, что неделание — это не бездействие, а отказ от совершения зла и всего ненужного. Ссылку Дурылина на эту статью мы не обнаружили, но его мысли созвучны мыслям Толстого.

В пасхальные ночи 1909 года Дурылин ходит в Кремль слушать звоны Ивана Великого и впервые после большого перерыва отвечает на пасхальные приветствия. В этот год он причащался. Однажды повёл друзей смотреть, как варят миро. Об этом вспоминает Т. А. Буткевич: «Громадные котлы под красным балдахином, дьяконы в чёрных бархатных одеждах с серебром, мешающие в котлах громадными ложками с ручками, обтянутыми красным бархатом, и сильный опьяняющий аромат — всё это произвело на меня ошеломляющее впечатление и казалось каким-то древним восточным волхованием»^[61]. В то время ведением Мироварной палаты занимался хранитель Синодальной ризницы архимандрит Димитрий, в прошлом законоучитель в 4-й мужской гимназии И. И. Добросердов. «Дверь к архимандриту Димитрию также легко отворялась для всех, а в особенности для его бывших учеников, как и дверь священника Добросердова. <...> Он оставался и под клобуком добрым, сердечным человеком»^[62].

СПАСИТЕЛЬНЫЙ СЕВЕР

В 1908 году Дурылин начинает посещать лекции в Археологическом институте. Он слушает спецкурсы по истории, первобытной археологии, древнерусской литературе, истории искусства, иконописи. Через два года поступает на заочное отделение факультета археографии (изучение методов издания письменных источников и истории публикации документов), избрав специальностью историю литературы и искусства. По частям собирает у друзей 40 рублей для первого взноса.

В выборе именно этого института, по-видимому, сыграли роль и увлечение этнографией и археологией, любовь к Русскому Северу, к русской старине и тяга к путешествиям. Дурылин почти каждый год отправляется в путешествия, то самостоятельно, то с геологической партией по командировке института: в 1906, 1908, 1911, 1914, 1917 годах — по Северу. Задания научных командировок совпадают с его собственными интересами. Он записывает образцы северного фольклора — песни, частушки, сказки, заговоры, причитания, плачи, считалки, свадебные обряды... Зарисовывает архитектуру северных церквей, делает их замеры, описывает иконы, иконостасы. Набрасывает схемы береговых линий и островов материкового происхождения в Ледовитом океане. Делает выписки из церковных книг. Он совершает открытие — доисторический Кандалакшский вавилон. Его описания природы, пейзажей открывают нам истинного художника, тонко чувствующего красоту.

«Весь восторг, вся нежность севера перед нами. На солнце ещё сияют дальние синие вершины, и на всём — его тихий вечерний неугасающий свет. Смолкают птицы. Странная солнечная тишина почти не нарушается привычным и, кажется, созвучным ей шумом реки. Старые светлые леса, то взбегая на горы, то клонясь к лодке, то синяя высоко, высоко в солнечных лучах, то двигая бесшумно и бессонно ветвями, исполнены необычной, непонятной нам силы и тайны». Это из очерка «За полуночным солнцем». А вот фрагмент из описания водопада: «...Вода в нём шипит, крутится, взлетает вверх тысячами фонтанов, выбрасывает целые хлопья белой пены, похожей на мыльную воду, вода бьёт ключами, сплетается в причудливые кружева, вертятся тысячи водяных прялок, и над всем этим стоит лёгкий воздушный навес серебряных и алмазных брызг и капель, горящих на солнце, как мельчайшие бриллианты» (очерк «Под северным небом»).

В разное время Дурылин берёт с собой в путешествие кого-нибудь из

своих учеников и друзей (Колю и Ваню Чернышёвых, Игоря Ильинского, Всеволода Разевига, Георгия Хрисанфовича Мокринского^[63]), брата Георгия. Побывал несколько раз на Соловках, в Архангельском и Олонецком краях, в Петрозаводске, Кижях, Лапландии, Кандалакше, у Ледовитого океана возле берегов Норвегии, в Кеми и Пудожье. В 1909 и 1910 годах путешествует по Волге, Каме, древним русским городам. Сергей Николаевич слушает «святые звоны Ростова», с философом Эмилием Карловичем Метнером^[64], осматривает старину, радуется «неразлюбленной Руси» в Ярославле, Костроме, Угличе с Маргаритой Кирилловной Морозовой и её сыном Микой (в будущем литературоведе, исследователем творчества Шекспира. Портрет Мики, написанный Валентином Серовым, широко известен любителям живописи). В это время Сергей Николаевич увлёкся изучением древнерусской иконописи, которая для него была «как бы алтарём „Софии“, пристанищем русского народного гения: и веры, и мысли, и красоты». Тема его выпускной работы в институте — «Иконография Святой Софии».

По итогам северных путешествий Дурылин издал ряд работ: путевые очерки, написанные пылко и романтично «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» с фотографиями В. Разевига и посвящением ему (1913); исследование «Кандалакшский Вавилон: к изучению северных лабиринтов» (1914); «Под северным небом. Очерки Олонецкого края» с фотографиями Коли Чернышёва и посвящением ему (1915). Эти и другие работы были представлены Дурылиным в качестве отчётов в институт и напечатаны в «Отчётах Московского Археологического института». Затем вышли отдельными изданиями.

В 1913 году на общем собрании Общества изучения Олонецкой губернии под председательством А. Ф. Шидловского Дурылин был избран действительным членом общества. Шидловскому — вице-губернатору Олонецкой губернии, краеведу — Дурылин посвятил статью «Из скитаний по русскому Северу (На Заячьих островах)», опубликованную в «Известиях Архангельского Общества изучения Русского Севера» (1912). Через год там же была опубликована статья «Древнерусская иконопись и Олонецкий край», переизданная отдельной книжкой в Петрозаводске^[65].

Работы Дурылина, посвящённые Северу, до сих пор не утратили своей актуальности. И через 100 лет после их написания в 2013 году по материалам этих статей Е. А. Агеевой был сделан доклад на Всероссийской научной конференции «Святые и святыни Обонежья», которая прошла в Пудожском районе Карелии на Водлозере, где побывал в своё время

Дурылин.

(Интерес к этнографии проявился ещё в детстве, когда четырнадцати-и пятнадцатилетний Серёжа Дурылин, живя летом на Волге в районе Рыбинска и Ярославля и не читая ещё никаких этнографических книг, увлёкся собиранием этнографического материала: записывал с голоса песни, присказки, зарисовывал и описывал утварь и другие старинные предметы.)

Путешествия по Северу проходили в тяжёлых условиях: чаще шли пешком по трясинам, мхам, оленьим тропам, иногда сутками без сна, полуголодные, мокли под дождём, людей пожирали тучи комаров, на утлых судёнышках плыли по бурлящим озёрам. Физически слабому и не крепкому здоровьем Дурылину непросто было вынести все эти тяготы, однако он пронёс через всю свою жизнь глубокую светлую любовь к Северу.

Игорь Владимирович Ильинский — народный артист СССР — описал путешествие в Олонецкую губернию в 1917 году. «Сергей Николаевич Дурылин собрал несколько своих учеников и повёз нас в далёкую экспедицию от Археологического общества. Путешествие это было особенно увлекательным и оставило неизгладимое впечатление. <...> Мы проходили пешком по тридцать километров в день, плыли целыми днями в лодках и хорошо познакомились с этим краем. Были на знаменитом водопаде Кивач, который сохранял тогда ещё девственную неприкосновенность. <...> Полюбил я всей душой старинные деревянные русские церкви. <...> Более трёхсот вёрст мы проехали на настоящих перекладных. Как будто мы перенеслись в прошедший век и poznали казённые „прогонные“ по „открытому листу“, по которым дают лошадей на тракте. Повидали даже „станционных смотрителей“, у которых надо было, как встарь, требовать лошадей. <...> Там, где было много воды и дороги плохие, перекладные иногда заменялись лодками, в которых нас на вёслах везли по озёрам дежурные девки с песнями и весёлыми шутками»^[66].

Во время этой поездки Сергей Николаевич и его любимый ученик Коля Чернышёв читают книгу «Общечеловеческие корни идеализма», «устанавливающую философское родство колдуна и Платона в соседстве с колдунами». Беседуют с батюшкой о. Александром «за чаем и морошкой» о колдовстве, о колдунах. Этот интерес не случаен. Колдовские ритуалы интересовали его наряду с фольклором северных народов, говорами, деревянными церквями и древними иконами. Священник Сергей Алексеевич Сидоров — в то время юный друг-ученик Дурылина — вспоминает, как однажды они с Дурылиным 31 января «в день шабаша великого», как стояло в древних книгах, приготовили ведьмовское зелье по

рецепту, приведённому у Кизеветтера, и, сидя в корытах в комнате Дурылина в Обыденском переулке, натёрли себя этим зельем. «Я очнулся у окна на полу, — пишет С. Сидоров, — покрытый сверху скатертью и десятым томом Владимира Соловьёва. Память оставила удивительную серую тайну, какой-то пустой нарыв да ненависть ко всему миру, что родил с собою ведьмовский неудачный полёт»^[67]. Увлечение оккультизмом было распространено в то время среди интеллигенции, в том числе и среди молодых людей, группировавшихся вокруг издательства «Мусагет». Не избежал его и Дурылин. В той или иной степени к оккультизму, к антропософии были причастны Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Павел Флоренский. Популярность оккультических и теософских течений Н. А. Бердяев объясняет «неспособностью церковного богословия ответить на запросы современной души»^[68].

ПЕДАГОГ

Коля Чернышёв, Серёжа Сидоров и Серёжа Фудель — ученики-друзья Дурылина. В 1908 году его пригласили домашним репетитором-воспитателем к сыновьям фабриканта С. И. Чернышёва, и вплоть до 1917-го он будет проводить лета в имении Чернышёвых Пирогово на Клязьме недалеко от Мытищ, путешествовать с мальчиками по городам и рекам России, брать их с собой в Оптину пустынь. Коля — старший — станет его близким другом на всю жизнь. Впрочем, как и младшие — Иван и Александр. Так было всегда и со всеми его учениками — они становились его друзьями, духовными детьми. А в одном из сохранившихся писем Варвары Андреевны Чернышёвой — матери учеников Дурылина — есть такие слова: «Нам всем будет очень неоставать Вас летом. Я в этом уверена. Вы вносите столько сердечности и уюта в нашу семью»^[69]. Дурылин пишет своему старшему «другу и учителю» Георгию Хрисанфовичу Мокринскому о своих волнениях за судьбу Коли и просит помочь разобраться в целом клубке чувств, мыслей, надежд и опасений, запутавших его самого. «От Коли на меня идёт бесконечная радость, но от Вас не потаю, и великая страда... Тут дело для меня огромное, прекрасное, труднейшее. Я хочу, чтобы Вы подумали обо мне и об этом деле, т. е., значит, и о Коле. <...> Коля для меня не только то, что есть наличность, данность, а ещё и заданность, то, что будет, что должно быть. И тут у меня сердце замирает. <...> С ним у меня завязывается (даже и не это, а завязалось уже) такая большая надежда, что я не могу не жутиться сейчас. <...> Ах, если б Вы знали, как всё это сложно! Иногда я боюсь себя до ужаса — и боюсь себя не за себя только, а и за него, за Колю. Но ничего этого не напишешь как следует. Посмотрите, почувствуйте, подумайте, войдя в нас с ним, в обоих, и как в одно целое, и порознь... и скажите мне, что надумается и начувствуется»^[70].

Искусствовед А. А. Сидоров (старший брат Сергея Сидорова) свидетельствовал: «Сергей Николаевич был всегда одним из самых популярных в Москве педагогов. За ним гонялись крупнейшие московские богачи, подманивая его, чтобы он воспитал самых трудно поддающихся балбесов (скорее великовозрастных гимназистов), до того хорошо Сергей Николаевич умел с ними справляться! Это был педагог совершенно прирождённого таланта»^[71]. До 1918 года Дурылин преподавал историю литературы в частной гимназии Н. Е. Шписс. Но основная его

педагогическая деятельность проходила в семьях, куда его приглашали домашним учителем и воспитателем. В последнее десятилетие своей жизни Дурылин преподавал в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС).

Сергей Фудель вспоминает, какие «университеты» они проходили с Сергеем Николаевичем в 1915–1917 годах: «Он водил Серёжу Сидорова, меня и Колю Чернышёва в кремлёвские соборы, чтобы мы через самый покой их камня и красок ощутили славу и тишину Церкви Божией, водил на теософские собрания, чтобы мы знали, откуда идёт духовная фальшь, на лекции Флоренского „Философия культа“, чтобы мы поняли живую реальность таинства; в Щукинскую галерею, чтобы мы через Пикассо услышали, как где-то совсем близко шевелится хаос и человека, и мира; на свои лекции о Лермонтове, чтобы открыть в его лазурности, не замечаемой за его „печоринством“, ожидание „мировой души“ Соловьёва. <...> Те Университеты, которые мы тогда проходили <...> особенно под влиянием С. Н. Дурылина, в главном можно было бы определить так: познание Церкви через единый путь русской религиозной мысли»^[72].

Друзья часто собирались или у Сергея Николаевича в Обыденском переулке, или у Фуделей в Плотниковой и устраивали «пиры ума», рассуждали о жизни, о вере, о том, что волновало юные умы, вели «политико-апокалиптические» беседы. Дурылин увлекал в разговоры о событиях в философском мире, в мире поэтов-символистов... Круг тем был широк. Могли мальчики слышать разговоры Дурылина с протоиереем Иосифом Фуделем. А беседовали они о жизни Церкви, о её путях в тревожные для России времена первого десятилетия XX века, о Константине Леонтьеве^[73] — старшем друге отца Иосифа.

Сергей Фудель, часто бывавший у Сергея Николаевича в его маленькой комнате в Обыденском переулке, вспоминает, что тот жил как монах, «это было вольное монашество в миру, с оставлением в келье всего великого, хотя бы и тёмного волнения мира»^[74]. Запомнились Фуделю тишина в комнате и обилие книг, которые были всюду: на полках, на столе, на стуле, на полу. А в письмах сыну в 1951 году признается: «Мы вместе с ним прошли какой-то большой светлый путь», «Без него не было бы и нас»^[75].

Дружба юношей, заложенная Сергеем Николаевичем, не ослабевала с годами. (Связи оставались крепкими. Николай Сергеевич Чернышёв первым браком был женат на сестре Сергея Иосифовича Фуделя Лидии Иосифовне. После её смерти в 1932 году отец Сергей Сидоров в 1935 году

венчал Николая Сергеевича с Елизаветой Александровной Самариной (1905–1985), сестрой Юры^[76] и дочерью Веры Саввишны Мамонтовой («Девочки с персиками» В. Серова) и Александра Дмитриевича Самарина — видного государственного и общественного деятеля. Николай Чернышёв стал крёстным отцом дочерей священника Сергия Сидорова Веры и Татьяны. Мать братьев Чернышёвых Варвара Андреевна (урождённая Самгина; 1875–1942) — крёстная мать актёра И. В. Ильинского.)

Хотя после 1912-го Дурылин уже не писал специальных педагогических статей, но педагогическую практику не бросал. У него сформировались, «ценой многих ошибок», новые взгляды на педагогику. Он пришёл к убеждению, что воспитывать себя и учеников надо, руководствуясь нравственными законами, которые даёт христианство. Вопрос воспитания он переносил в сферу религии. Своё кредо Сергей Николаевич изложил в письме И. И. Горбунову-Посадову, который в августе 1917-го обратился к нему с просьбой прислать что-нибудь для юбилейного номера журнала «Свободное воспитание»: «Когда-то я очень любил известное изречение Руссо: „Искусство воспитания состоит в том, чтобы не воспитывать“. В нём виделась мне истина, почти самоочевидная. Теперь оно представляется мне вовсе не выражающим и доли истины. Я думаю теперь как раз обратное. Не только искусство воспитания, но и всё искусство жизни состоит в том, чтобы непрестанно, из минуты в минуту, воспитывать — кого? Себя самого же, как своего или чужого ребёнка. И мало того: весь смысл жизни — лишь в том, чтобы не только воспитывать себя ли, других ли, но и быть непрестанно воспитываемым Единственным Воспитателем. Тою Истиною, которая принесена на землю Христом. Истинного воспитания нет вне Христианства, потому что только Христианство раскрыло всецелую правду о природе человека, указав, со всею беспощадной силой истины, что человеку присуща — с малых лет — не только живая причастность бессмертию, но и действительное рабство греху и смерти. Поэтому у воспитания может быть только одна задача — высочайшая, правда, но и труднейшая, к разрешению которой безумием было бы и приступать без великой помощи религии. Эта задача: бороться в ребёнке, как и во взрослом, со всем, что является в человеческой природе прямым следствием рабства греху, и бережно хранить и помогать росту того, что в человеческой природе свидетельствует о бессмертных истинах и корнях человека, что являет нетленные отблески Божества в строе человеческого духа, души и тела. При такой верховной задаче — а мне представляется она единственной задачей воспитания — воспитание должно быть тем же, чем должна быть и философия, — „служанкой

религии“. <...> Вот в двух словах то, к чему я пришёл путём многолетней думы и практической работы над вопросами воспитания. Писать об этом мне стало труднее, но жить и работать с этим мне стало легче и светлее. Я перестал быть писателем по педагогическим вопросам, но по-прежнему нахожу много радости в работе с детьми, около детей и для детей»^[77].

«СЕРДАРДА», «МУСАГЕТ»

Дурылин часто заходит к поэту Юлиану Анисимову^[78], в доме которого на Разгуляе собирается группа поэтов, музыкантов, художников, назвавших своё сообщество словом — «Сердарда». Он встречается здесь с поэтами Борисом Садовским, Сергеем Бобровым, музыкантом и этнографом Борисом Красиным, поэтом, издателем «Аполлона» Сергеем Маковским, философом и филологом Константином Локсом, поэтом и певцом Аркадием Гурьевым и другими. «Здесь читали, музицировали, рисовали, рассуждали, закусывали, пили чай с ромом», — вспоминает Б. Пастернак в очерке «Люди и положения»^[79]. Борис Пастернак импровизациями на фортепиано встречал каждого входящего в начале вечера. В непринуждённой, весёлой обстановке отступают мрачные мысли. А главное — здесь творческая атмосфера, разговоры о литературе, искусстве, музыке, о том, к чему стремится душа.

С Пастернаком Дурылин познакомился в 1908-м, когда Боря был учеником старшего класса 5-й классической гимназии^[80]. До этого Сергей Николаевич был знаком — встречался в «Посреднике» — с его отцом, Леонидом Осиповичем Пастернаком. В доме-музее С. Н. Дурылина в Болшеве висит автолитография Л. Пастернака «Л. Толстой в Ясной Поляне», подаренная ему Борей с ласковой надписью. Борис писал Дурылину длинные письма, томимый «лирическим хмелем». Они часто встречались, гуляли в Сокольниках, запоем слушали Скрябина и после концерта бродили по Москве «очумелые». Дурылин читал свои стихи, посвящённые Скрябину. Родители и друзья прочили Боре карьеру музыканта. Но однажды в Сокольниках Борис остановил Дурылина и сказал: «Смотрите, Серёжа: кит заплыл на закат и отяжелел на мели сосен... — Это было сказано про огромное тяжёлое облако. <...> Образ за образом потекли из его души. <...> — Мир — это музыка, к которой надо найти слова. Надо найти слова!» — «Я остановился от удивления, — вспоминает Дурылин. — Музыкант должен был бы сказать как раз наоборот: мир — это слова, к которым надо написать музыку, но поэт должен был бы сказать именно так, как сказал Боря. А считалось, что он — музыкант»^[81].

Дурылин поддержал поэтические начинания Пастернака, почувствовав в его стихах «начало пути к подлинной поэзии», «кусочки золота». И когда

в 1913 году на средства Ю. П. Анисимова, А. А. Сидорова, С. Н. Дурылина вышел альманах «Лирика», в нём по настоянию Дурылина были напечатаны первые стихи Бориса Пастернака. Одно из них — «Сегодня мы исполним грусть его...» Б. Пастернак записал в альбом Сергея Николаевича. Встретив в 1927 году Дурылина на концерте Н. К. Метнера^[82] (после пятилетнего «невстречания»), Б. Пастернак приветствовал его словами: «Серёжа, ведь вы привели меня в литературу». Их дружба продолжалась 46 лет с перерывами на годы вынужденных «невстречаний». Подарив Сергею Николаевичу книгу «Поверх барьеров», Борис Леонидович на форзаце написал: «Сергею Николаевичу Дурылину, дорогому человеку, мизинца которого я не стою. Б. Пастернак. 21. II. 30. Москва»^[83]. В них обоих было глубинное понимание души и творческой сути друг друга. Дурылин назвал их отношения «братством по мысли, по сердцу».

Постоянным сотрудником издательства символистов «Мусагет» Дурылин был во все годы его существования: с марта 1910-го (дата официального открытия) по 1917 год. Редактором-издателем был Эмилий Карлович Метнер, редакторами А. Белый, Э. Метнер, Эллис. Сергей Николаевич и Алексей Алексеевич Сидоров переступили порог издательства на Пречистенке, 31, в день его открытия. Андрей Белый, вспоминая историю создания издательства, пишет: «„Мусагет“ только что обосновался в квартире: три комнаты с ванной, кухней и комнатушкой для служителя, Дмитрия; меблировка была со вкусом; редакция выглядела игрушкой...»^[84]

В изданиях «Мусагета» участвовали целый ряд крупных филологов, историков философии, литературы и искусства. Дурылина привлекало то, что «Мусагет» был вольной «академией литературы», где читались специальные курсы по истории древнегреческой поэзии, по французской поэзии XIX века, по русской лирике XIX столетия. Привлекало Дурылина и то, что символизм рассматривался в «Мусагете» не только как поэтический метод, но и как особый способ мышления, целостная и стройная теория познания.

Борис Пастернак вспоминает: «Вокруг издательства „Мусагет“ образовалось нечто вроде академии. Андрей Белый, Степун, Рачинский, Борис Садовской, Эмилий Метнер, Шенрок, Петровский, Эллис, Нилендер занимались с сочувственной молодёжью вопросами ритмики, историей немецкой романтики, русской лирикой, эстетикой Гёте и Рихарда Вагнера,

Бодлером и французскими символистами, древнегреческой досократовской философией. Душой всех этих начинаний был Андрей Белый, неотразимый авторитет этого круга тех дней...»^[85] Вокруг Эллиса сгруппировалась талантливая молодёжь, образовавшая кружок «Молодой Мусaget», собиравшийся в студии скульптора Константина Фёдоровича Крахта на Пресне. Б. Пастернак вспоминает, что на этих собраниях часть слушателей сидела внизу среди слепков с античных фигур и работ хозяина, другая часть слушала сверху, лёжа на полу антресолей и свесив головы. Т. А. Буткевич посещала собрания «Молодого Мусagета»: «...поэты-символисты собирались по воскресеньям у скульптора Крахта. Собрания эти имели целью совместное изучение творчества Вагнера и французских символистов — Бодлера, Верлена и др. Читались доклады, рефераты. Кажется, Эллис читал лекции о Бодлере. С[ергей] Н[иколаевич] был частым посетителем этих собраний и сам выступал с сообщениями. Настроение на этих вечерах было торжественное и какое-то благоговейное. Ходили чуть ли не на цыпочках, говорили шёпотом, к символизму относились как к какому-то откровению»^[86].

Дурылин вспоминал в 1926 году: «У кружка было две души — сам Эллис и покойный скульптор К. Ф. Крахт, ученик Родена, автор замечательного бюста Бодлера. Это был человек высокого строя души — весь отдавшийся подвигу взыскания единого творчества жизни, личности и искусства»^[87].

Андрей Белый организовал в 1910 году при «Мусagете» ритмический кружок, основной задачей которого было исследование ритма русского пятистопного ямба. Идея организации кружка принадлежала не Белому. Вот что он вспоминает: «...читаю я публичную лекцию на тему „Лирика и эксперимент“, ответ на которую — появление ко мне тройки молодых людей — Дурылина, Сидорова и Шенрока — с предложением организовать под моим руководством экспериментальную студию по изучению ритма; быстро налаживается ритмический кружок в составе пятнадцати-семнадцати человек»^[88]. Эту тройку инициаторов Белый называет «руководящей» в работе кружка. В автобиографии, написанной в 1952 году, Дурылин отметил: «Занятия под его руководством, изучение лирики Пушкина, Лермонтова, Тютчева и др. русских поэтов давали так много, как не мог дать в те времена ни один университет, где вовсе не занимались тогда вопросами стиховедения». В архиве Дурылина (в альбоме) сохранилось письмо (на бланке «Мусaget», без даты) Андрея Белого Сергею Николаевичу, который, видимо, куда-то уезжал: «Дорогой Сергей

Николаевич. Спасибо за хорошие слова. Ужасно жаль, что мы не простились. Надеюсь, что Вы будете мне писать. Не оставляйте нашего ритмического кружка. У меня на Вас и Алексея Алексеевича Сидорова вся надежда. Остаюсь искренне преданный Вам Борис Бугаев»^[89].

В двухмесячнике «Труды и дни», издаваемом при «Мусагете» с 1912 года, вышли статьи Дурылина «Луг и цветник» — о поэзии С. М. Соловьёва (1913) и «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика» (1916) — единственная изданная из целого ряда его работ по ритму и поэтике.

Стихи Дурылина наряду со стихами А. Блока, А. Белого, М. Волошина, Н. Гумилёва, В. Ходасевича, М. Цветаевой, Вяч. Иванова были изданы в поэтическом сборнике «Антология»^[90]. В 1910-е годы Дурылин писал, как он сам выразился, «гладкие символические стихи, францисканские сонеты». Под псевдонимом Сергей Раевский Дурылин опубликовал в «Антологии» три сонета, посвящённые Франциску Ассизскому. Древний подвижник, «святой простец» в его единении с природой в Боге и Любви, в его проповеди любви ко всей твари, ко всему, созданному Богом, оказал глубокое влияние на Дурылина, которое не ослабевало с годами. Об этом влиянии — в стихотворении «Посланник из Ассизи» из неопубликованного сборника стихов Дурылина «Небесные пути. Стихотворения Сергея Раевского»:

Когда услышал голос я: унизи,
Смири себя, как нищий в час пиров,
И возроптал, о худший из рабов, —
Ты мне явился, странник из Ассизи,
Босой, без пояса и в нищей ризе,
И безымянных подал пять цветов,
И мне сказал: «Благовествуй без слов,
Служи, как цвет, с цветами сердце сблизь,
И, отцветя, для новых возрастаний
К земле пади, рассыпь ей семена,
Как жемчуга нетускневших блистаний,
И будет жатва тихо свершена». —
Так мне сказал ты, радость малых терний
Вернув душе в прощальный час вечерний.

Для сборника «Сказание о бедняке Христовом», над которым работал вместе с Александром Петровичем Печковским, переводчиком с латыни и староитальянского, Дурылин под псевдонимом Сергей Северный написал «Житие Франциска Ассизского». «Сборник был приветливо встречен В. Брюсовым в „Русской мысли“», — отмечает Дурылин. В 1913 году в «Мусагете» вышли «Цветочки св. Франциска Ассизского» в переводе А. П. Печковского с предисловием Дурылина. (Для этой статьи ему понадобились книги, которые выписали из Италии.) Здесь он поместил свой перевод «Гимна брату Солнцу» под названием «Хвалы Франциска». Эта маленькая книжечка в дешёвом переплёте будет бережно храниться в архиве Сергея Николаевича и доживёт до наших дней. Сейчас она выставлена в экспозиции Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина в Болшеве.

Посещал Дурылин и Общество свободной эстетики, созданное В. Брюсовым и собиравшееся в Литературно-художественном кружке на Большой Дмитровке, где директором был тоже Брюсов. Сергей Николаевич рассказал Игорю Ильинскому об одном из вечеров, когда среди торжественной обстановки и гостей в сюртуках появился Владимир Маяковский в жёлтой кофте. «Около него была пустота»^[92].

В Вагнеровском кружке, который, как и «Молодой Мусагет», собирався в студии К. Ф. Крахта, осенью 1911 года Дурылин прочитал доклад «Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства». Дурылин читал, а Р. М. Глиэр играл из вагнеровских оперы «Лоэнгрин» и мистерии «Парсифаль», а для сравнения из оперы-легенды Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». Редактор-издатель «Мусагета» Э. К. Метнер опубликовал доклад Дурылина. Эллис в трактате «VIGILEMUS!»^[93] делает ссылку: «Интересна также брошюра Сергея Дурылина „Рихард Вагнер и Россия“ (М.: „Мусагет“, 1913), очень знаменательная, как выражение чисто религиозного поворота в молодом русском символизме, и в особенности его же „Церковь невидимого Града (Сказание о граде Китеже)“ (М.: „Путь“, 1914)». С. Н. Булгаков не присутствовал при чтении доклада, он ознакомился с текстом в издании 1913 года и прислал Дурылину письмо: «...Ещё раз спасибо Вам за очерк о Вагнере. Я прочёл его не отрываясь и <...> сочувствую основной идее и основной тенденции его: и тому, что в Вагнере Вы подчёркиваете мифотворчество и что сближаете его с Россией...»^[94] (Но не все безоговорочно приняли эту работу Дурылина.

Вызывало возражение его утверждение, что великий русский художник-мифотворец, предвестником которого явился Александр Добролюбов, пойдёт от невидимого Китежа веры к цветущему во плоти Китежу искусства. Наоборот, им виделся реальным путь от высокого искусства к религии.) Современное русское искусство, полагает Дурылин, «бессознательно жаждет правды возрождённого мифа, правды искусства символического, мифотворческого и религиозного одновременно». В этой работе отразилось увлечение Дурылина вагнеровским «мифомышлением» (органически свойственным и Народу) как возможным фактором оздоровления русской культуры и как путь к искусству религиозному и всенародному. Также Дурылину было близко стремление Вагнера к синтезу музыки, слова, сценического действия, подчинённых единому драматическому замыслу. Особенно это проявится в его более поздних работах о драматургических произведениях и их сценических воплощениях: «Островский и Чайковский», «Пушкин и Даргомыжский», «Гоголь и театр», «Пушкин на сцене» и др.

В эти годы Дурылин коротко сойдётся с композитором Николаем Карловичем Метнером — братом Э. К. Метнера, с поэтом-философом Эллисом, с которым связывало общее отношение к Франциску Ассизскому как духовному наставнику и к «добролюбовцам» — искателям Церкви невидимой... Эллис называет Сергея Николаевича братом по духу^[95].

Леонид Осипович Пастернак писал сыну в 1935 году, что «своей тихой сосредоточенностью Дурылин напоминал ему тогда Франциска Ассизского и был подходящей моделью для его портрета»^[96]. И на поэта Сергея Васильевича Шервинского^[97] Дурылин произвёл похожее впечатление. В 1913 году С. В. Шервинский пишет А. А. Сидорову: «У Серг[ея] Ник[олаевича] [Дурылина] я недавно был в гостях. Как у него мило и хорошо! Большая божница, старообрядческие картины, старые книги и среди них он сам, такой бесконечно добрый и уютный. Около него положительно чувствуется какой[-то] внутренний отдых. Я просидел долго; к нему пришёл и Ваш брат [Сергей], и мы все вместе вели приятную беседу»^[98].

Подружился Дурылин и с поэтом Сергеем Михайловичем Соловьёвым (внуком историка С. М. Соловьёва, племянником Вл. С. Соловьёва, троюродным братом А. Блока), которого до конца его жизни называл «alter ego». О своём друге Дурылин тепло вспоминал в 1940-е годы: «Я любил Сергея Михайловича и был, смею сказать, любим им. <...> Биография была сложная: поэт превратился в священника, в доцента духовной

Академии, затем в униатского священника, затем опять в православного и, наконец, вновь в униатского. Были и униатские стихи. <...> Одно из дорогих мне воспоминаний — этот путаный (но никого не запутавший) человек с историческим именем, последний представитель рода славного в истории русской культуры, прекрасный душой, добрый сердцем, несомненно талантливый — и глубоко несчастный»^[99].

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Заседания московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва (РФО) Дурылин начал посещать с 1910 года. Проходили они обычно в доме меценатки Маргариты Кирилловны Морозовой сначала на Новинском бульваре, а затем в её новом особняке в Мёртвом переулке. Она опекала РФО и финансировала основанное ею издательство «Путь». Редактором издательства и постоянным председателем общества был философ, переводчик, эрудит Григорий Алексеевич Рачинский^[100], который умел на заседаниях сглаживать острые углы. Князь Е. Н. Трубецкой пишет М. К. Морозовой: «У тебя в твоём милом „Пути“ собралось всё, что есть теперь наиболее значительного в русской религиозной мысли ...» и отмечает среди авторов «крупный талант Флоренского, несомненный литературный талант Дурылина»^[101]. Интерес к религиозно-философским проблемам устойчиво сохранялся у Дурылина во все последующие годы.

О Маргарите Кирилловне Морозовой (1873–1958), урождённой Мамонтовой, жене фабриканта М. А. Морозова, очень доброжелательно относившейся к Дурылину, нужно сказать подробнее. Сергей Николаевич часто общался с ней, и не только в научных заседаниях. Он был домашним учителем её сына Михаила (Мики). А в 1940-х — начале 1950-х годов она бывала в доме Дурылина в Болшеве, а он помогал ей, жившей в нищете, материально, выплачивая ежемесячную пенсию из своих средств. Андрей Белый пишет о ней: «М. К. — оказалась большим человеком; она повлияла на многих из деятелей того времени. <...> Она имела способность объединить музыкантов, философов, символистов, профессоров, общественников, религиозных философов; нас, символистов, влекло к ней её понимание зорь 901–902 годов; она зори видела <...> она понимала поэзию Вл. Соловьёва и Блока большою душою своею. <...> Она понимала стихийно тончайшие ритмы интимнейших человеческих отношений; но с присущей ей светскостью, под которой таилась застенчивость, она не всегда открывалась во вне; очень многие к ней относились небрежно; и видели в ней „меценатку“, а удивительного человека — просматривали. Я ей обязан в жизни бесконечно многим»^[102]. М. К. Морозовой посвящено много страниц в произведениях Андрея Белого.

К Рачинскому Дурылин относился с большим уважением. На оттиске своей статьи «Судьба Лермонтова» Дурылин написал: «Бесценному [Григорию Алексеевичу Рачинскому] — старшему другу и друговодителю, трижды дорогому — от любящего его автора. 7 ноября 1914 года. Перед всенощной»^[103]. Он вспоминал о Рачинском: «Он был старейшим в кругу „Мусажета“, его чтили и любили все — от мудрого Вячеслава Иванова до ершистого С. Боброва. Через него была связь с классической порой русской антологии. Он знал Фета и был другом Вл. Соловьёва. <...> Знал Льва Толстого, замечателен был в частной беседе, хорошо вёл „прения“ в Соловьёвском обществе, обладал удивительной памятью: наизусть, целыми песнями, стансами и страницами „цитировал“ Платона (по-гречески), Данте (по-итальянски), Верхарна (по-французски), Нитше [написание Дурылина] (по-немецки), Мицкевича (по-польски), не говоря уже о Пушкине, Тютчеве, Фете... Но писал туго, мало, трудно и, кажется, стихами больше, чем прозой»^[104].

Первое выступление Дурылина на заседании РФО состоялось 9 марта 1911 года. Вдохновлённый докладом Владимира Францевича Эрна (1882–1917) об украинском философе-страннике VIII века Г. С. Сковороде, Дурылин впервые попросил слова. Ему захотелось откликнуться на родственные ему мысли Эрна о «путнике к миру взыскуемому», о «религиозном странничестве» и «христианском взыскательстве русской философии». После доклада они пожали руки, впервые познакомившись лично. Исследователи отмечают общие идеи и темы в сочинениях Эрна и Дурылина: темы пути, распутья, странничества, поиска града невидимого, Софии-Премудрости Божией и др. В 1917 году после смерти философа Дурылин напишет о нём воспоминания «Памяти В. Ф. Эрна» для сборника с таким же названием, подготовленного соратниками Эрна, но так и неизданного^[105].

В 1912-м Сергей Николаевич станет секретарём РФО и останется им до закрытия общества в 1918-м. (В своём архиве он сохранит протоколы заседаний.) Здесь Дурылин общался с цветом русской философской мысли того времени: С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, Е. Н. Трубецким, Эллисом, В. Ф. Эрном, о. Павлом Флоренским, В. А. Кожевниковым, И. А. Ильиным, С. Л. Франком...

Дурылин вспоминает одну деталь, пусть незначительную, но характерную для понимания обстановки, в которой в те времена проходили вполне официальные заседания общества: «Теперь покажется странно, но в учёных заседаниях Московского археологического общества и на

собраниях Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва всех присутствующих непременно „обносили чаем“ с лимоном, со сливками и с печеньем. Человеку, пришедшему в наш дом по делу и никому в доме решительно не знакомому, немедленно предлагали стакан чаю. <...> Почтальон, принёсший письма, не отпускаясь без стакана, другого чаю. „С морозцу-то хорошо погреться!“ — говорилось ему, ежели он вздумывал отказываться, ссылаясь на спешку, и он с благодарностью принимал этот действительно резонный резон. Когда я был однажды арестован по политическому делу и отведён в Лефортовскую часть — а было это ранним утром — помощник пристава, заспанный и сумрачный субъект, вовсе не чувствовавший ко мне никаких симпатий, принимаясь за первое утреннее чаепитие, предложил мне: — Да вы не хотите ли чаю? И, не дожидаясь согласия, налил мне стакан. К чаю я не притронулся, но поблагодарил совершенно искренне: приглашение его было чисто московское»^[106].

На заседании РФО в 1913 году появился будущий философ, а тогда молодой Алексей Фёдорович Лосев. Рекомендательное письмо для посещений общества ему дал профессор Г. И. Челпанов. В тот день слушали доклад Вяч. Иванова «О границах искусства». Лосев вспоминал: «Я и сейчас вижу, как в середине сидит председатель Г. А. Рачинский, рядом с ним докладчик Вячеслав Иванович Иванов. Полевей — такая грузная мощная фигура Евгения Николаевича Трубецкого. А направо Сергей Дурылин сидел и Владимир Эрн. Иванов читал блестяще.<...> И я сразу почувствовал, что все они действительно тут живут теми же идеями, которыми я пробавлялся в своём Новочеркасске на Михайловской улице»^[107].

Дурылин в своих воспоминаниях «У Толстого и о Толстом» описывает заседание РФО 1 ноября 1910 года, когда на квартире М. К. Морозовой собралась «туча народа» слушать доклад Андрея Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой». Доклад не был связан с «уходом» Толстого, он был написан гораздо раньше. Но на этом заседании все говорили о Толстом. «Уход» Толстого потряс всех. Как если бы гора двинулась по евангельскому слову. Докладчик признавал вслед за Толстым, что истинно великое искусство всегда и насквозь религиозно. Ему возражал Брюсов. Не соглашался Эллис. Все были возбуждены и говорили-говорили, спорили-спорили. Если обладатель великим искусством не мог им ограничиться и ушёл навстречу «божественному голосу, звавшему его неумолчно, — то к чему ещё спорить о том, может ли искусство не

нуждаться в религии и в силах ли художник обойтись без Бога?» — заключает Дурылин. Спустя 18 лет после этого события Дурылин вспоминал, что уход Толстого тогда представлялся «величайшим, таинственно-двигающим всю русскую культуру и жизнь событием». «Куда он идёт? И почему мы не идём? Было и радостно, и стыдно. Казалось: вот-вот ещё миг, ещё усилие, — и наши горки, пригорки, холмики и бугорки, так же как его Великая гора, перестанут быть неподвижными и двинутся на зов Неведомого пророка, Властителя, Бога, в какую-то новую страну благого и вечного делания».

Весть о смерти Толстого была ужасна. Рушилась величайшая надежда, которую давал «уход» Толстого. В день похорон, стоя на станции Остапово в толпе рядом с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, Г. А. Рачинским, Дурылин вместе с ними переживал горе, скорбь, но и бесконечную благодарность, которую он перевёл на язык слов: «Плачем, что никогда не услышим тебя, что ты бездыханным возвращаешься со страннического твоего пути, но слава Богу, что ты вышел на него. Спасибо тебе и за то, что пошёл по нему. Может быть, и мы пойдём когда-нибудь. Когда позовёт Бог»

[\[108\]](#).

ЛИТЕРАТУРОВЕД И МЫСЛИТЕЛЬ

Дурылина — литературоведа, исследователя интересовали писатели, к которым он мог подойти со своим ключом: «характеристика личности и религиозного творчества». С этих позиций создавались исследования о Лермонтове, Лескове, Гоголе, Достоевском, Гаршине, Леонтьеве, Тютчеве, Нестерове, статьи и доклады о славянофилах И. В. Киреевском, А. С. Хомякове, Ю. Ф. Самарине, Аксаковых...

Лесков привлекал Дурылина как выразитель «русского духа и русского народа». Гоголь его интересовал как «мыслитель-искатель», «художник-мученик», «писатель-подвижник». Гаршин — как «художник-праведник», суть творчества которого — «искусство социального покаяния». В Леонтьеве привлекали многогранность его творчества и личности, его религиозный путь. В Достоевском — «касания мирам иным» и неизменный символ его мысли и искусства — косые лучи заката. Тютчев для него — провидец, великий трагик русской лирики, выразитель русского православия. Он близок Дурылину духовно, философски, мыслительно. В 1927 году Сергей Николаевич записывает: «...мудрейший и страдальнейший из русских поэтов — Тютчев, со своим скептическим умом и космическим холодом и ужасом в душе, видел Христову ризу распростёртой над русской землёй и врачующей язвы этой земли своею теплотою и благоуханием!» Дурылин часто пользуется строчками стихов Тютчева для передачи своих мыслей. Поэт для него — таинственный и мудрый очиститель, пробный камень духовной независимости.

Начало своей литературно-научной работы Дурылин исчислял с очерка о В. М. Гаршине «Художник-праведник», опубликованного в журнале «Свободное воспитание» (1908. № 9). Очерк был приветливо встречен Л. Толстым и друзьями Гаршина. Личность и творчество Гаршина будут занимать Дурылина многие годы. Он напишет о нём несколько работ, прочтёт доклады и лекции, соберёт архив Гаршина. Дурылин надеялся в 1909 году услышать от Л. Толстого воспоминания о визите Гаршина в Ясную Поляну. Но прошло 30 лет, и Толстой смог вспомнить только: «Что-то прекрасное, чистое, доброе, страдающее». Сергей Николаевич тогда же отметил, что Толстой забыл «внешнее»: слова, поступки, но запомнил душу, то, что составляет основу человека. Дурылин обратился к В. Г. Черткову, и тот сразу откликнулся: «С величайшим удовольствием окажу я

Вам всякое зависящее от меня содействие для Вашей близкой моему сердцу цели — составление биографии моего нежно любимого друга Всеволода Михайловича [Гаршина]^[109]. Чертков пригласил Дурылина для беседы к себе в Крёкшино (с ночёвкой) и готов заехать за ним в «Посредник», чтобы ехать вместе. Жена Черткова Анна Константиновна собирается написать воспоминания о Гаршине и сообщает Дурылину, что ей и мужу очень понравилась статья Дурылина о Толстом, «которую нельзя читать без слёз умиления и восторга»^[110], и высылает на память бандеролью один из лучших фотопортретов писателя, а также записки Владимира Григорьевича о последних днях Льва Николаевича. Сын Глеба Успенского Борис, в то время студент Университета в городе Юрьеве (ныне Тарту), выслал в 1910 году Дурылину копии писем Гаршина отцу. По просьбе Дурылина И. Е. Репин написал воспоминания о Гаршине^[111]. В. Г. Короленко и Д. С. Мережковский прислали письма с выражением сожаления, что короткое знакомство с Гаршиным не оставило в памяти ничего значительного. Постепенно составилась большой архив. В 1909 году имя Дурылина в качестве биографа Гаршина было включено в популярные тогда «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф».

Издательство «Путь» в 1913-м предложило Дурылину написать монографию о Лескове для серии «Русские мыслители». Эта работа: «Н. С. Лесков. Личность. Творчество. Религия» — займёт годы, но так и не будет издана. Дурылин и не закончит её: третья часть «Религия» не будет завершена. Сергей Николаевич прочитает в разное время несколько докладов о Лескове в РФО, на квартире у Бердяевых, у М. А. Новосёлова. Лесковым он будет заниматься всю жизнь, но опубликовать свои работы не удастся. Лишь в 1916 году в Киеве в журнале «Христианская мысль» появится статья «О религиозном творчестве Н. С. Лескова». «И то со множеством опечаток», — посетует Дурылин. В 1930-е годы он с горечью заметит: «Я работал над монографией в 1914–1915 годах. Война мешала, а революция оборвала работу навсегда... Он (текст о Лескове. — В. Т.) никогда не будет окончен и никогда не выйдет из стен моей комнаты»^[112]. В 1925-м Дурылин прочитал два доклада («Как работал Лесков», «К. Леонтьев и Лесков о Достоевском») в Государственной академии художественных наук (ГАХН), и этим закончилась публичная история его Лескова^[113]. В письме А. Н. Лескову — сыну писателя — Дурылин признается: «Я многим обязан Вашему отцу в моём духовном развитии, в моей любви к русскому народу, в моей вере в него, в моём уважении к его историческому подвигу. <...> Какой-то рок: люблю Лескова (как не

многие), а ничего не мог напечатать о нём»^[114]. Ясно, что препятствием был не «рок», а отношение к Лескову советских властителей, обязательное для редакторов.

Глубокая любовь Дурылина к Лескову становится понятна, когда читаешь то, что он успел написать о нём. Приведу отдельные фразы, сказанные о Лескове в докладе 1913 года, но которые можно отнести и к самому Дурылину, и к его художественным произведениям: «У Лескова была немирная душа, самочинная воля, самодумный ум. Ими Лесков создал себе большую, сложную, немирную жизнь...» «В этой немирной душе жила какая-то непрекращавшаяся тяга к тихости...» Лесков «дал читателю положительные типы русских людей». «Ему импонировали только простые, мощные характеры, цельные натуры...» «...верил в Бога, отвергал Его и паки находил Его; любил мою родину и распинался с нею...» «Как примечательно, что измена Богу сопоставлена здесь с изменой родине, потеря Бога — с потерей России, нахождение Его — с обретением её» «Деловой странствователь, Лесков был чужд романтике России и эмпирическую Россию знал не хуже Чичикова, но он никогда не разлучался с мистикой России — светлой и тёмной. Неисчерпаемость лесковской фабулы, жизненной и творческой, есть неисчерпаемость русской фабулы — страшной, гневной, грешной и святой». «Лесков был величайший знаток иконописи <...> был церковный книгочей, знаток церковного обихода. <...> Но этот же человек был знаток русской демонологии, утончённый ценитель древнего вольномыслия и вольноправия...» «Он живёт как в монастырской келье, он почти приучает себя к монастырю во всём: в одежде, пище, занятиях». «Самое народно-русское прошение молитвы Господней, которое Ключевский считает выражением всей русской истории и веры, — „да будет воля Твоя“ — становится единственным прошением Лескова». Вот только лесковского «буйства бытия» у Дурылина не было.

Здесь уместно вспомнить, что слушать лекции Дурылина о Лескове приходил художник М. В. Нестеров. В письме В. В. Розанову весной 1916-го Нестеров сообщает: «Сейчас иду к Новосёлову слушать Дурылина о Лескове»^[115]. На своей первой лекции в 1913 году Дурылин познакомил Нестерова с мамой. Вероятно, тогда же и сам с ним познакомился. Позже он напомнит Нестерову: «А ведь нас с Вами свёл когда-то Лесков же: мы впервые протянули друг другу руки на моём докладе о Лескове»^[116]. Знакомство Дурылина и Нестерова переросло в тесную дружбу,

оборвавшуюся лишь со смертью художника. Но об этом скажем позже.

Лермонтов — тема всей жизни Дурылина. Любовь к нему зародилась ещё в детстве, когда, провожая сына в первый класс гимназии, родители подарили ему вместе с литой чернильницей и керосиновой лампой под зелёным абажуром (они и сейчас стоят на его письменном столе в Доме-музее в Болшеве) томик стихов Лермонтова. В 1910-м на квартире Буткевичей Дурылин прочёл доклад «О религиозной судьбе Лермонтова» (в свете учения Вл. Соловьёва о «Вечно-Женственном»), через два года развил эту тему на заседании РФО, в 1914 году в журнале «Русская мысль» опубликовал статью «Судьба Лермонтова»^[117], где рассматривал внутреннюю связь поэта «с философией Платона и с учением о „вечно-женственном“ у Гёте, немецких романтиков, у Вл. Соловьёва и русских символистов»^[118]. В 1916 году в журнале «Христианская Мысль» напечатал статью «Россия и Лермонтов. К изучению религиозных истоков русской поэзии». Лермонтов для него «вечный возврат к себе, в своё „родное“, в какую-то сердцевину». Исследованием творчества Лермонтова он будет заниматься и в советский период. Опубликует более тридцати статей, но глубокого монографического исследования творчества поэта, как Дурылин его понимал, в советское время опубликовать было невозможно. Кто бы в те времена отважился напечатать в советских изданиях то, что писал Дурылин о провидении Лермонтова, о исповедании им иной действительности, о знании вечного и своей небесной предыстории... «Лермонтов всегда — томление, грусть, порыв, молитва, вся мятежная, грустящая, молящаяся динамика русской души, не её постоянство, но её становление, не её строй, но взыскание этого строя. Лермонтов носит в себе и вскрывает собою — пользуясь словом словоотеческого опыта — всю неустроенность русской души...»^[119]

Статьи Дурылина о Лермонтове надо читать, их коротко не перескажешь, так сгущены его мысли в анализе жизненной, религиозной и творческой судьбы поэта. Приведу лишь две цитаты из статьи «Судьба Лермонтова», которую он считал своей лучшей статьёй о поэте. «В судьбе лермонтовского „Демона“ сказалась и религиозная сила, и религиозное бессилие Лермонтова: сила была в том, что из литературы, из романтического канона Лермонтов прорвался первый в России к высочайшей религиозной проблеме — о конечных судьбах Зла и Добра; бессилие — в том, что он и не заметил, к чему привела его многолетняя поэма. Он, только смутно понимая, что у него нет власти её закончить, оставил её недовершённой: ибо никогда не считал Лермонтов „Демона“

законченным». «Существует рассказ о том, что Лермонтова, печоринствующего отрицателя, злого Лермонтова, один из его товарищей застал однажды в церкви. Он молился на коленях. Таким же тайным молитвенником, явным отрицателем, был он и в жизни, и в поэзии. Быть может, ни у одного из русских поэтов поэзия не является до такой степени молитвой, как у Лермонтова, но это молитва — тайная. Лермонтов слыл безбожником — и прослыл им доныне. <...> И всё же *правда* о нём — то, что увидел заставший его в церкви товарищ, а не то, что увидели его критики, друзья, враги. Молитва Лермонтова тайна, сокровенна; хула — явна, приметна. Молитва его стыдлива, она боится, чтоб не нарушилось её одиночество, и она *сознательно* скрыта, затаённа, прикровенна».

Рассматривая «видение демона» и «видение ангела» в жизни и творчестве Лермонтова, Дурылин проводит параллель с жизнью и творчеством Врубеля^[120], художника, равно талантливо писавшего иконы и «демонические» картины и также не довершившего их. И самого Дурылина глубоко занимала проблема Добра и Зла в наземном мире, борьба ангелов и демонов за душу человека. Этой теме посвящены многие его стихи (цикл «Бесы разны»), рассказы, статья «Об ангелах».

Толстой и Лермонтов будут всю жизнь занимать его мысли и затрагивать чувства. Но если к Толстому у него было противоречивое отношение, не всё у него он принимал даже в художественных произведениях, то Лермонтова он всегда ценил выше всех поэтов и писателей. После встречи с Толстым Дурылин записал: «Толстой — бесконечная, трудная, прекрасная загадка. Кому удастся её решить безошибочно?» И он будет долгие годы пытаться разгадать эту загадку, подходя к Толстому то с одной, то с другой стороны.

«Толстой был „специалист“ по „религиям“ и исписал томы (скучные томы), так хотел его ум, но душа его не пахла религиозным <...> ни одно его слово, ни одна его книга религиозно не пахучи. От этого он так много „выражал себя“ (целые десятки томов о религии) — на горе себе выразил, кажется, себя всего: и это всё оказалось религиозным ничем. <...> А вот грешный и байронический Лермонтов — весь религиозен». «Я всё думаю о Лермонтове, — нет, не думаю, а как-то живёт он во мне». Но также живёт в нём и Лев Толстой. Он даже сны о нём видит. И прослеживая «Лермонтова в Толстом», отмечая их различие, приходит к выводу, что они «родные по Ангелу»^[121].

«Я никогда, с детства, не был равнодушен к Льву Николаевичу, — признаётся он Н. Н. Гусеву в 1928 году. — Я любил или не любил его, шёл

за ним (по крайней мере пытался идти) или шёл от него, хранил в моей душе семя, брошенное его мыслью, или давал его на вывеянье враждебным ему ветрам, — но равнодушен и холоден к нему не был никогда»^[122].

Замечательно наблюдение Дурылина о влиянии Толстого на читателя: «Никто из-за шиллеровских „Разбойников“ не пошёл в разбойники, а из-за Толстого целое поколение русской интеллигенции пошло в толстовцы, — в „разбойники“, с точки зрения правительства Александра III. „Буря и натиск“ Гюго бушевали в парижском театре, а тихая буря и непротивленческий „натиск“ Толстого приводили к Сибири, к дисциплинарному батальону, к тихому взрыву государственного и социального строя... Толстой извлекал читателя из „вымысла“ и вонзал в жизнь. Таких „читателей“, как покойный Петя Картушин или Николай Сутковой, конечно, не было ни у Байрона, ни у Шиллера с его „разбойниками“. Отказ от состояния: от денег и земли (Картушин), от интеллигентской привилегированности, от всех условий обычной жизни так называемого] образованного человека (Сутковой); огонь внутри: острый огонь глубочайшего противления государству, обществу, социальному строю, при тишайшем „непротивлении“ внешнем, — это такая „буря и натиск“, такой „байронизм“, перед которым „Разбойники“ и любой Гяур — детская глупость. Нельзя сохранить своё благополучие, вчитавшись в Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, — их читатель, вчитавшийся в них в России, был неблагополучный читатель: прочёл — и ушёл, кто в монастырь, кто в революцию, кто в непротивление с его тихим динамитом, подложенным под здания государства и собственности, — а „Фауста“, „Дон Карлоса“, „Дон Жуана“ — прочли себе немцы и англичане, очень одобрили, — и ничего не случилось: всё сейчас же перешло в спокойное ведомство историков литературы»^[123].

Пушкин для Дурылина как лакмусовая бумажка, которой проверяется истинность таланта того или иного писателя. На редких страницах объёмного труда «В своём углу» не встречается имя Пушкина. Ему же посвящены отдельные главки «Мой Пушкин». «Пушкин — это Бог сжалился над Россией и послал ей солнышко». На заднем форзаце книги «А. Пушкин. Сочинения»^[124] сохранилась замечательная и характерная как для отношения Дурылина к Пушкину, так и для его манеры работать с книгами^[125] запись: «Пишу эти строки 1937 года, в 2 ч. 15 м. дня (по солнцу), в час, когда сто лет тому назад умер Пушкин. Ирина^[126] ушла к памятнику его, на Страстную площадь, а я прервал писание статьи „Отражение архитектуры в поэзии Пушкина“. Ирина сказала, уходя: „Иду

точно к покойнику“. <...> Все мы виноваты перед Пушкиным. Кто же соблюл, — уж не говорю: умножил, — чистоту его речи, богатство его мысли, светлость его любви к родине, правду его благородства и солнечности? Никто. Все грешны перед ним. Сто лет прошло, а он полнее, правдивее, мудрее, светлее всех! И со своей искренностью и высотой он как не умещался, так и не умещается в нашу жизнь, мысль, слово. Всегда он больше, всегда он полнее, всегда он правдивее. Так будет всегда. Он всегда будет больше всех, как солнце больше всех на небе. 2 ч. 15 м. дня 29 января. Ст. ст. 1937»^[127]. Дурылин опубликовал более сорока работ о Пушкине, в основном это статьи в различных изданиях и книга «Пушкин на сцене». В 1930-е годы поместил в журналы целый ряд очерков на тему «Забытый Пушкин» по неизданным и затерянным материалам. Замыслил, но только частично осуществил цикл работ «Пушкинское тридцатилетие в русской литературе». Единого монографического исследования он не оставил. В его архиве среди неопубликованных работ есть законченные и незаконченные, а также разбросанные по разным письмам и статьям (о других писателях, театральных постановках, художниках) вкрапления размышлений о Пушкине...

С Гоголем Дурылин чувствует свою близость, чтение «Писем» Гоголя вызывает трепет. Они полны «муки, молитвы и ужаса Гоголя перед тёмными мельканиями бытия, которые так смешны в „Ревизоре“ и „Соре Ивана Ивановича“, но которые так страшны в истории и в душе человеческой. Вот многострадальнейшее имя во всей русской литературе. Пушкина можно любить, перед Толстым изумляться, Достоевский может внушать восторг или отвращение, — Гоголя и его судьбу надо *перестрадать*, перемыслить, перенести на себя. Этого ещё никто не сделал, — оттого Гоголь — загадочнейший писатель, о котором написаны многотомия глупостей и две строчки истинной любви и понимания. Гоголь — узел: в нём встречаются по-настоящему, лицом к лицу, плечо с плечом, христианство и культура, церковь и литература, писательство и гражданство, художник и мыслитель, этика и эстетика, болезнь и здоровье, идеализм и реализм, Европа и Россия и т. д. и т. д. без конца. <...> Его положение — и прежде, и теперь, и, вероятно, всегда будет, — точь-в-точь таково, как изобразил Андреев на памятнике: запахнутый в огромную шинель и опустив голову, поникнув птичьим носом, леденеть в пустынном одиночестве — над загадочною, пустынною родиною своею»^[128]. Путь Гоголя как писателя и мыслителя пройдёт и Дурылин: с одной стороны, его разрывала неодолимая тяга к творчеству, с другой — устремление к

религиозным исканиям. Судьбу Гоголя он «перестрадал» и «перемыслил», а в какой-то период и перенёс на себя. В год столетия Гоголя — в 1909-м — в «Весах» выйдет работа Дурылина «Последнее письмо о. Матфея Н. В. Гоголю». А дальше — более десяти публикаций, основанных на биографических разысканиях, комментировании эпистолярного наследия (в том числе и в академическом собрании сочинений Гоголя 1940 года), анализе сценического воплощения пьесы Гоголя. И ничего из того, что «мыслительно отстоялось» и могло бы быть написано.

Когда Дурылин прочёл в первый раз Достоевского, он сразу почувствовал, что «и мир стал другой, и люди другие, и я другой»^[129]. Творчество Достоевского исследовано им глубоко, но опубликовано мало, как это часто у Сергея Николаевича случалось. Статья «Об одном символе у Достоевского» опубликована в 1928 году^[130]. Статья «Монастырь старца Зосимы. (К вопросу о творческой истории I, II и VI книг „Братьев Карамазовых“ Достоевского)» ждёт своего публикатора. Статья «Пейзаж в произведениях Достоевского»^[131] увидела свет лишь в 2009 году. «Достоевский не изобразитель природы» — так начинает статью Дурылин. Но далее на примере романов и повестей писателя подробно разбирает метод использования Достоевским пейзажа, вернее «пейзажной ремарки», для отражения его в душе человека. «Пейзаж у Достоевского, — пишет Дурылин, — насквозь антропологичен: он вписан, вдавлен в человека и в человеке где-то таинственно соприкасается с глубинами не только его психологии, но и антологии». Он выделяет более десяти видов пейзажа: пейзаж-символ, звуковой пейзаж, пейзажная рама, пейзаж-пауза, пейзаж благоволения и т. д. Ещё далеко Дурылину до его театроведческого поприща, но театровед в нём уже рассматривает «пейзажные ремарки» Достоевского, которые могут служить точными указаниями режиссёру, как надлежит сценически оформить его романы-трагедии.

В русской литературе Дурылин выделяет «трудных» писателей. Это Гоголь с его «Перепиской», Достоевский с «Дневником», Л. Толстой с «Царством Божиим внутри нас», К. Леонтьев. Пока критики и литературоведы пишут о их художественных произведениях — всё ещё ладно. Но как только они обращаются к их «трудным» произведениям, которыми писатели хотят что-то сделать с читателем, «куда-то увести его от книги, приткнуть к какому-то делу», ждут в ответ не слова, а «деяния», тут обнаруживается беспомощность историков литературы. «Трудность трудных писателей, выпадающая из ведомства истории литературы, даёт себя знать»^[132].

Читая труды Дурылина, стенограммы его лекций, хочется назвать его не литературоведом, а литературным мыслителем. Каждое литературное явление он видит широко и объёмно, в контексте литературы, культуры, искусства многих стран и эпох, осмысливает его глубоко, всесторонне, оригинально, часто противореча общепринятым в те времена взглядам.

М. А. Рашковская, глубоко изучив архив Дурылина в РГАЛИ, пишет в своей статье «Сергей Дурылин: человеческий след в архивном фонде»: «В одной из своих записей начала 20-х годов Дурылин попытался сформулировать всеобщность, взаимосвязь и взаимовлияние явлений культуры, природных факторов, исторических событий через призму традиционной православной культуры. Он предполагал написать об этом специальную работу. И хотя именно такой работы в его наследии и не оказалось, но вся его жизнь, научная, духовная, частная и общественная, всё его служение людям стало ответом на поставленную перед собой задачу»^[133].

Многие отмечали способность Дурылина заниматься одновременно разными проблемами, работать над далеко несхожими темами, писать параллельно несколько статей. Его исключительные способности и широчайшая эрудиция позволяли ему это. Сергей Фудель был свидетелем необычайной работоспособности Дурылина. «Писал он со свойственной ему стремительностью и лёгкостью сразу множество работ. Отчётливо помню, что одновременно писались, или дописывались, или исправлялись рассказы, стихи, работа о древней иконе, о Лермонтове, о церковном Соборе, путевые записки о поездке в Олонецкий край, какие-то заметки о Розанове и Леонтьеве и что-то ещё. Не знаю, писал ли он тогда о Гаршине и Лескове, но разговор об этом был»^[134]. При этом ради добывания «куска хлеба» Дурылину приходится много времени уделять педагогическо-воспитательной работе. И всё успевает, и всё делает добротнo, глубоко, профессионально.

У СТЕН ГРАДА НЕВИДИМОГО

Увлёкшись идеями церкви невидимой, безобрядовой Дурылин едет в июне 1912 года на озеро Светлояр, чтобы в «китежскую ночь» почувствовать святость молитвы у стен Града Невидимого. Вернувшись, под большим впечатлением он напишет «Сказание о невидимом Граде-Китеже». «И стоит доселе Пресветлый Китеж невидим, и не увидеть его никому, кроме чистых сердцем и обильных любовью. Им Пресветлый град, нам — лесные холмы и дремучий лес». Так заканчивает он сказание. В крещенский вечер 1913 года он читает его на квартире С. Н. Булгакова^[135].

Не случайно эту работу Дурылин читал у Булгакова. Они оба увлечены темами Китежа и Константинополя-Царьграда. В их мировоззрении много общего. В свой замысел «Сказания» Дурылин посвятил Булгакова заранее. И философ благословил его на этот труд: «План Вашего очерка о Китеже, историческом и умопостигаемом, на фоне того, что Вы хотите здесь затронуть, вполне меня удовлетворяет и радует. Дай Бог Вам сил осуществить его — именно *такое* проникновение в душу народной религиозности нужно. <...> Да благословят Вас тени Соловьёва и Достоевского на это дело. Я надеюсь найти в нём отзвуки и Ваших северных странствий и впечатлений <...> хочется мне именно того, о чём пишете Вы: строгого, серьёзного и немёртвого, вытекающего из живого чувства, углубления в вопросы религии, и да осветит нам путь св. София»^[136].

Личные отношения были прерваны в 1922 году высылкой Булгакова из России на знаменитом «философском пароходе» и арестом Дурылина.

О Китеже Дурылин говорит как о верховном символе народного религиозного сознания. Но считает, что истинная Церковь — в соединении церкви видимой и невидимой, в соединении тайной китежской молитвы у стен Града Невидимого и явной молитвы служб оптинских.

Дурылин прочитал несколько докладов о Китеже: в РФО, в Твери. Обрадовало известие, что его книжку прочитал Николай II, и он пишет М. К. Морозовой: «...вот узнал же русский царь, что у него в России есть не только бедность и глупость, не только хлыстовство и интенданты, а есть ещё подлинное богатство, о коем мы и не подозреваем»^[137].

В эти же годы Дурылин много общается с бывшими «толстовцами» — юристом Николаем Григорьевичем Сутковым и его другом Петром Прокофьевичем Картушиным. К этому времени Сутковой и Картушин

отошли от религиозно-нравственного учения Толстого и стали последователями Александра Добролюбова^[138], искателями Церкви невидимой. В Добролюбове они видели человека, «озарённого свыше» положить начало обновлению Вселенской церкви^[139]. Дурылин со свойственной ему обстоятельностью вникнет в суть учения А. Добролюбова (а историю его «символизма» и «декаденства» он знал давно) и напишет о нём статью-исследование, которая ожидала публикации до 2014 года^[140]. «Она из немногих моих вещей, которые я люблю», — сожалел позже Дурылин о подспудности этой работы. С добролюбовцами его роднили стремление к братской любви ко всему сущему, живое отношение к Христу, признание Духа Христова в русском народе и возможность молитвы в Церкви невидимой. Но он не мог принять их отрицания Церкви видимой, обрядовой.

Дружба с Петей Картушиным — мягким, добрым и смелым человеком с застенчивой улыбкой — оборвалась трагически: он покончил с собой в 1916 году в действующей армии (он служил в санитарной команде), не вынеся ужасов войны. Дурылин с большой теплотой вспоминал его и сожалел, что недостаточно ценил его дружбу. «Нежнее души я не встречал. <...> И как знаменательно, что эта душа <...> столь высоко ценимая Толстым^[141] — в конце концов возлюбила больше всего православное подвижничество, православную тишину и кротость и к ней меня посылала. <...> В нём была нежность духовная, которую грубо мяла и обдавала холодом жизнь. В его боязни денег была запоздалая Франциска любовь к „госпоже бедности“. Деньги вредны не сами по себе, не так, как о них умствовал Толстой, а как знаменьё несвободы человеческой, как препятствие к веселию и младенчеству духа. Как он боялся, освобождаясь от денег, переложить на кого-нибудь тяжесть обладания ими. „Прости меня“, — говаривал он, прося кого-нибудь распорядиться его деньгами на то или иное дело. Он был прост, тих, ласков и молчалив. Мама его и Колю Суткового звала „братушками“ и, совсем не похожая на них, поняла глубокую правду и строгую красоту этих двух людей»^[142]. «Я обеднел с его смертью», — пишет Дурылин в первой тетрадке рукописи «В своём углу», где Картушину посвящено несколько страничек.

Всё своё состояние Картушин отдал сначала на издание запрещённых работ Толстого, а в 1913-м на его деньги и по его желанию Дурылин опубликовал в «Мусагете» «Цветочки св. Франциска Ассизского»; «Житие брата Юнипера», ученика Франциска Ассизского (изд-во «Слово», 1914, переводчик А. П. Печковский); «Древний патерик» в переводе с греческого

(изд-во «Слово», 1914), а также трактат Лао-Си (Лаоцзы) «Тао-те-кинг, или Писание о нравственности» («Дао дэ цзин») (изд-во «Мусaget», но без его марки, 1913). Перевод этого трактата с китайского, сделанный профессором университета в Киото японцем Д. Конисси, был выверен Л. Толстым по английским, французским и немецким изданиям. По просьбе Дурылина Д. Конисси, живший тогда в Москве, написал предисловие к этой книге. Примечания составил С. Дурылин, а обложку оформил В. А. Фаворский, в то время ещё малоизвестный художник. В. Г. Чертков был недоволен упоминанием Льва Толстого на титуле книги и тем, что в статье Дурылина, предваряющей примечания, «была некая полемика с Толстым»^[143]. Издательство «Слово» объявило о следующем выпуске ещё четырёх книг; в подготовке двух из них участвовал Дурылин: «„Цветник“». Из древних писаний о св. Франциске (Из творений св. Франциска, „Цветочков“, „Зерцала Совершенства“, Житий Фомы из Челано). Переводы с латыни и староитальянского С. Дурылина и А. П. Печковского; и „Св. Серафим Саровский“. Житие, составленное Сергеем Дурылиным». Но, видимо, война помешала, и деньги Картушина перестали поступать.

ЛАО-СИ
ТАО - ТЕ - КИНГЪ
ИЛИ
ПИСАНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.
ПЕРЕВОДЪ СЪ КИТАЙСКАГО Д. КОНИССИ
ПРИМЪЧАНІЯ С. Н. ДУРЫЛИНА
МОСКВА 1913

Обложка книги Лао-Си. Художник В. А. Фаворский. 1913 г.

Дурылин вспоминал, что весной 1912 года он удрал из Москвы, потому что в ожидании царского приезда в городе проходила чистка неблагонадѣжного элемента, и на даче Печковского в Медведках под Крюковым написал вступление и примечания к трактату Лао-Си, а также статью «Кандалакшский вавилон».

НОВОСЁЛОВСКИЙ КРУЖОК

В 1910-е годы Дурылин регулярно посещает новосёловский Кружок ищущих христианского просвещения в духе православной Христовой церкви, членом которого он был наряду с С. Н. Булгаковым, В. Ф. Эрном, В. А. Кожевниковым, о. Павлом Флоренским, о. Иосифом Фуделем, П. Б. и С. П. Мансуровыми. Кружок не был многочисленным и объединял только православных богословов, церковных деятелей, философов, ученых для соборного богопознания, для духовного общения. Ф. Д. Самарин был председателем, а душой Кружка был Михаил Александрович Новосёлов — церковный просветитель, издатель популярной «Религиозно-философской библиотеки». В Кружке его почтительно называли Авва — Учитель. Заседания проходили чаще всего на квартире Новосёлова и носили закрытый характер, хотя гости допускались по рекомендации одного из членов Кружка. «Религиозно-философская библиотека» была заметным явлением в жизни интеллигенции Серебряного века. Её авторами были в основном члены Кружка. Дурылин был издан дважды: «Начальник тишины» и рассказ «Жалостник», сразу же получивший хвалебный отзыв Вячеслава Иванова. Политические вопросы в Кружке не обсуждались. Главной задачей было воцерковление русского общества, которое должно идти не путём реформ и агитации, а внутренним изменением человека на основе христианского просвещения, изучения основ заветов Святых Отцов. Новосёлов считал, что «только религиозная личность способна дать общественный строй, где сохраняются одновременно и высокие идеалы, и необходимая общественная дисциплина». Бердяев назвал этот Кружок «сердцевиной русского православия», а Павел Флоренский «духовной лабораторией».

Н. А. Бердяев одно время посещал собрания в новосёловском Кружке и принимал участие в прениях. Он с большим уважением отзывался о Новосёлове: «По-своему М. Новосёлов был замечательный человек <...> очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всех хотел обращать. Он производил впечатление монаха в тайном постриге. <...> Православие М. Новосёлова было консервативное, с сильным монашески-аскетическим уклоном. <...> Он признавал лишь авторитет старцев, то есть людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в

грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством. Он был монархист, признавал религиозное значение самодержавной монархии, но был непримиримым противником всякой зависимости церкви от государства»^[144].

Бердяев пишет, что Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва было очень непопулярно в новосёловском Круге, и сам Новосёлов не любил Вл. Соловьёва, «не прощал ему его гностических тенденций и католических симпатий»^[145]. Тем не менее Дурылина — в то время секретаря и активного участника заседаний РФО — связывала с Новосёловым тесная дружба. Дурылин, безусловно, признавал наставнический авторитет Новосёлова, несомненно, испытал его влияние.

В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Духовные искания С. Н. Дурылина неизменно ведут его к Церкви. Как бы ни был широк разброс его интересов и занятий, но путь его точно определён. И на этом пути вполне закономерно его появление в Оптиной пустыни. Впервые он побывал здесь в конце мая 1913 года на Пасху с мамой. На исповедь они пошли в келью к старцу Анатолию (Потапову), о котором раньше не слышали. Поразило лицо старца: «Всё сплошь оно улыбка, всё сплошь оно — привет, всё сплошь оно — облегчение каждому, кто смотрит на него». Сергей Николаевич увидел в этом лице: «ласкающую, переливающуюся на солнце радость вечного детства, весёлой и все сердца веселящей мудрости, — той мудрости, которая так легка и светла». «Я много раз, в разные годы и в разные времена видел это лицо — наедине, в келье, в алтаре, при народе, плещущем в эту келью своим горем и грехом, при монахах, открывающих ему свои помышления, в благодатные часы таинств и молитвы, в острейшие моменты тревоги за судьбу монастыря, — и *никогда* не видел его иным, чем в просвечивании „тайно светящего“ в нём света не вечернего»^[146].

Дурылин теперь будет бывать в Оптиной ежегодно (иногда по два-три раза в год) вплоть до 1921 года. Добираться до Оптиной пустыни, расположенной в живописном месте на правом берегу реки Жиздры, в те времена было непросто: из Москвы поездом с пересадкой, а потом ещё на извозчике. Но это никого не останавливало.

«В Оптиной пустыни природа удивительная: благословенно-тихая, *понимающая*, смиренная и святая. Только там мне стало ясно, почему влекло туда Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьёва, почему там похоронен Киреевский, постригся Леонтьев. Молитва создала там место, откуда, кажется, короче и доходней молитва, — легче устам произносить слова, которые труднее всего нам произносить: слова смирения, простоты и беспомощности»^[147].

Этими впечатлениями Дурылин делится с Таней Буткевич, которая на правах невесты А. А. Сидорова живёт в Николаевке — имении его тетки княжны В. Н. Кавкасидзе. В 1913 году Таня выйдет замуж за Алексея Алексеевича, и отныне письма к ней Дурылин будет адресовать Т. А. Сидоровой.

Своими мыслями, навеянными посещением Оптиной пустыни, Дурылин поделился и с Сергеем Николаевичем Булгаковым, который

ответил ему письмом из Кореиза, где проводил лето: «Дорогой Сергей Николаевич! <...> Спасибо за оптинское письмо и оптинскую память. Мне не приходилось там бывать, но говорят люди понимающие (например, о. Павел Флоренский), что там земля (именно земля) благодатная. <...> Тот, у кого нет в душе „Оптиной“, кто извергнул её из себя или отвергнулся Церковью, кто не знает её как дома молитвы <...> у того нет будущего (религиозно) и нет настоящего...»^[148]

Оптина пустынь стала для Дурылина воплощением Церкви видимой, молитвы к Богу — явной и действенной. «Живую Церковь, Живое Тело, я учуял только тогда, когда капелька живой воды церкви капнула на меня с Оптиной пустыни»^[149].

Старец Анатолий стал духовником Сергея Николаевича. «Перед ним, в тишине и простоте, впервые начинаешь сам видеть себя — свою душу, и начинаешь видеть своё: вот то своё, в чём вязнет жизнь и глохнет душа, изнывает сердце, и чему простое и страшное имя: грех»^[150]. Когда не удаётся поехать к старцу, Дурылин пишет ему письма и получает ответы. (Известно 12 писем старца с 1917 по 1920 год.)

Отправляясь в Оптину, Дурылин старался брать с собой своих друзей и учеников. Вместе с ним там побывали Таня Буткевич, Георгий Хрисанфович Мокринский, Екатерина Петровна Нестерова — жена художника М. В. Нестерова, любимый ученик Коля Чернышёв, будущий иерей Сергей Сидоров, духовным отцом которого также стал отец Анатолий. Сергей Сидоров обратил внимание на то, каким глубоким уважением пользовался Дурылин у старцев Анатолия, Нектария, Феодосия^[151].

На Рождество 1920 года ученик Сергея Николаевича Иван Чернышёв записал в его зелёный альбом: «Пять лет тому назад я с Вами попал в Оптину Пустынь и увидел там Свет и Радость Христианства, и я начал искать Их с юношеской надеждой. Но временами душа умирает, надежда и вера слабеют, и тогда только у Вас и через Вас я нахожу поддержку, одобрение и подкрепление в этом стремлении узреть Сей Невещественный Свет и идти к Нему твёрдо...»^[152]

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Летом 1914-го Сергей Николаевич возил маму в Троице-Сергиеву лавру, а 11/24 ноября её не стало. Доктор А. С. Буткевич, успешно лечивший её раньше, на сей раз честно сказал Сергею Николаевичу, что надежды на выздоровление нет. По обычаю того времени Сергей Николаевич внёс десять рублей в столовую на Хитрове рынке, и 100 человек смогли бесплатно пообедать «за упокой рабы Божией Анастасии».

Смерть мамы не только привела к потере душевного равновесия, но и лишила жизненной опоры, устроенности быта, своего угла. С этого времени мысли о монастыре как душевном приюте и «своём угле», а также постоянном жилье не оставляли Дурылина долгие годы.

Это был третий поворот его судьбы. Начался период бесприютности в душе и в быту.

«Со смертью мамы я потерял самую оправдывающую *нужность* своего существования»^[153], — напишет он Тане. Не в силах справиться с отчаянием, растерянностью Дурылин уже 14 ноября едет в Оптину к отцу Анатолию за поддержкой. Рядом с отцом Анатолием, от его улыбки, света глаз душа утешилась. Но через два месяца измученный тоской и угрызениями совести за когда-то нанесённые маме обиды опять приехал проситься в монастырь. Отец Анатолий ласково поговорил с ним, напоил чаем, но сказал: «Носи монастырь в сердце своём, а время покажет, в какой монастырь тебе идти...»

Любовь к матери у Сергея Николаевича переросла в неизбывную тоску по ней. «Как мне страшно и беспомощно, губельно без матери!» Он её часто вспоминал и до конца жизни мучился теми болями, которые причинил матери. Через четверть века после её кончины он запишет: «Её мечтой было, что я окончу гимназию, окончу университет, буду учёный, профессор, получу казённую квартиру (ах, как отравили ей жизнь „рававшие и метавшие“ хозяйки захолустных квартир!) — и она получит на старости покой. <...> И я разрушил эту её мечту! Я уходил месяц за месяцем от всего, дорогого ей, этого мирка тишины, книг, стихов и молитвы, и однажды, обуян честнейшим и бестолковейшим народничеством <...> заявил в гимназии, что не могу больше продолжать там ученье. <...> Она перенесла этот удар мужественно. Она меня почти не упрекала. Я тотчас, разумеется, принялся зарабатывать деньги, чем мог, — уроками, первым литературным трудом. Но всё это мало её утешало. Не деньги мои ей были

нужны, а моё будущее, то, которое прочила она мне, и разумно прочила, сообразуясь с моим характером и истинными склонностями, полнее и ярче сказавшимися в поздние годы. Но её ждал другой удар. <...> Она узнала хорошо, что такое обыски, аресты, что такое „передачи“ в тюрьму, что такое невольные беседы с вежливыми чинами охранного отделения. <...> Она никогда не „обращала“ меня в веру отцов. Она не упрекала ни в каком неверье. Она только молилась тайно и просила. И выпросила мне то зёрнышко веры, которое пусть не дало и не даст ростка зелёного и высокого, но и не умрёт в душе, пока не умрёт сама душа»[\[154\]](#).

ЛИК РОССИИ. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Первого августа 1914-го началась война с Германией. В армию Дурылина не взяли из-за близорукости. Он провожает своего друга Костю Толстова, который идёт добровольцем во флот. Тане Сидоровой он пишет: «Россия сейчас *вселенски* чиста, свята и права, Германия — вселенски грешна и гибельна. Я счастлив, что дожил до этого. Какое горе, если б я увлёкся когда-либо германизацией христианства, совершаемой Штейнером».

В это время он разделяет иллюзии многих, им кажется, что «рождается Россия, та Россия, о которой пророчествовали Тютчев и Достоевский, молились св. Сергей и Серафим, мыслили Хомяков и Вл. Соловьёв ...». Но в то же время Дурылин понимает, что для спасения у России есть только один путь: «все народы обняв любовью своей»^[155], «научить их единомысленному исповеданию веры. До этого ещё бесконечно далёк путь России, но она исполнит своё призвание лишь при условии, если не свернёт с этого пути, если, уставая, падая и вновь вставая, будет непоколебимо идти по нему. Первое же и главнейшее условие для этого — ей самой любить больше жизни своей и хранить <...> своё православие, быть *православной Россией*»^[156]. Государство и народ должны стремиться к победе не только превосходством своей военной силы, но и превосходством духа. Об этом Дурылин говорит в лекции «Лик России. Великая война и русское призвание», которую он читает в Рыбинске, Костроме, Твери, Москве... В понятии родины Дурылин различает *Россию* и *Русь*. «Святая Русь — это Россия в храме, на молитве, перед образом <...> с упованием о Христе в сердце <...> с устремлением своей воли к его воле: „да будет воля Твоя“». В то время когда Россия в годы лихолетья «в отчаянии льнёт к газетному листу, к военной телеграмме Верховного главнокомандующего, к слуху, сообщаемому, сколько изготовлено шрапнели, Русь льнёт к молитве, к незримому Китежу, к зримой Оптиной пустыни, — к Богу»^[157].

г. Рыбинскъ.

ПРОГРАММА.

Въ воскресенье 2-го ноября 1914 г.

ВЪ ЗАЛѢ

мужской гимназіи

Членъ Московскаго Религіозно-философскаго О-ва памяти

Вл. СОЛОВЬЕВА

С. Н. Дурылинъ

прочтетъ публичную

ЛЕКЦІЮ

на тему:

„Ликъ Россіи“

(о русскомъ призваніи въ связи съ Великой войной).

Чистый доходъ съ лекціи поступитъ въ пользу недоста-
точныхъ ученицъ Рыбинской частной женской гимназіи.

Начало лекции въ 7½ час. вечера.

Отвѣтственный распорядитель В. Е. Блаюславскіи.

Печатать разрѣш. Полиціѣ-мѣстеръ Ораевскій.

Объявление о лекции С. Н. Дурылина на тему «Лик России». 2 ноября 1914 г. Фрагмент

Патриотические чувства в стране были накалены. Временами перехлёстывали через край. Антинемецкие настроения выливались в погромы. Толпы возбуждённых людей громили магазины, типографии, фабрики, конторы, принадлежавшие владельцам с «немецкими» фамилиями. Пострадала семья Всеволода Владимировича Разевига — Воли, как называл его Дурылин. В их квартиру «толпа вломилась»^[158], пропало многое, но уцелели бумаги и письма Дурылина, которые хранились в доме Разевигов. «Сейчас только от меня ушёл Воля, — пишет

он Тане Сидоровой (Буткевич). — Какой он целомудренно-прекрасный, строгий, чистый и закрытый от всех и всего, к нему прикасающихся. Он цельный, как никто. Я помню, как давно, семь лет назад, я был тяжело болен, и он каждый день заходил ко мне из гимназии и подолгу сидел у моей кровати. Мало говорил, но много любил. И часто я думаю, глядя и тогда, и теперь на него: как надо мало говорить и как много любить! „возвышенная стыдливость страданья“^[159] по слову Тютчева — это нечто доступное лишь немногим, и Воле сильно доступно»^[160]. Воля — очень близкий друг, духовный единомышленник. Они подолгу беседуют о бытии, о мире «надздесьнем и высшем», о том, что «вместить не могут жизни берега»^[161] и о бессмертии души. Дурылин посвятил ему несколько своих работ и стихотворение «Плачет ветер у тонких черешен». Считая, что жёсткая воля отца и жизненные обстоятельства не дали Разевигу возможности раскрыть свои таланты, Дурылин напишет о нём с щемящей грустью: «Красным деревом истопили печку»^[162]. Прирождённый философ, глубокий мыслитель, тонкий знаток искусства, он мог бы стать крупным учёным (блестяще окончил университет, и профессор Г. И. Челпанов оставлял его на кафедре), но вынужден был зарабатывать себе на жизнь и уехал работать учителем в Серпухов.

На закрытом заседании РФО в апреле 1915-го Дурылин прочитал доклад «Град Софии. Святая София и Царьград в русском народном религиозном сознании», который написал на Страстной и Пасху в городе Николаевск-Уральский у Г. В. Постникова — друга своего брата Георгия. Реакция слушателей на доклад была бурная. Споры вызвала сама позиция Дурылина, который видел Русь наследницей религиозной идеи Византии, Москву — Третьим Римом, главой всех православных народов. Доклад он начал словами Достоевского: «Константинополь рано ли, поздно ли — должен быть наш». Дурылину возражали Вяч. Иванов — очень резко, С. Н. Булгаков, граф Д. А. Олсуфьев^[163], «свирепо обрушился» на него Г. А. Рачинский. В. А. Кожевников и М. А. Новосёлов нарочито аплодировали. Поддержала М. К. Морозова, которой понравилось то, что говорил Дурылин о Святой Руси. Е. Н. Трубецкой предложил опубликовать доклад, и он был в том же году издан И. Д. Сытиным отдельной книгой с посвящением Г. В. Постникову. Сообщение о докладе Дурылина с изложением основных мыслей было опубликовано в газете «Раннее утро» 9 апреля 1915 года.

В Николаевске-Уральском Дурылин оказался не случайно. Георгий Васильевич Постников, кадровый офицер, проходил там военную службу,

готовил солдат для отправки на фронт. В письме сообщает, что «людей с 0,5 зрения», которых раньше признавали негодными к военной службе, теперь по новому предписанию принимают на нестроевые должности. Он предлагает Дурылину приехать к нему, так как «полковник сказал, что посадит Вас в батальонной канцелярии писарем»^[164]. Вероятно, эта поездка помогла Дурылину избежать службы в действующей армии. Из-за плохого зрения его убили бы в первом же бою. Кроме того, после своей «революционной» деятельности и тяжёлых переживаний от крушения светлых надежд Дурылин стал убеждённым противником всяких насильственных действий и не мог в них участвовать.

Побывав зимой 1915 года в Оптиной пустыни, где всегда утишалась душа его, Дурылин вернулся к обычным занятиям: доклады, лекции, литературные труды, педагогика. На квартире М. А. Новосёлова в Обыденском переулке несколько вечеров он читает курс лекций по истории археологии Кремля, устраивает для слушателей посещение соборов. Слушать его приходили С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников. Интерес к истории Кремля и его святыням у Дурылина проявился с детства: как только научился читать, он штудировал путеводитель по Кремлю. В записках «Москва» (1928) Дурылин приводит забавный эпизод: «Помню, в 1909 году пришлось показывать собор Василия Блаженного одному профессору Оксфордского университета. Разговор у нас с ним шёл то по-немецки, то по-французски. Я был в затруднении, как объяснить протестанту-европейцу этот греко-православный праздник^[165], которого нет ни у протестантов, ни у католиков. Сторож соборный, следовавший за нами и принимавший мои объяснения англичанину за незаконное присвоение собственных его неотъемлемых прав, решительно выдвинулся вперёд, взял англичанина за рукав и, указав на иконостас Покровского придела, молвил громко и внушительно: „Мусье, се шапель сен Вазил, где молился царь Жан Терибль“. Услышав „Жан Терибль“ [Иван Грозный], англичанин сочувственно закивал головой, и сторож не без язвинки заметил мне: „Они поняли. Я им объяснил-с“».

Лето 1915 года Дурылин проводит в калужском имении Морозовых Михайловском. Редкое затишье в его моторной жизни. По милым среднерусским лесам и полям совершает прогулки-беседы с приехавшим композитором Николаем Карловичем Метнером. Дурылин восхищается музыкой Метнера на стихи Пушкина, Гёте. Метнер уверяет, что Сергей Николаевич преувеличивает его весьма скромные, «интимные» заслуги

перед искусством. Хотя его заслуги были высоко оценены ещё в 1909 году присуждением Глинкинской премии за цикл романсов на стихи Гёте.

В Михайловском Дурылин заканчивает первую часть монографии о Лескове. За чаем он читает её всем присутствующим, а Метнер «в обмен» играет на рояле свои «Сказки».

Редактор издательства «Путь» Г. А. Рачинский пишет М. К. Морозовой: «Я очень рад, что Дурылин принялся вплотную за своего Лескова; думаю, как я уже писал Вам, что книга выйдет хорошая, только не насовал бы он туда полемики, а убрать её будет трудно: человек он упрямый и когда захочет, умеет, как уж, из рук выскакивать. Я его очень люблю и ценю, несмотря на ведомые мне недостатки его...»^[166] О горячности Дурылина тех лет, нетерпимости его при отстаивании своего мнения пишет и Сергей Фудель: «У Сергея Николаевича была одна черта: казалось, что он находится в каком-то плену своего собственного большого и стремительного литературного таланта. Острота восприятия не уравнивалась в нём молчанием внутреннего созревания, и он спешил говорить и писать, убеждать и доказывать»^[167]. Видимо, эта черта и проявилась при чтении доклада «Град Софии».

В тот год в имении Маргариты Кирилловны Морозовой собралась большая компания молодёжи. Ради развлечения и озорства они коллективно за несколько недель написали роман «Соколий пуп»^[168] в трёх частях и двадцати восьми главах, с предисловием, эпилогом, примечаниями и эпиграфами к каждой главе. Автором назван Аким Ловский. Главный герой — общий товарищ участников — Дима Меньшов. Среди действующих лиц Козьма Прутков, профессор МГУ Сергей Иванович Соболевский и ведущие философы тех лет. В написании романа участвовали семь человек. Каждый писал самостоятельно свои главы, изощряясь в юморе и насмешливости. Иллюстрировал роман Александр Георгиевич Габричевский^[169].

ПЕРИОД ДУШЕВНОГО СМЯТЕНИЯ

Создаётся впечатление, что у Дурылина внешняя жизнь, кипучая и насыщенная, в литературе, среди людей идёт самостоятельно, независимо от внутренней, от жизни души, напряжённой, трагичной, часто мучительной.

«Я живу, Гоша, — пишет он брату в 1915 году, — в такой тоске и муке, что у меня нет сил передать её тебе. Она законна, я её заслужил и заслуживаю, но чтобы переносить её, мне нужна душевная поддержка, и я её нахожу у Коли, у детей, когда они просто сидят у меня в комнате или что-нибудь рисуют. Большого мне не нужно»^[170].

Со смертью мамы Дурылин потерял не только опору, основание, удерживающие его равновесие в житейском море, не только прочный быт, освобождавший мысли для творчества, но и «свой угол». Бездомность, скитания, ночёвки по чужим углам, переезды с квартиры на квартиру будут продолжаться до 1936 года, до большевского периода. В 1916 году у него совсем нет жилья: «...где буду жить зиму — не знаю. Итак, очутился я „яко наг, яко благ, яко нет ничего“»^[171]. Письма просит посылать на квартиру настоятеля церкви Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище протоиерея Василия Постникова (отца Г. В. Постникова). У Постниковых он будет жить некоторое время, оставит у них на хранение свои вещи, часть мебели и книги. Вот маленькая иллюстрация его кочевой жизни. Вернувшись летом 1916 года из Симеиза, где жил с Колей Чернышёвым, который лечился от туберкулёза, Дурылин лишь на два дня задержался в Москве и едет в Троице-Сергиеву лавру к Флоренскому и Новосёлову. Оттуда — в Абрамцево в дом Мамонтовых. От 3 до 15 августа он в Пирогове — имении Чернышёвых, затем на неделю едет в Новгород к М. К. Морозовой, а к 1 сентября он должен вернуться в Москву, так как ему предложили преподавать историю в Московском Александровском институте. Лето — осень 1917-го он кочевал между Москвой, Абрамцевом, Любимовкой и Оптиной. Художник М. В. Нестеров предложил ему пожить у него на Новинском бульваре, так как семья уезжала в Армавир. «Вдвоём нам будет лучше», — сказал он. Однако не сложилось.

Мысли о монастыре всё чаще посещают Дурылина. Он чувствует, что Христос всегда стоит за плечами «и грустит по нас». Это поддерживает, укрепляет духовно. Тане он пишет: «Я был на пороге двух аскетизмов: в юности рационалистического, интеллигентского, теперь стою на пороге

полумонашеского, православного. И я знаю, что *должен* стоять, постояв, переступить этот порог и уйти... А во мне борется что-то, я люблю молодость, красоту <...> люблю ещё многое — ржаное поле и мелкий песок, горизонт... Единственным *моим* отношением должно быть — отвернуться и уйти. Да, отвернуться, да, уйти — уйти туда, где ничего *не видно*. И я повторяю про себя только одно, только одно:

Что ты, что ты сделал,
Исходя слезами,
Что — скажи — ты сделал
С юными годами»[\[172\]](#).

(П. Верлен. Перевод С. Н. Дурылина)

Душевное смятение становится невыносимым. И Дурылин уже в который раз ищет успокоения, исцеления на милом Севере. Взяв с собой Колю и Ваню Чернышёвых, Игоря Ильинского, брата Георгия и своего друга Г. Х. Мокринского, он летом 1917-го отправляется в Олонецкий край. И опять Север дал утешение. Надолго ли? Но какие слова благодарности Дурылин обращает к Северу по пути домой! «Милый север, ты не изменил и не обманул — ты, как всегда, радовал природой, и людьми, и всякой тварью, ты учил без указки, что *есть* Россия, — ты обласкал, ты охранил от тяжёлого обстояния наших дней! Увижу ли тебя опять? Бог весть! Но что-то лучшее во мне, ещё живое, ещё хотящее жить, связано с тобой неразрывно. <...> Суровые годы, суровые дни — и нет в тебе отчаяния, нет слабости, нет неверия в тебе. Сохранишь ли ты Россию? Но во мне ты сохранил веру в неё — только через тебя, через твоё откровенье в простоте и тишине твоих людей и просторов, твоих вод и лесов я ещё верю в неё! Спасибо тебе!» [\[173\]](#)

1917 ГОД И ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РПЦ

Вернувшись в Москву 12 августа, Дурылин очутился в гуще революционных событий. Москва встретила забастовкой трамваев. Площадь перед Большим театром была запружена толпой и войсками. Свои впечатления, переживания, мысли Дурылин записывает в дневнике «Олонецкие записки», который вёл с 12 августа 1917-го по 21 апреля 1918-го. Предполагал вести в нём записи по этнографии и археологии Севера, но захлестнувшие события заставили забыть об этих намерениях. С тяжёлым чувством описывает Дурылин свою встречу со старым другом ещё с гимназических лет Костей Толстовым, который приехал в Москву в командировку. Константин — матрос, член Исполнительного комитета армии и флота в Гельсингфорсе. У него власть, он занимает две должности: судебного следователя и члена «охраны свободы». «Кошмар наяву» для Дурылина рассказы Константина о расправах над офицерами (их не пристреливали, а били чем попало, терзали, рвали. Константин называет это «раздавить гадов»); его оправдание убийства адмирала А. И. Непенина — командующего Балтийским флотом, только за то, что он «с матросами плохо обращался, своему пустому автомобилю приказывал честь отдавать»... У Константина неограниченная власть. Он ведёт допросы, выносит обвинения офицерам.

Когда-то Дурылин и Толстов участвовали в революционных кружках, строили планы социального преобразования общества. Но Дурылин с изумлением видит, что в сознании Константина ничего не изменилось с тех пор. У него по-прежнему нет никакого чёткого политического или общественного сознательного «я». Выбранный от Службы связи делегатом к А. И. Непенину, Константин в виде требований матросов излагает ему программу эсеров 1905 года, которую вспоминал по дороге к адмиралу. Дурылин возмущён: «Это было *первое* заявление *политических* требований в Балтийском флоте. Какой ужас царит над Россией, если подумать, что их заявлял адмиралу боевому, умнице, таланту, человек, ещё за десяток минут только вспомнивший нечто, сохранённое от 5-го года, о чём сам не думал, чего не знает, над чем год назад смеялся»^[174]. Дурылин видит, что Константина заботят не нужды России, государства, сословий, а то, что нужно лично ему как представителю класса. И это личное в силу обстоятельств он может осуществлять как всероссийское. Константин ещё берёт смелость рассуждать о свободе для христианства. На что Дурылин

решительно заявляет, что не хочет *такой* свободы.

Дурылин понимает, куда заведут Россию такие Константины. Он задаётся вопросом: «Кто же Костя? Большевик? Анархист?» И тут же отмечает вопрос как несущественный: «Нет, это всё не то. Это та центробежная сила русской истории, которая воздвигала самозванцев, Федьку Андросова, Разина, Пугачёва, максималиста-экспроприатора 905 года. Теперь она плещется по всему русскому простору — поджигает помещичьи усадьбы, оскверняет мощи в Киеве, вопиет о „контрреволюции“. И не Керенским, и не Милюковым её остановить! Нет, государство — узда, государство — сурово и тяжело, и опять, и опять — если суждено России быть — поднимется как-нибудь медный всадник — и „вздёрнет на дыбу“. Нужно ли этого желать? Нужно, если желать бытие русского государства, и не нужно, если забыть о нём и помнить, что „Дух дышит, где хочет“, что православие может всемирно воссиять и у японцев, и у американцев. За государство платят — и вот „Россию вздёрнул на дыбы“ и есть такая плата»^[175].

Пятнадцатого августа 1917 года в Успенском соборе Московского Кремля открылся Всероссийский Поместный собор Русской православной церкви. На Соборе было восстановлено патриаршество, устранённое указом Петра I. А 5 ноября Святейшим Патриархом Московским и всея Руси был избран Тихон (Белавин), на тот момент митрополит Московский. Избрание происходило в храме Христа Спасителя, куда из Успенского собора Кремля была доставлена чудотворная Владимирская икона Богоматери.

После Февральской революции, на короткий период освободившей Церковь от светской власти, Дурылин активно участвует в церковной жизни: в предсоборных дискуссиях, в организации церковных братств. Написал устав Кремлёвского Братства святителей московских, утверждённый на Соборе. Свои мысли о задачах Собора он изложил в брошюре «Церковный собор и Русская церковь». И тогда же получил подарок от одного из идеологов созыва Собора, известного церковного и общественного деятеля Павла Борисовича Мансурова — его книгу «Церковный собор и Епископы — его члены» (М., 1912) с замечательной надписью: «Дорогому Сергею Николаевичу Дурылину на память о совместном труде в святом деле. Сентября 1917 г. От автора»^[176].

О том, как важен церковный приход для устройства церковной жизни, какую важную роль он должен играть в оздоровлении социальной среды и институтов гражданского общества, о приходе — как школе христианской

любви Дурылин издал брошюру «Приход. Его задачи и организация» За обе брошюры Дурылин получил похвалу от оптинского старца Анатолия и его келейника отца Варнавы.

Дурылин присутствует на всех службах в Успенском соборе Кремля, в храме Христа Спасителя, участвует в крестном ходе в честь открытия Собора и в шествии в Чудов монастырь, в богослужении на Красной площади. Внимательный наблюдатель и точный свидетель, Дурылин подробно описывает величественные, великолепные службы. Он восхищён торжественным строем, чином движения архиереев и архимандритов, красочным облачением священнослужителей. Дивится их лицам — великорусским лицам! Ещё сильнее действовал на душу сам собор, озаряемый множеством свечей, оживляемый строгим пением, наполненный народом, насыщенный молитвой и доносившимся снаружи колокольным звоном. Но восхищаясь старинным обрядом, Дурылин видит и минутное. Замечает и пустое царское место, и неуместные здесь штатские фигурки Временного правительства во главе с неестественно прямо державшимся А. Ф. Керенским, полувоенный френч которого на фоне одежд архиереев подчёркивал случайность и нелепость его присутствия. «Холодом и обречённостью веяло от него», — заключает Дурылин свои наблюдения. Раздражение у него вызывают речи, произносимые чиновниками Государственной думы, Временного правительства. Так нелепо, не соборно они звучат. В этих речах, похожих на выступления на собрании, неоднократно подчёркивалось, что не царь, а Временное правительство осуществило Собор. Обращает внимание Дурылин и на то, что среди членов Собора нет крестьян. «Жуть нашей революции, — замечает он, — в том, что главного лица не видно. Где же мужик?»^[177]

Всё, что происходило на Соборе, в чём участвовал и что видел Дурылин, он подробно описал в дневнике «Олонецкие записки». Здесь же его мысли, волнения о судьбе Церкви и России, о роли интеллигенции в происходящих событиях и её отношениях с Церковью, о судьбе русской культуры.

Успешная педагогическая практика и педагогические статьи и доклады Дурылина были хорошо известны в церковных кругах. В марте 1918-го С. Н. Дурылин, отец Павел Флоренский, С. П. Мансуров, М. А. Новосёлов получили приглашение от секретаря Поместного собора В. Шеина принять участие в работе Соборного отдела о духовно-учебных заведениях по разработке типа пастырских училищ. Дурылина давно заботило духовное воспитание юношества. Ещё в 1916 году он читал доклад «Будущая Россия. (Духовные задачи современности и русская молодёжь.)» в Златоустовском

религиозно-философском кружке. Однажды они с М. А. Новосёловым, сидя у камина, обсуждали возможность издания сборника «Путь ко спасению» — аскетику — для юношества: как жить в миру, как воспитывать себя телесно и душевно не для монастыря, а для брака и семьи. И ничего, к сожалению, не могли вспомнить, что бы можно было взять в сборник из произведений духовных писателей и Отцов Церкви.

В августе-сентябре 1917-го Дурылин часто бывает в Абрамцеве наездами, рассказывает о Поместном соборе, работает в архиве Мамонтовых в тесном контакте с Александрой Саввишной, изучает гоголевскую переписку, ставит с детьми спектакли. Здесь и Александр Дмитриевич Самарин — видный государственный деятель, и художник Михаил Васильевич Нестеров. Обсуждают события в стране. Читают газеты. В «Новом времени» Нестеров отчёркивает крестиками ответ М. В. Родзянко А. Ф. Керенскому и речь В. В. Шульгина. Дурылин читает вслух речь бывшего главнокомандующего, а в то время советника Временного правительства М. В. Алексеева.

Сергей Николаевич в качестве учителя литературы для Юши (Георгия — Юрия Александровича Самарина) и группы его сверстников впервые появился в абрамцевском доме Мамонтовых осенью 1914-го, когда уже бушевала Первая мировая война и патриотические чувства были у всех обострены. Г. А. Самарин свои воспоминания о любимом «учителе, воспитателе, друге» озаглавил «Воспитатель любви к Родине». «Молодой и очень подвижной, быстро откликающийся на всё окружающее, он с первого же дня покориł сердца учеников своей исключительной сердечностью, теплотой и ласковой приветливостью. Его уроки, глубокие по содержанию и увлекательные по форме, сразу же стали для нас подлинными праздниками. Мы поняли, что к нам пришёл особенный учитель, такой, каких нам ещё не приходилось видеть»^[178].

С учениками Сергей Николаевич держал себя на равных, и процесс общения естественным образом превращался в воспитательно-образовательный, но без дидактики, без нажима. Он умело вовлекал их в свои духовные поиски, заражал своими интересами, рассказывал о научных изысканиях. Изучение литературы, географии, истории превращалось в живой творческий процесс. Так, русскую классику они изучали, ставя спектакли — сцены из «Бориса Годунова», «Трумф» («Подщипа») Крылова, «Бежин луг» Тургенева, «Тяжбу» Гоголя, «Не в духе» Чехова. Режиссёром, а иногда и актёром становился Дурылин, декорации изготавливали вместе. Об этих спектаклях вспоминают их участники: Игорь Ильинский в книге

«Сам о себе» (М., 1961), С. М. Голицын в книге «Записки уцелевшего» (М., 1990), Сергей Фудель, написавший воспоминания о Дурылине, а также рассказывала мне Н. М. Нестерова, младшая дочь художника. Г. А. Самарин вспоминал, с каким юмором Сергей Николаевич исполнял роли бродячих монахов и с какой глубиной раскрывал трагедию царя Бориса. В ходе подготовки спектакля Дурылин исподволь раскрывал ученикам широкий диапазон творческого наследия писателя. Вовлекая учеников в свои научные разыскания, он о классиках рассказывал как о живых людях, будто бы был знаком с ними лично.

Дурылин — исследователь литературы и искусства нерасторжимо связан с Дурылиным — педагогом. Разбирая с учениками литературные произведения, отталкиваясь от какой-нибудь детали, эпизода, развивая оригинальные мысли, Сергей Николаевич мог привести ученика к неожиданным выводам. Так, в Муранове, объясняя Кириллу Пигарёву «Пиковую даму» Пушкина, Дурылин делает мостик от Германна к барону в «Скупом рыцаре» и разворачивает целое исследование темы скупости в ряду произведений Пушкина. Впоследствии один свой урок с детьми Пигарёвыми Сергей Николаевич описал «В своём углу». Гуляя по заросшему парку с Кириллом, Олей и Колей, Сергей Николаевич говорит с ними о душе природы, как её понимали Лермонтов, Тютчев, Вл. Соловьёв, Платон. И говорит так, что даже маленькому Николаю (Пупсу) всё понятно [\[179\]](#).

В своих учениках Сергей Николаевич всегда искал искру Божию, развивал их творческие наклонности. Художником стал Коля Чернышёв [\[180\]](#) (к неудовольствию отца, видевшего в нём своего преемника), артистами — Михаил Названов [\[181\]](#) и Игорь Ильинский, крупными учёными-филологами — Кирилл Пигарёв [\[182\]](#), Андрей Сабуров [\[183\]](#), религиозным писателем Сергей Фудель, Сергей Сидоров стал священником, Дмитрий Усов — поэтом и переводчиком [\[184\]](#). Около десяти его питомцев защитили кандидатские в самых различных науках. Тёплые слова благодарности Сергею Николаевичу оставили его ученики; находим их и в воспоминаниях, и в письмах, и в записях в зелёном альбоме. Вот одна из них: «Дорогой Сергей Николаевич! <...> Редко мы видимся. И как хорошо опять помечтать и поговорить с Вами, с тем, которому я так много обязан. С детства Вы незаметно внедрили в меня любовь к искусству и литературе. Спасибо Вам, дорогой Сергей Николаевич! Мой первый учитель и режиссёр. Игорь Ильинский» [\[185\]](#). Андрей Александрович Сабуров вспоминал, как Сергей Николаевич проходил с ним школьную программу

первых классов, преподавая все предметы, кроме иностранных языков. Увлекательные занятия продолжались походами в театры, концерты, на художественные выставки, прогулками за город, где учитель наравне с учеником увлечённо катался на санках с ледяной горки.

Наиболее близки Дурылину были Коля Чернышёв, Сергей Сидоров^[186] и Сергей Фудель. Записи о них, думы о них, тревоги за них читаем в дневниках, записных книжках, во многих письмах. Судьба всех троих трагична^[187].

Летом 1917 года Сергей Николаевич привёз в Абрамцево Колю Чернышёва и Серёжу Фуделя. Они ходили по дому Мамонтовых, тогда ещё полному ощущения личной жизни хозяев, и вдыхали запах уходящей эпохи. Вместе с Сергеем Николаевичем любовались серовским портретом Веруши Мамонтовой.

Впечатления свои от посещения дома Мамонтовых Сергей Николаевич выразил в стихотворении, которое записал в альбом Александры Саввишны Мамонтовой:

Вот-вот услышу в доме старом
за чаем тихий разговор,
И Хомяков с обычным жаром
с Аксаковым затеет спор.
Вдруг хохот Гоголя разбудит
меня в томительной тоске,
Иль я завижу: рыбу удит
старик Аксаков на реке...
Иль то пройдёт и встанет снова
иного времени дозор —
и шулки тихого Серова,
и Врубеля печальный взор^[188].

В зрелые годы Дурылин считал, что его профессиональным занятиям литературой и театром немало помогла практическая и теоретическая педагогика молодых лет. Хотя, надо заметить, начав свой жизненный путь с деятельности педагога, Сергей Николаевич оставался им, как и пастырем, до конца жизни^[189].

Художник М. В. Нестеров живёт в Абрамцеве с семьёй всё лето 1917 года, пишет этюды. Они с Дурылиным много общаются, гуляют в парке и окрестных лесах; Нестеров показывает пейзажи, запечатлённые на его картинах. Об одной такой прогулке Дурылин оставил запись в «Абрамцевском дневнике»^[190]: «Мы сразу же, вступив в лес, вступили с Михаилом Васильевичем в оживлённую беседу на неисчерпаемую тему о русской природе и об её отзвуке, отклике <...> в русском искусстве. <...> Я читал вслух осенние стихи Тютчева, Михаил Васильевич говорил о своих былых планах и чаяниях живописца — поэта русской осени. Я, разумеется, не нашёл ни одного гриба, часто принимая желтовато-бурый лист осинки за шляпку белого гриба, но Михаил Васильевич был зорек и деятелен: не прекращая беседы, он то и дело наклонялся <...> и опускал в корзину то крепкий боровик, то подосиновик».

После чаепития в доме Мамонтовых они рассматривают картины, коллекцию портретных рисунков карандашом Репина, В. Васнецова, Сурикова, Врубеля, альбом любимого Нестеровым французского художника Бастьен-Лепажа...

Дурылин, увлечённый Лесковым, собирал в 1917 году материал о круге его читателей и рассказал Нестерову, что император Николай II любил Лескова и был знатоком его сочинений. Нестеров «хмуро отозвался: Ну, слава Богу. А то я, — в высоком месте, — заглянул однажды на пюпитр, великолепный пюпитр для чтения — и знаете, что увидел? Кто там лежал? — Он помолчал — Лейкин! — выпалил он с негодованием и болью»^[191].

Нестеров, отлучаясь в Сергиев Посад, пишет портрет отца Павла Флоренского для картины «Философы», где священник изображён рядом с С. Н. Булгаковым. Об искусстве портрета они и говорят с Дурылиным. Это их излюбленная тема. В 1928 году в письме искусствоведу Б. В. Шапошникову^[192] по поводу книги «Искусство портрета» Дурылин развил тему, над которой думал много и упорно в 1916–1920 годах: «Есть три проекции человека в искусстве — поистине мировые и вселенские: I. Икона. II. Портрет-картина. III. Карикатура. Каждая основана на своём особом разделе учения о личности. <...> „Теория личности“ у каждого времени своя, своя она и у каждой культуры»^[193].

Картина «Философы», написанная после Февральской революции и в преддверии Октябрьского переворота, передаёт то смятение духа, которое испытывал в те годы и Дурылин. Он записал: «Без всякой преднамеренности Нестеров дал в своей картине трагедию интеллигентской души, бьющейся в безысходных противоречиях одинокой

мысли и ещё более одинокой мечты»^[194].

Дурылин познакомился с Нестеровым, как я уже писала, в 1913 году на лекции о Лескове. С творчеством своего любимого художника он был знаком давно: в 1907 году восхищался его картинами на персональной выставке. В апреле 1912 года присутствовал на первой воскресной службе только что открытого Покровского храма Марфо-Мариинской обители, расписанного М. В. Нестеровым. В 1914 году они встретились дома у протоиерея Иосифа Фуделя, куда пришли после вечера бельгийской поэзии в Политехническом музее. Нестеров расхвалил доклад Дурылина на этом вечере, а Дурылин картины художника. Они расцеловались. Но на этом личное общение отложилось до 1917 года, с которого и надо исчислять их дружбу.

1918 ГОД

Взамен закрывшихся церковных журналов был создан в 1918-м новый. Назвали «Возрождение», вложив в это название свои чаяния на духовное возрождение Церкви. Верили и ждали. С. И. Фудель пишет: «Отвергая „живоцерковничество“ как перенесение в Церковь идей и методов революции, и Булгаков, и Флоренский, и Свенцицкий, и Дурылин, и все другие деятели и мыслители того времени одновременно ждали для Церкви возрождения в жизни истинной духовности, в освобождении от государственного и бытового обмирщения и формализма»^[195]. Но журнал просуществовал лишь один год. Вышло десять номеров и в каждом (кроме десятого) работы Дурылина. Названия статей значимы: «Церковь и возрождение», «Правило веры и образ кротости», «Завет Преподобного Сергия», «В Оптиной пустыни», «Храм в жизни и жизнь в храме»... В третьем и четвёртом номерах Дурылин (без подписи) опубликовал списки книг на религиозные темы, рекомендуемых для чтения. На сотрудничество с журналом Дурылин получил благословение старца Анатолия. Журналом «Возрождение» интересуются в Оптиной пустыни. Отец Феодот расспрашивает Дурылина о журнале, он уже видел его у одного монаха и теперь хочет познакомиться поближе. Отец Феодосий просит поместить в журнал отмеченный им отрывок предисловия из «Курса всеобщей истории (для среднего возраста учащихся)» И. Кулжинского (СПб., 1859).

По инициативе Новосёловского кружка и по благословению патриарха Тихона в 1918-м были созданы Богословские курсы как духовная школа аскетической направленности. Просуществовали курсы три месяца — с апреля по июнь. Занятия, проходившие на квартире М. А. Новосёлова, вели епископ Феодор (Поздеевский), С. П. Мансуров, М. И. Смирнов, А. Г. Куляшов, М. А. Новосёлов. Член епархиального училищного совета С. Н. Дурылин читал курс церковного искусства. У него давний интерес к иконописи. Тема его исследований: «Религиозный смысл русской иконописи». Начав в 1913 году с работы «Древнерусская иконопись и Олонецкий край», он в апреле 1919-го прочитал цикл лекций: «История Лика Христова», «Учение Церкви об иконе», «Икона и иконный мир. Жизнь Андрея Рублева», «„Троица“. Иконописец. Выводы». На лекцию о сущности иконы «Живопись = картина. Сатанины иконы» получил одобрение владыки — епископа Феодора. Статью «Иконопочитание в Древней Руси» написал в 1919-м в Сергиевом Посаде. Сергей Фудель

вспоминал, с какой любовью и знанием дела Дурылин открывал им смысл древней иконы.

«Олонецкие записки» — единственный дневник, где отражена реакция Дурылина на трагические события в стране. И здесь же прослеживается эволюция его позиции — от активного участия в мероприятиях по реформированию церковной жизни к стремлению уйти в «свой угол», в частную жизнь, которое вылилось в желание уйти в монастырь, а в 1920-м привело к принятию сана священника.

После 1918-го в дневниках и записных книжках Сергея Николаевича мы не встретим записи о политических событиях и его реакции на них. Дурылин ощущает, как между ним, его «я» и действительностью возникает преграда. Его тонкая, впечатлительная душа не выдерживает бурных, тягостных переживаний, мучительных размышлений. Ему хочется замкнуться в «четырёхстенном, своеугольном» пространстве, отгородиться от внешнего мира. «Я стал до дна *частный* человек, — признается он. — Люблю *лица* больше, чем *народы*, личное больше общего, отдельную жизнь, чем жизни». Все мировые события теперь для него ничто по сравнению с главным событием-вопросом: погибнет или спасётся *эта* отдельная человеческая душа. Для него как христианина важнее личная судьба человека, чем вся мировая история. «Будет ли российская республика?» — вопрошает он. И отвечает себе: «Для этого ни йоты не делал Христос и апостолы»^[196].

Спасение от кошмара, творившегося в стране, Дурылин искал в Церкви, в вере. Его восприятие катастрофы совпадало с тем, что описали русские интеллигенты в эмиграции. Дурылин не покинул Москву, он всё видел, всё пережил, многое понял и предвидел. Но уехать из России он был не в состоянии: «Я могу дышать только русским воздухом».

Надежды на возрождение жизни Церкви, независимой от государства, рухнули.

Испытывая житейскую растерянность — «меня запустили в какой-то круг, и я не могу выйти» — и всё больше склоняясь к монашеству, Дурылин в 1918 году едет в Оптину с заготовленными вопросами к о. Анатолию: «Как смирить себя? Как противостоять боязни голода, беды? Не знаю, что делать в жизни и на что направить работу. Писать ли роман? Монашество? Как часто причащаться и причащаться ли, если чувствуешь не готов? Как всегда помнить о Боге и страх чувствовать?» и др. Всего 14 вопросов и

среди них: «Где жить?» ^[197] Монастырь привлекает не только как прибежище для души, но и как свой дом, свой угол. Отец Анатолий ответил на каждый вопрос. Его ответы, как и свои вопросы, Дурылин подробно записал в дневнике. Поступление в монастырь старец не отвёл совсем, но отодвинул на неопределённый срок: «К монашеству или священству выяснится по учению в Акад[емии]; поступать ли — спросим у Влад[ыки] Арсения. Там выяснится. Бог укажет монашество». Обсуждаются три варианта поступления Дурылина в монастырь: Оптиная, Данилов монастырь и Зосимова пустынь. Отец Анатолий склоняется к Данилову монастырю: «Если под руководством и советом еп. Феодора будете жить, кажись, ошибки не будет. Но положишься на Промысел Божий. Господь тебя не оставит» ^[198]. И в другом письме: «Спрашиваете, как дальше жить, не устроиться ли в монастырь. Если еп. Феодор принимает (1 нрзб.) можно бы решиться. Но смотрите, как себя чувствуете духовно» ^[199]. А в апрельском 1919 года письме о. Анатолия в связи со смертью Г. Х. Мокринского звучит Дурылину предупреждение: «Очень опасно заниматься умосердечною молитвою прежде обретения смирения и постоянного самоукорения» ^[200].

Сергей Николаевич собирал материал и хотел писать об Оптиной пустыни, её истории, о старчестве. Он записывает рассказы и воспоминания монахов Оптиной и монахинь из Шамордина, беседует с архимандритом Феодосием (Поморцевым) — живым носителем истории Оптиной, отцом Варнавой (Ивановым) — келейником о. Анатолия, с иеросхимонахом Феодотом (Кольцовым) — уставщиком Оптиной пустыни. Собирает исторические справки, составляет перечень необходимых экспонатов для создания музейной экспозиции. Делает выписки из статей и воспоминаний о посещении Оптиной Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, из рукописей о. Феодота, а также из книг богатейшей оптинской библиотеки. В дневник записывает свои беседы с о. Анатолием, о. Нектарием. Они помогут ему позже при написании воспоминаний о них.

Особенно интересны Дурылину воспоминания о. Феодота о жизни К. Н. Леонтьева при Оптиной пустыни. Леонтьев — один из его любимейших писателей. Всю дальнейшую жизнь он будет заниматься Леонтьевым, но писать в основном «в стол». В 1916 году Дурылин принимал активное участие в мероприятиях по случаю 25-летия кончины Леонтьева. Газета «Московские ведомости» поместила информацию о том, что 11 ноября, в канун дня памяти Леонтьева, «в покоях владыки-митрополита при Чудовом монастыре состоялось общее собрание Братства Святителей Московских... Председатель совета Братства П. Б. Мансуров во вступительном слове

своём говорил о значении деятельности К. Н. Леонтьева на Ближнем Востоке. Член Братства С. Н. Дурылин сделал сообщение: „Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева“. Протоиерей И. И. Фудель дополнил это сообщение своими личными воспоминаниями о нем...» Присутствовал Дурылин и на заупокойном богослужении в церкви Святителя Николая Чудотворца в Плотниках на Арбате, настоятелем которой был о. Иосиф Фудель. На закрытом заседании РФО выступили о. Иосиф Фудель: «К. Леонтьев и Вл. Соловьёв в их взаимных отношениях», С. Н. Дурылин: «Писатель-послушник», С. Н. Булгаков: «Победитель-побеждённый». (К слову замечу, что в 1991-м могила К. Леонтьева в Сергиевом Посаде восстановлена по описанию С. Н. Дурылина.)

С отцом Иосифом Фуделем у Сергея Николаевича сложились тёплые, доверительные отношения, основанные на общности религиозно-философских взглядов. «Это была философия религиозной России, любовь к которой Сергей Николаевич сливал с любовью к Богу», — пишет Сергей Фудель в своих воспоминаниях и приводит запомнившиеся ему строчки стихотворения Дурылина, которыми он закончил свою речь о России в Московском университете:

Исстрадать себя тютчевской мукой,
«Мёртвых душ» затаить в себе смех,
По Владимирке вёрсты измерить,
Всё познать, всё простить —
Это значит: в Бога поверить!
Это значит: Русь полюбить!

«Любовь Сергея Николаевича к моему отцу была большая, — пишет С. Фудель, — я помню его горькие слёзы после смерти отца, и эта любовь была взаимной. Мне кажется, что они познакомились не раньше 1914 года^[201], но уже в 1915 году отец в завещательном письме оставляет ему всю свою работу над изданием К. Леонтьева — это был знак полного сердечного доверия. <...> Он [Дурылин] видел в нём духовного отца, который сочетал большую религиозную жизнь с любимой Сергеем Николаевичем русской культурой XIX века. Через него он прикасался Оптиной ещё 80-х годов прошлого века, Оптиной отца Амвросия, у которого бывали и Достоевский, и Толстой»^[202]. По настоянию Дурылина о. Иосиф Фудель незадолго до своей смерти написал воспоминания «Моё знакомство с К. Леонтьевым»^[203] в форме письма Сергею Николаевичу.

Изучив творчество К. Н. Леонтьева, Дурылин сделал такое наблюдение: «И „опасность“ Леонтьева именно в том, что, войдя в него одним ходом, можно быть так зачаровану, что и не заметишь, какими переходами бродишь в этом лабиринте, пока не окажется, что стоишь у входа такого, в который не только не вошел бы, но бежал бы, его завидев, за тысячу вёрст. <...> „Вшед“ в Леонтьева тихими вратами Оптинского скита, можно нечувствительно оказаться в одном шаге от римских терм или турецкой бани с нагими отроками без поясов»^[204].

Из всего, что Дурылин написал о Леонтьеве, удалось напечатать лишь комментарий к автобиографии Леонтьева «Моя литературная судьба» в «Литературном наследстве» (1935. Т. 22–24). Сергей Николаевич прочитал несколько докладов о нём: «Религиозный путь Константина Леонтьева» — на квартире Н. А. Бердяева (1921) и в Вольной академии духовной культуры (1922); «К. Леонтьев и Лесков о Достоевском» (1925); «Леонтьев как романист», «Эстетические взгляды К. Леонтьева» — в ГАХНе (1926, 1927); «Л. Толстой и К. Леонтьев» — в музее Л. Толстого (1927). Статья «Леонтьев — художник» (о романе «Подлипки») осталась неопубликованной. Собираясь написать очередную статью о Леонтьеве, понимает, что это будет «законченная часть от невозможной в целом книги о нём»^[205]. В 1931 году исполнилось 100 лет со дня рождения Леонтьева и 40 лет со дня его смерти. Дурылин с горечью вспомнил, с каким трудом удалось организовать чествование памяти философа в 1916 году и какая несчастная судьба ждала собрание его сочинений, издаваемое отцом Иосифом Фуделем^[206]. А в 1931 году Леонтьев оказался совсем забыт. И если раньше Дурылин мог отметить юбилей Леонтьева чтением докладов, то теперь — он в ссылке, лежит больной, и единственное, что может сделать, — написать о своём любимом писателе в тетрадке «В своём углу». В тетради ХША Леонтьеву посвящено 17 страниц. «Лучшее, что я написал о нём», — заметил Дурылин.

В 1929 году появилась надежда, оказалось — призрачная, на издание юбилейной книги, и Дурылин обсуждает с литературоведом, сотрудницей Пушкинского Дома Евлалией Павловной Казанович план включения в неё «удобопечатаемых» в то время произведений и писем Леонтьева, подробно, с комментариями, перечисляя всё, что есть в его архиве^[207]. Но даже подготовка такого издания оказалась невозможной.

Дурылин никогда не писал о М. Е. Салтыкове-Щедрине. Почему? Ответ в его короткой записи: «Около Пушкина стоял ангел Радости, около Лермонтова — ангел Печали, а кто около Гоголя? Около же Салтыкова-

Щедрина стоял просто желчевой мешок, и желчь сочилась сквозь мешковину»^[208]. Для Дурылина, любившего Россию и Русь, сатира Щедрина была чересчур.

В 1918 году Вяч. Иванов, С. Н. Булгаков и их младший соратник А. Ф. Лосев задумали издать серию «Духовная Русь», которая должна была объединить ряд религиозно-философских книжек о русской национальности. Кроме них среди авторов намечались Н. А. Бердяев, Г. И. Чулков, Е. Н. Трубецкой, а также ученик и друг Дурылина С. А. Сидоров со статьёй «Юродивые Христа ради». В плане стояли две работы Дурылина: «Апокалипсис и Россия (Памяти отца Иосифа Фуделя)» и «Религиозное творчество Лескова». Статьи были написаны, однако замысел серии остался неосуществлённым.

«Сейчас тем, кто не пережил этих лет — 1918, 1919, 1920-го, — невозможно представить себе нашу тогдашнюю жизнь, — писал С. И. Фудель в своих воспоминаниях. — Это была жизнь скудости во всём и какой-то великой темноты, среди которой, освещённый своими огнями, плавал свободный корабль Церкви. В России продолжалось старчество, то есть живое духовное руководство Оптиной пустыни и других монастырей. В Москве не только у о. Алексия Мечёва, но и во многих других храмах началась духовная весна, мы её видели и ею дышали»^[209].

Но это были островки духовного света. В целом Церковь переживала трудные времена. М. А. Новосёлов в письме Павлу Борисовичу Мансурову на рубеже 1918–1919 годов выражал свою боль: «...главный недуг церковной жизни слишком глубоко коренится в недрах Церкви, чтобы быть исцелённым таким внешним средством, как апологетика. Недуг этот заключается в утрате православного самосознания и самочувствия и отступлении от святоотеческих основ религиозной мысли и жизни»^[210].

С Михаилом Александровичем Новосёловым у Дурылина сложились отношения дружеские^[211]. Они много общаются. У них общие взгляды, чаяния. К Новосёлову пошел Дурылин со своими переживаниями в «первый день без царя». Именно Новосёлов оказался рядом и отвёз Дурылина в больницу доктора А. И. Бакунина, когда внезапно 15 марта 1918-го случился приступ ущемления паховой грыжи и умирающего Дурылина срочно, без подготовки, положили на операционный стол. Умирая, он знал, что это наказание Божие, сполна заслуженное. Костенеющим языком попросил духовника. Исповедавшись и причастившись, спокойно заснул под хлороформом с молитвой Иисусовой. Операция сверх ожидания прошла удачно. И две недели после операции

были днями счастья: «...я был с Богом, — и оттого всё было легко, всё радостно, всё нужно: молитва, чтение Евангелия, любовь к людям, внимание к себе...» Врачи предположили, что начинается воспаление лёгких. Новосёлов привёз чудо-доктора Н. Н. Мамонова^[212], и всё обошлось. В больницу к Сергею Николаевичу навещающие идут целым потоком: ученики, их родители, друзья, епископ Арсений, архимандрит Вениамин, Г. А. Рачинский и др. Они же усиленно молятся о нём. Старец Анатолий присылает из Оптиной пустыни письмо: «Возлюбленный о Господе раб Божий Сергей! Милосердием Божиим вновь подарена тебе жизнь без обозначения срока ея, дабы всякою минуткою оной искусно пользовался ты для дела созидания своего душевного спасения. Ты сам видишь, что Промысел Божий неустанно печётся о всякой душе, помощи требующей. И как просил ты о ней в минуты страха смерти без покаяния, так же призывай её всегда»^[213].

Выйдя из больницы, в конце Пасхальной недели Дурылин уехал к В. В. Розанову в Сергиев Посад. Впервые увидели они друг друга 20 августа 1917 года в доме о. Павла Флоренского. Поразили глаза Розанова: «прыгуны, бегуны, живчики озорные». А так он — маленький старичок, худенький, живой, с доброй улыбкой. И тут же отметил их различие с Флоренским: лёд и пламень, спокойствие и наскок. До встречи Дурылин и Розанов были в переписке. Прочтя «Уединённое», Дурылин написал Розанову первое письмо: «Во многом, самом важном, с чем ни к кому не обратишься, Вы были врач моей тайной боли, помощник прилежно таимой скорби, — и если в ответ на свою боль встречал я розановскую боль, и в отзыв своему радованию — розановское радование, то было при боли — не больно, при радости — учетверялась радость. <...>»^[214] Обменявшись несколькими письмами, они начинают присылать друг другу свои книги, статьи. Отправляя книжку «Начальник тишины», Сергей Николаевич приписывает: «Она начата была как прямое письмо к Вам из Оптиной пустыни в 1915 г.». В ответ на присланную Розановым первую книгу «Апокалипсис нашего времени» пишет возражения на слова автора, что «много обеден служили, а легче человеку не стало»: «Нет, стало легче. Вот мне стало легче»^[215]. 1 января 1918 года Дурылин и Флоренский были на именинах Розанова. «Кофе в последний раз был чёрен и жирен и в последний раз с сахаром. Впереди были сахарин, голод, лепёшки из жмыха с кострикой, холод, смерть»^[216].

С. Н. Дурылин, кажется, единственный, кто признавал и принимал В. В. Розанова целиком, без всяких оговорок. Он пишет: «Сколько людей

видело около В. В-ча бесёнка в грязи, а я видел где-то недалеко, совсем недалеко от него, Того, Кто прекраснее лилий полевых»^[217]. У Дурылина к Розанову особо тёплые чувства. Он ощущает их глубокое внутреннее родство. Розанова он называет единственным наследником прозы Достоевского. Розанов «по теме своей — писатель мировой». «Для меня в личном общении и в чтении В. В. был в 1000 раз интереснее Л. Толстого», — записал Дурылин, и эта мысль у него не случайна. «Всё любимое в литературе у меня — „плавное“ — на „л“ и на „р“: Лермонтов, Лесков, Леонтьев, Розанов». Тесное общение пришлось на последний год жизни Розанова, когда оба жили в Сергиевом Посаде. «Как о невозможном счастье мечтал я о том, чтоб увидеть Лермонтова и Леонтьева живых. А его увидеть Бог дал»^[218].

Сергей Николаевич часто бывал в семье Розанова, поддерживал его во время болезни. Дурылину на ухо прошептал умирающий Розанов слова своего примирения с церковью: «Христос воскрес!» Дочь Розанова Таня сказала Дурылину: «С вами приносится в наш дом мир и тишина». В «Троицких записках» — дневнике, который Дурылин вёл с декабря 1918-го по август 1919 года в Сергиевом Посаде, он подробно описывает последние дни, часы и похороны Розанова. И ещё многие годы на страницах дневников и записок Дурылина В. В. Розанов будет возникать часто и в разных ассоциациях. «Вот грущу о нём и вспоминаю „по кусочкам“, по маленьким зацепочкам памяти». И более того: «Я многое читаю как бы под его взором, как бы с ним рядом — над одной книгой. <...> Это бессмертие, что ли, — в этой неотлучности его от меня, в этом повсюду „с ним“, за книгой или с пасхальным яйцом»^[219]. Розанов упомянул Дурылина в обоих завещаниях: «Друзьям» и «Литераторам».

СЕРГИЕВ ПОСАД

Около месяца живёт Сергей Николаевич в Оптиной пустыни в июне — июле 1918-го. Так и не получив благословение отца Анатолия на принятие монашества, Дурылин переезжает жить в Сергиев Посад. «Слава Богу, что под кровом пр[еподобного] Сергия живёте спокойно, да поможет Вам Господь»^[220], — пишет старец Анатолий. В Посаде Дурылин готовит себя духовно к отрешению от мира. Старец назначил ему «полумонашеский обиход». Читает молитвы, духовные книги, ходит на службы, причащается. Временами от молитвы, от воспоминаний об отце Анатолии, от пения церковного делается «ясно душе и твёрдо-ясно... и тянет в путь к дому безуходному». Он понимает, что «монастырь — путь, а не остановка, только путь прямой, а не косой, как мир». И если мир должен стать для него чужим, то и в монастыре должно стать чужим всё, что от мира. «Нельзя двоякого вынести: или — или: или Лествица, или около литературы... Сожги одно — или другое, но сожги»^[221].

Но раздвоенность души остаётся. «За обедней временами был счастлив: читал молитву Иисусову, и два было с нею ощущения: то — будто в душе провевает тёплый тихий ветерок, и всё освежает, и молодит, чего касается, то — душа будто чаша, полная какой-то сладостной влаги, которую не можешь и удержать в себе. Но потом вихри суетных мыслей, и нет ветерка, и унесена чаша». Просит у Бога покоя, ждёт от монастыря успокоения, тишины, но не чувствует «подлинного ощущения монашеского». Состояние умиротворённости сменяется унынием. Понимает, что его душе нужно отстояться, «как мутной воде». Чувствует, что он в плену у себя самого. «Плен будет разорван, но не сейчас: сейчас я бессилен не только разорвать его, но даже просить, искать помощи, чтобы разорвать». Дурылина не оставляет «смутная тяга к прошлому», ему хочется писать, и мысли, идеи роятся в голове, и «люди некоторые дороги сами по себе, и „мір“ ещё во многом „дом“, а не „чужбина“»^[222]. Ещё Карамзин утверждал, что «в некоторые моменты духовной истории раздвоение личности необходимо — только оно делает эту личность в какой-то мере адекватной окружающему её миру»^[223].

Сергей Николаевич с юности привык анализировать, что происходит у него в душе. Эта постоянная потребность в самоанализе, исповедальности выразилась в дневнике «Троицкие записки» в большей мере, чем в других

дневниках и книге «В своём углу». В «Троицкие записки» он подробно и откровенно заносит все свои переживания, мысли, влечения, грехи и духовные победы; гораздо реже — внешние события своей жизни. Об условиях своего быта в Сергиевом Посаде Дурылин ничего не пишет, по-видимому, это его, как всегда, мало занимает. Дважды только обронил в дневнике: «растапливая печку, читал Вл. Соловьева», «сажал огурцы на своей грядке». Когда читаешь дневники Сергея Николаевича, его письма, книгу «В своём углу», где очень мало — о быте и очень много — мыслей, размышлений, разговора с самим собой, невольно вспоминаются слова Л. Толстого: «Как можно описывать внешнюю жизнь человека: что он пьёт, ест, ходит гулять, когда в человеке есть самое важное — это его духовная жизнь. Описание внешней жизни так не соответствует тому громадному значению, какое имеет в жизни внутренняя работа»^[224].

При большой, пожалуй, слишком большой требовательности к себе Дурылин, естественно, не доволен собой и своей жизнью. В такие минуты он называет себя «недомерком» — как обувь бывает для ноги не по размеру, не 37-й, не 38-й, а где-то посередине. «„Недомерочных“ размеров жизни, — особенно при „стандартизации“ её, — в продаже нет. А сам я бессилён соткать на себя недомерочную одежду, сшить недомерочные сапоги на свои ноги — и ношу что попало: и всё не по плечу, не по ноге: то велико, то жмёт. <...> Меня любили недомерочные люди, но большие, не мне чета, наделённые силою быть недомерками: Василий Васильевич [Розанов], Перцов, Нестеров. Эти — особенно последний — сами сшили на себя и одежду, и обувь и не пытались найти её в продаже. <...> Мерочные люди, — и большие и малые, и больше меня, и меньше, — мне были близки только до той поры, пока считали меня, а я считал их, что мы — одной мерки; как только оказывалось, что я — недомерок, наша близость исчезала»^[225]. И от этого накатывает на него «холодное, серое одиночество мысли».

То, что Дурылин не вписывался в «размер» своей эпохи, был сам по себе, возможно, явился причиной того, что в ряду очень известных, много цитируемых современников (хотя персоналии в разные времена менялись) он оказался на периферии, и многие годы исследователи только упоминали его в своих работах, не занимаясь глубоко его творчеством. Сейчас ситуация меняется. И «недомерок» оказывается крупным представителем своей эпохи, знаковой личностью.

В Посаде Дурылина часто навещают ученики: Серёжа Фудель, Коля

Чернышёв (Серёжа Сидоров в Киеве в Духовной академии), друзья — Воля Разевиг, М. А. Новосёлов, родные — брат Георгий, тётушка Мария Васильевна Кутанова, знакомые... К брату Георгию — жалостливая любовь, так как он «сжался, утих, осиротел со смертью мамы», и раскаяние, что не уделял ему достаточного внимания и поддержки в нужный момент не дал. Серёжа Фудель привозит письма Леонтьева к отцу Иосифу Фуделю и бумаги из Орла от Марии Владимировны Леонтьевой — племянницы К. Леонтьева. С Серёжей они ходят на службу, подолгу беседуют на «темы политико-апокалиптические». Дурылин чувствует в его мировоззрении близость к Леонтьеву. Они очень близко передумали и перечувствовали многое и сошлись на том, что «*всё крупное и подлинное — в эстетике ли, в жизни ли, мысли, творчестве должно уйти в церковь: ибо больше в мире н-е-т места, не загаженного мещанством и благополучием трамвайно-кооперативного процесса*»^[226]. Приездам Коли Чернышёва Дурылин бесконечно рад: «...точно праздник пришёл ко мне... Люблю его — это, кажется, одно, что привлекает к жизни житейски, жизненно»^[227]. О Коле находим запись 1920 года: «А из живущих на земле Коля для меня всего дороже и ближе. <...> Близость эта не мысли, не дел, не чувств общих — а какого-то общего существа (при всём эмпирическом отличии наших характеров и складов)»^[228].

Коля уже сложившийся художник. Но для заработка устроился чистить напильники по шесть часов в день за 20 рублей в сутки. Он тоже собирается проситься у о. Анатолия в монастырь. Года два-три назад он был в смуте, а теперь Дурылина радуют его твёрдость, кротость, тяга к молитве. «Если б было иначе, если б он стал другой с его умом, волей, талантом — какой бы ужас был это для меня: ведь я и дал сам ему одной рукой Блока, Бодлера, Ривейра, — а другой вёл его в Оптину». Но теперь Коля в храме. «И одной тяжестью меньше на моей душе»^[229]. Не успеет Коля уехать в Москву, как они уже пишут друг другу письма. Дурылин наставляет молодого друга: «Основна основ жизни есть Богообщение — это то, что <...> ответил почти перед смертью Вл. Соловьёв на вопрос Новосёлова: „что всего важнее на свете?“ — „Как можно *чаще* быть с Богом. Если возможно, всегда быть с Ним“. <...> Первый же, важнейший, величайший, могущественнейший путь и вид Богообщения — есть *молитва*»^[230].

В Сергиевом Посаде Сергей Николаевич сблизился с Юрием Александровичем и Софьей Владимировной Олсуфьевыми (он живёт в мансарде их дома, а их сын Миша — его ученик), с Сергеем Павловичем и

Марией Фёдоровной Мансуровыми. Все они тоже духовные дети оптинского старца Анатолия (Потапова). С отцом Павлом Флоренским видится каждый день. Пока им всем неизвестно, что впереди тяжёлые испытания и трагический конец. С Софьей Владимировной Олсуфьевой Сергей Николаевич ходит на службы, исповедь и причастие в Черниговский скит к их духовнику о. Порфирию. Часто они оба в доме у Розановых. Присутствуют при его кончине, организуют похороны. Все эти люди мужественно переносят лишения, житейские трудности: голод, холод, отсутствие сносной одежды, — нужду во всём. Духовная жизнь у них была насыщенная, духовная свобода для них важнее всего.

Об этих замечательных людях, с которыми Дурылина связывали дружеские отношения, надо сказать немножко подробнее.

Граф Ю. А. Олсуфьев (1878–1938) — искусствовед, реставратор, выдающийся исследователь древнерусского искусства, автор ряда работ. Один из создателей Сергиево-Посадского историко-художественного музея, активный сотрудник Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. По благословению старца Анатолия бросил своё имение и в марте 1917 года купил дом в Посаде на Валовой улице, приехав «под покров Преподобного». В 1938-м был арестован и расстрелян. Его жена С. В. Олсуфьева (урождённая Глебова, 1884–1943) — фрейлина императрицы Александры Фёдоровны. Её портрет кисти В. Серова находится в Музее изобразительных искусств в Москве. Арестована в 1941 году, умерла в Свияжском лагере. Их друзья и родственники Мансуровы переехали в Посад летом 1917-го и поселились в доме Олсуфьевых на первом этаже. Сергей Павлович (1890–1929), сын дипломата, церковного деятеля П. Б. Мансурова, историк Церкви, работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Дважды был арестован. В 1926 году принял сан священника. Умер в Верее от туберкулёза^[231]. Его книга «Очерки по истории Церкви» была издана в 1994 году. М. Ф. Мансурова (1893–1976; урождённая Самарина, двоюродная сестра С. В. Олсуфьевой) после ссылки в Среднюю Азию жила в Верее, пережила немецкую оккупацию, нищету, лишения. На допросе она сказала: «...мои политические взгляды вытекают из моих религиозных убеждений, противоположных установкам советской власти <...> идеалом считала бы христианский строй, основанный на христианских началах»^[232]. Какое мужество у этих людей и твёрдость убеждений!

Дурылин в Посаде с удовольствием занимается с детьми, украшает

ёлку у Олсуфьевых, рисует для неё картинки-игрушки, участвует в празднике в честь именин Кирилла — сына Павла Флоренского, ставит с детьми спектакли... Прекрасно разбираясь в детской психологии и уважая личность ребёнка, Сергей Николаевич легко сходилась с детьми любого возраста. Он писал для детей сказки, стихи, рассказы, сам их иллюстрировал. Часть из них он публиковал под разными псевдонимами в детских журналах «Проталинка», «Маяк». Специалисты считают, что благодаря его заинтересованному сотрудничеству журнал «Маяк» вошёл в историю как образцовое детское издание своего времени. На Рождество 1922 года Дурылин написал и нарисовал от руки книжку в подарок детям священника храма Святителя Николая в Клённиках Сергия Мечёва: «Икина книжка, Зоина и Алёшина». Дети любили и бережно хранили эту книжку, и в 2008 году её издали стараниями этого храма.

20 марта 1919 года Дурылина избрали членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. И в тот же день он попросил Ю. А. Олсуфьева передать его отказ: «сердце не лежит». Но взялся переписывать для Комиссии, готовить к печати опись лавры 1642 года^[233]. Читает и восторгается: «Какая нежность русского делового языка XVII ст. <...> Эти дьяки были поэты „в приказах поседелье“»^[234].

Комиссия была создана осенью 1918-го. В ней работали многие представители известных семей России, съехавшиеся в трудные времена под покров Преподобного Сергия. Члены Комиссии описывали и систематизировали предметы XV–XVI веков, расчищали иконы, разбирали старинные книги. Учёным секретарём Комиссии и хранителем ризницы был о. Павел Флоренский.

По поручению Комиссии Дурылин выполняет отдельные работы: участвует в составлении описи Троицкого и Успенского соборов, церкви преподобного Никона, ездит в командировки в Абрамцево осматривать дом. Абрамцево вошло в перечень окрестных с Посадом городов, усадеб, имений, в которых следовало взять на учёт и описать историко-художественные памятники с целью их сохранения^[235]. Дурылин вспоминал, что при создании музея они с В. Я. Адарюковым «устроивали Гоголевско-Аксаковскую комнату»^[236].

С Флоренским Дурылин познакомился в 1913 году в доме С. Н. Булгакова, где читал «Сказание о невидимом Граде-Китеже». Потом они часто встречались на заседаниях РФО и в других собраниях. Заочно были знакомы раньше. Ещё в 1912-м, когда Святейший синод утвердил

священника П. Флоренского в должности редактора издававшегося при Московской Духовной академии журнала «Богословский вестник», Флоренский в числе предполагаемых авторов назвал С. Н. Дурылина^[237]. В переписке они были с января 1914 года. В этом году Дурылин восхищён книгой Флоренского «Столп и утверждение истины». Он пишет В. В. Разевигу: «Флоренского книга чудесна и творит чудеса. <...> Трубецкой от неё в восторге и на днях будет читать о ней доклад в РФО, с прениями, к[отор]ые будут стенографировать. Прения будут очень интересны. Непременно приезжай. <...> Если ему дадут степень за неё, можно будет воскликнуть: „жива ещё душа богословской науки“»^[238]. В 1916 году Дурылин сетует, что из-за его отъезда в Крым прерваны беседы с Флоренским.

В июле 1918 года Дурылин получил согласие издателя Г. А. Лемана на выпуск совместного их с Флоренским «Московского сборника», в котором предполагалось издавать материалы по истории русской веры, мысли и культуры. Сохранился составленный Дурылиным план девяти выпусков, где намеченные к публикации письма и другие материалы Гоголя, братьев Киреевских, епископа Антония (Флоренсова), В. А. Кожевникова, Леонтьева, Достоевского, архимандрита Феодора (Бухарева) сопровождаются статьями и комментариями составителей — Дурылина и Флоренского. Осенью того же года он привёз Флоренскому все свои материалы для сборника, но издание не состоялось^[239].

Но в 1919 году в Сергиевом Посаде, напряжённо готовя себя к монашеству, Дурылин пересматривает своё прежнее отношение к Флоренскому: «Мне казалось, что он был по-великому полезен для меня: сращивал кусочки культуры мира и всего, чем я дорожил в 13–14 году (поэзия, София, греки), во что-то церковное; и кусочки оставались, и я оказывался в церкви. И всё это неправда была! Церковь разрезает человека надвое, меч проходит в душу, — и мне не нужны сейчас сросшиеся кусочки, я откажусь, отрежусь от любого из них...»^[240] Опасается влияния Флоренского на душу Миши Олсуфьева, своего ученика. Бедный Миша теперь бредит гекатомбами^[241], экстазами, священными жертвами.

В этом году он находил Флоренского холодным, кропящим всё вокруг себя мёртвою водой, особенно в сравнении с тёплым, живым Розановым. «Холодом веет даже от его благословляющей руки. Его сочинения — ледяной дом. <...> Оптина и он несоединимы»^[242]. Дурылин так определяет их расхождение на тот момент: «Вечное вопрошание идёт от Вас. „Почему Ты создал мир и как Ты его создал?“ — вот Ваш пафос к Богу

(м[ожет] б[ыть], я жестоко ошибаюсь, но так я его воспринимаю, а ведь в этом — дело всё). А у меня в душе всё время обратное: „Ты создал всё прекрасно, но как мне жить в Твоём мире и как быть пред Тобою?“». Но в конце письма (фактически это письмо-исповедь) просит прощения и уверяет: «Вы навсегда мне дороги, навсегда я Вам благодарен, что Бог свёл меня с Вами, навсегда я люблю и молюсь за Вас»^[243].

Признавая глубочайшую эрудицию Флоренского, его ум, талант, испытывая неизменное уважение и притяжение к нему, Дурылин в 1919 году недоумевал, как может о. Павел одновременно разделять — как священник — отношение церкви к мифам Древней Греции и заниматься их изучением как учёный, мыслитель, восторгаться как человек. Как возможно о. Павлу совмещать со священническим служением изучение всяческих наук: математики, языкознания, теософии, генеалогии, каббалы, символики цветов и т. п. «Нет, что-нибудь одно», — определяет Дурылин для себя в этом году. Постепенно к большевскому периоду он сам придёт к пониманию возможности совмещать служение Богу и занятия наукой, искусством. Сергей Николаевич и сам теперь не убирает с полки Макария Великого, но умекает в сердце своём и Евангелие, и Пушкина, различая подлинно великое и в одном, и в другом.

Отношения с Флоренским Дурылин определил в 1919 году словами «была без радости любовь». Но любовь была. Временами о. Павел ему мил и дорог. Увидел его идущего по улице с сумкой, подслеповатого, и вспомнил, как тот подливает в кофе овсяный отвар по его совету, и хорошее чувство к нему заполнило душу. Осудив о. Павла за его холодность, за то, что назвал «минералом» лежащего в гробу Розанова, Дурылин пишет ему покаянное письмо.

Сергей Николаевич был очень честен и откровенен по отношению к людям. Всегда был рад поводу изменить к лучшему мнение о человеке и не стеснялся признаться ему в своих заблуждениях. Так было с Вячеславом Ивановым. Прочитав статью Иванова «Лик и личины России», Дурылин пишет ему, что увидел в ней то отношение к Церкви, которого ранее не находил, и потому «не мог подойти» к нему, а теперь признаётся в своей «слепоте». Вяч. Иванов в ответном письме выражает душевную радость, что недоразумение прояснилось, благодарит за искренность, которая его глубоко трогает. На душе стало легче, так как он чувствовал в отношении к нему Дурылина какое-то неодобрение или недоверие из-за его религиозных воззрений. Письмо он подписывает: «С любовью и сердечным доверием Вяч. Ив[анов]»^[244].

В декабре 1918 года в иконостас вставили Святую Троицу Рублёва после реставрации и без годуновского оклада. Икона поразила Дурылина яркостью и силой красок. «Среди других икон и ликов эта: виденье, горнее явление, Богоявление. Она в храме — как будто ангел в толпе». Мыслям об этой иконе, молитве перед ней, об Андрее Рублёве Дурылин отводит несколько страниц в дневнике «Троицкие записки».

Из этого дневника узнаём: как ни старается Сергей Николаевич ограничить себя духовным деланием, сосредоточиться на молитве — не получается. Он сжигает свои дневники 1915–1916 годов, записи, сделанные в Николаевке (имении В. Н. Кавкасидзе, тётки Сидоровых, где часто гостил в 1911–1913 годах) и в Крыму (где жил с Колей Чернышёвым, который лечился от туберкулёза), и тетрадь своих стихов. И «точно гору скинул с плеч». Но в то же время он пишет рассказ «Осинки». «Не могу не писать», — признаётся себе. Хочет писать роман. Продолжает работать над триптихом «Три беса» — на что получает отзыв Коли Чернышёва: «Вредный рассказ» и от Серёжи Фуделя: «Дальше не продолжайте»; делает выписки для задуманной книги «Как умирают». Получив благословение духовника о. Порфирия, переписывает письма Леонтьева о. Иосифу Фуделю и радуется сходным мыслям, движениям души. В дневнике записывает: «Как велик труд христианина в мире. Оттого и люблю Леонтьева, что он весь в этом. В этом тайна — отчего его принял в себя монастырь, а <...> ни Хомякова, ни Достоевского, ни Соловьёва не принял»^[245].

Много времени проводит Сергей Николаевич с учеником — Мишей Олсуфьевым, привлекая его к своей работе над рукописями, читает ему свои воспоминания о В. А. Кожевникове, ездит с ним в монастырь в Хотьково, вместе они стоят на службе в келье преподобного, ведёт неторопливые беседы, сидя у камина.

Трудно пишутся воспоминания об о. Иосифе Фуделе. Как рассказать о его «мыслительном одиночестве», о его знании, что «мир преходит», что неверующие в Бога строят свой мир на песке, а также и о «воздействиях духовных» отца Иосифа на ум, чувство, волю Дурылина. Но написал и прочитал их М. А. Новосёлову, Г. А. Рачинскому и др. Начал записки о своём детстве.

Очень мешают сосредоточиться, собрать себя «по разорванным жизнью и грехом кусочкам» поездки в Москву, в Абрамцево. «По приезде из Москвы никак не войдёшь в себя. Бесконечно тянется что-то московское: Москву привозишь с собой сюда». Вот его запись в Троицком

дневнике только одной поездки в Москву в июне 1919-го: «...был у тётки, оттуда на минуту к Коле, Шуре [Чернышёвым], ночевал у Над[ежды] Ивановны] [Успенской]. Обедня. У Воли [Разевига]. <...> Оттуда к Боголюбской на молебен. Там Коля — с ним и Серёжа [Фудель]. Встреча с Л[еманом]. Читал мальчикам „Дедова беса“. <...> Ночевал с Колей у С. Утром к Шатр. Днём у брата. Утром сюда»^[246]. И в Сергиев Посад к нему постоянно кто-то приезжает. В апреле 1919 года Сергей Николаевич и Сергей Павлович Мансуров ездят в Москву хлопотать «по Козельскому делу» — о сохранении Оптиной пустыни.

Тянет в Оптину. В письмах отцу Анатолию испрашивает благословение на каждое дело, а в первую очередь на монастырь. Старец Анатолий о монастыре отвечает уклончиво, понимая, что Дурылин не готов к монастырской жизни, да и ситуация в стране непредсказуема. Советует положиться на Промысл Божий, а там «определится, к чему у тебя призвание, к учёности или внутреннему деланию»^[247]. В Оптину ехать не советует, так как судьба обители не ясна. От тоски и уныния рекомендует читать письма старца Макария, где описана борьба «с сею лютою страстью». К середине 1919 года Дурылин, похоже, уже и сам понимает, что Оптину ему Бог не даст.

Первого апреля 1919-го большевики вскрыли мощи преподобного Сергия Радонежского и держали их некоторое время под стеклом обнажёнными. Дурылин в дневнике описывает общее потрясение, молебны и плач толпы на площади перед лаврой. «В душе — сознание собственной вины, греха, гадости, смуты». И крик души: «Прости нас, прости, Преподобный!» К мощам идёт непрерывный поток прикладывающихся. Очередь от Святых ворот. Большинство со свечами. Дурылин шёл в очереди и молился, а войдя в храм, ясно ощутил сильнейшее благоухание. «Это не был запах ладана. Службы не было. Это особое. Его слышала и Таня [Розанова] и сказала мне». «Нет, ничего в жизни не видал я тяжелее, — ни в чём никогда не видел я большего обнаружения, противоположения, противустояния Божия — и сатанина, Добра попираемого и Зла попирающего!»^[248]

И опять мысли о разделении страны на Русь и Россию. Только теперь не такие оптимистичные. «Русь, которую я любил, умерла». «Будут до конца два стана русских, а то, что между ними, промежуточное, будет всё уменьшаться: вливаясь огромной волной — в „окаянную“ и просачиваясь маленьким ручейком — в „Святую“. Это и будет всё содержание

дальнейшей русской истории в её сокровенном и в её явном»^[249]. И грустит оттого, что уходит старая Россия. Уже нет В. А. Кожевникова († 1917), Ф. Д. Самарина († 1916), о. Иосифа Фуделя († 1918), Пети Картушина († 1916), Д. А. Хомякова († 1919). И никто не может их заменить. Уходят милые сердцу люди: Георгий Мокринский († 1919), В. В. Розанов († 1919), любимая единокровная сестра Катя^[250] и тётушка Мария Васильевна, за четыре дня до смерти навещавшая его в Посаде.

Бывая в Москве, старается зайти в Данилов монастырь. Там похоронен Георгий Хрисанфович Мокринский, его «опора, учитель, хранитель». Мучает чувство вины, что всё брал от Георгия и ничего не давал взамен для его души. Там владыка Феодор (Поздеевский)^[251], под покровительство которого направляет старец Анатолий. В монастыре можно и пообедать, и переночевать (свою комнату в Москве Сергей Николаевич оставил брату Георгию). С епископом Феодором тесно общается М. А. Новосёлов. Он и живёт сейчас в Даниловом монастыре. По некоторым сведениям, Новосёлов в 1921 году тайно пострижен в монахи с именем Марк, а в 1923-м хиротонисан во епископа катакомбной церкви. С этого времени начинается его тайная «катакомбная» деятельность. Вскоре он переходит на нелегальное положение и скрывается у своих многочисленных друзей. При этом он, не имея советских документов, разъезжает по стране, основывая тайные общины, участвуя в сокрытии от богоборцев христианских святынь, утверждая бескомпромиссное следование Православию. С 1922 по 1927 год Новосёлов написал 20 «Писем к друзьям», которые теперь опубликованы^[252]. В 1928-м его арестовали, в январе 1938-го приговорили к расстрелу. Ныне он причислен к лику святых.

У АЛЕКСИЯ МЕЧЁВА

Восьмого марта 1920-го епископ Феодор (Поздеевский) в Троицком храме Данилова монастыря рукоположил Дурылина в сан диакона, а 15 марта в храме Святителя Николая в Клённых — в сан иерея с обетом безбрачия (целибат). В копиях, сделанных Дурылиным, сохранились документы о его рукоположении: его прошение с резолюцией патриарха Тихона и отзывом протоиерея Алексия Мечёва, присяга Дурылина и допрос его членами Епархиального совета В. Виноградовым и Н. Вышеславцевым^[253].

Поворот в судьбе С. Н. Дурылина произошёл под влиянием московского старца отца Алексия Мечёва, настоятеля церкви Святителя Николая в Клённых на Маросейке. Вот как Дурылин описывает этот решающий момент в его жизни: «В памятный для меня час, когда о. Алексей на исповеди, в кабинете, решил, что мне должно быть священником, я принял его волю с радостью и покорностью. На столе стоял портрет о. Анатолия. Батюшка прочёл мою мысль, мгновенно возникшую во мне при взгляде на портрет: „Как же я без ведома моего старца, о. Анатолия, принимаю такое важное решение?“ — и ответил моим мыслям, а не словам: „Напишем о[тцу] Анатолию. Он благословит“, — и действительно, через две недели, несмотря на всю неверность и почти невозможность тогда письменных сношений, я уже получил ответ о. Анатолия — тот самый, о котором мне сказал о. Алексей»^[254]. «Возлюбленный о Христе раб Божий Сергей! — пишет о. Анатолий. — Сам Господь управит жизнь твою во благое и ныне и в будущем твоём, которое несомненно вырастет из настоящего твоего призвания. Теперь уже излишни ответы на вопросы о Даниловом монастыре (или Зосимовой пустыни). <...> Промысел Божий в лице о. Алексея влечёт тебя, несмотря на молодость твою, на дело трудное безбрачного священства, то да поможет тебе Владычица Небесная вступить в ряды знаменательные в наше время лиц не духовного, учёного сословия, взявших на себя подвиг священства. Да подаст тебе Царь небесный и силы, и разумение, и бодрость духа. <...> Теперь как Патриарх если одобрит. Благословит. И аз от всей души желаю»^[255]. Радует о. Анатолий, что в лице о. Алексия Дурылин «нашёл себе опору явную».

Так, по благословению старцев Алексия и Анатолия Дурылин не пошёл в монастырь, а стал священником, тем самым направив свою жизнь

совсем по другому руслу.

Одна из духовных дочерей о. Сергия Дурылина — Евгения Александровна Галицкая — вспоминала слова о. Алексия Мечёва о нём: «Вот как-то раз, уехавши от меня, Сергей Николаевич пишет: „Меня зовут в Оптину, в Абрамцево. Думаю туда и сюда съездить“. А я отвечаю: „Никуда тебе не надо. Приезжай на Маросейку“. Приехал и был доволен. Его никто не знает, как я»^[256].

В те годы, когда рушились не только государственные, гражданские устои, но и в Церкви начался раскол, одни люди бросились в атеизм, другие, наоборот, искали спасения в вере, в Церкви. Монашество в том виде, каким оно было до революции, не могло оставаться. Да и монастыри закрывались. В 1920-е годы протоиерей Валентин Свенцицкий в своих беседах о духовной жизни предупреждал о необходимости душу свою вести к внутреннему монастырю, читал проповеди о монашестве в миру. «С одной стороны, уничтожение прежних монастырей, с другой стороны, всеобщее безбожие и отпадение от веры — эти два условия неизбежно приводят верующих людей к новому внутреннему монастырю»^[257]. Об этом же говорил протоиерей Валентин Амфитеатров. Батюшка Алексей Мечёв разделял их мысль, что можно и в миру жить монахом по духу, не выполняя внешне правила монастырской жизни, невысказанные вне стен монастыря. Он считал, что не следует бежать от жизни, от людей, христианин должен быть солью общества, на каком бы посту он ни находился. «Твоё монашество, — говорил он своим духовным детям, — любить тех, с кем в жизни Господь тебя поставил»^[258]. Возможно, это же он сказал и Дурылину.

Связь старцев Анатолия и Алексия была глубока, несмотря на то, что виделись они всего один раз в жизни. Они были «одного духа», духа любви всепрощающей и всеисцеляющей. Объединяло их «благодатное единство старчества». Своих духовных детей они передавали друг другу.

На столе о. Алексия Мечёва стояла карточка настоятеля оптинского скита отца игумена Феодосия (Поморцева, 1854–1920), которого Батюшка очень почитал, и взаимно. Однажды о. Феодосий, приехав в Москву, посетил храм о. Алексия во время службы. Он видел, как «идут вереницы исповедников, как истово и долго проходит служба, как подробно совершается поминовение, какие толпы народа ожидают приёма, как долго длится этот приём. Видел и сказал о. Алексею: „Да, на всё это дело, которое вы делаете один, у нас в Оптиной несколько человек понадобилось бы. одному это сверх сил. Господь вам помогает“»^[259].

«Я помолюсь, а ты забудь», — говорил в ответ на просьбу о помощи отец Алексей. И его молитва помогала в горе, беде, в отчаянии, сомнениях — во всём. Он свято верил в силу молитвы, в её всемогущество. И если кто-то изумлялся действенной помощи его молитвы, он отвечал: «А просто Бог дал мне детскую веру».

Дурылин увидел в отце Алексии Мечёве непостижимо светлого подвижника, совершающего духовный подвиг не в тишине монастыря, а в миру, в суете большого города, в заботах о каждом прихожанине и о своей семье тоже, в комнате с вечными посетителями и телефонными звонками, в отсутствии не то что трапезы, а просто еды неспешной. Всё наскоро. И при этой суете «молитва возносилась к Богу, и любовь одухотворяла каждое движение руки и слово языка, и радость сияла на лице, и любовь, и мир, и радость о Дусе Святе. Любовь текла в души и скорбных и падших, обновляя и воскрешая их...»^[260].

Обретя такого наставника, отца, Батюшку, как любовно называет его в письмах и мемуарах Дурылин, конечно, он старался ему соответствовать. У Батюшки учился он перегружать чужую ношу горя и беды на свои плечи. Помнил его слова: «Сердце пастыря должно расшириться настолько, чтобы оно могло вместить в себя всех, нуждающихся в нём»^[261]. В крошечной холодной шестиметровой камерке о. Сергия Дурылина при храме стуки в дверь не замолкали до глубокой ночи, люди шли за советом, за духовной поддержкой. В Народной Духовной Академии, открытой осенью 1921 года, он читал курс аскетики для всех желающих. Раз в неделю, в очередь с другими священниками, после вечернего богослужения проводил беседы с прихожанами — рассказывал об оптинских старцах, об Оптиной пустыни. Батюшка на таких беседах читал жития святых, о. Сергей Мечёв строил свои беседы на трудах Святых Отцов Церкви. В Клённиках о. Алексей Мечёв организовал приют и школу для сирот и детей несостоятельных родителей. Дурылин очень успешно вёл занятия с детьми.

Священники у о. Алексия Мечёва служили по два-три раза в неделю. Прихожане отмечали, что у Батюшки молитва страстная и сильная, а у о. Сергия Дурылина — тихая и покорная.

Призывал о. Алексей и к простоте во всём, прежде всего в мыслях, в словах. И как всегда, не назиданием, а мягко, с юмором. «Бывало, заумствуешься при нём, — вспоминал Дурылин, — вознесёшься, пустишься в величайшую отвлечённость, а он скажет, смеясь: „А я не грамотный, не понимаю“, — и этим вернёт к <...> истинному, насущному»^[262].

Единственным человеком в Москве, с которым можно было говорить обо всём, зная, что он поймёт, Дурылин считал о. Алексия Мечёва. К нему шли учёные и простецы, художники и общественные деятели, священнослужители и дети, и он понимал всех, кто нёс ему своё горе, каждому давал утешение. Как свидетельствуют духовные дети о. Алексия Мечёва, каждый из них мог считать себя исключительно им любимым и ему нужным. Ради одной прихожанки мог назначить служить вторую обедню.

Дурылин как-то позвал на литургию к о. Алексею художника М. В. Нестерова, тогда ещё незнакомого с Батюшкой. Тот отстоял службу,пил чай с о. Алексием, а на вопрос Дурылина: «Ну что, как?» — ответил: «Да чего уж, чудесный, из-под рясы отовсюду мальчишки выскакивают, настоящий он, подлинный»^[263].

Благословляя о. Сергия Дурылина на литературную работу и возлагая надежды на его труды, Батюшка повторил ему: «Ум — это только рабочая сила у сердца»^[264].

Постепенно образовывался круг духовных детей о. Сергия Дурылина. Батюшка учил, что надо стремиться не к широте этого круга, а к глубине духовного воспитания, к воздействию на каждого любовью.

К отцу Сергию Дурылину на Маросейку в 1920 году пришёл за духовной помощью художник Роберт Рафаилович Фальк. Завязавшиеся отношения сохранились на всю жизнь. «Я его очень люблю, — записал Дурылин. — Много вместе пережито, и встреча наша была около страдания. Тут всегда крепко»^[265]. В 1921-м Р. Фальк начал писать портрет Дурылина, но неудачно. Дурылин сказал ему: «Роберт Рафаилович, вы пишете не портрет, вы пишете nature morte с человека. Он посмотрел на меня и сказал: — Вы правы, это мучит меня»^[266].

В марте 1922 года священник Сергей Дурылин причащал Георгия Ивановича Чулкова — поэта, прозаика и, как его называют, «организатора литературной жизни». Они раньше были знакомы «шапошно». А тут «встреча у Чаши Христовой» положила начало близким, душевным отношениям^[267].

В первый год своего служения отец Сергей Дурылин познакомился с Евгенией Александровной Нерсесовой и её семьёй. Эти люди стали ему близкими и родными, не раз он находил у них поддержку и помощь в трудные моменты своей жизни. Александр Нерсесович — юрист-международник, после 1917 года работал директором фундаментальной библиотеки МГУ. Евгения Александровна (урожденная Бари) окончила

философский факультет Высших женских курсов; в 1912-м перешла из лютеранства в православие и была прихожанкой храма Николы в Клённиках. Она посещала лекции и беседы о. Сергия Дурылина, а своих дочерей — Екатерину (Рину), Магдалину (Марию) и Зину (Зику) приводила на его воскресные занятия с детьми. С ними приходили и дети их родственников Воскресенских. Вскоре Евгения Александровна организовала группу домашнего обучения для своих и нескольких приходящих детей, так как в школе почти ничему нельзя было научиться, да и антирелигиозные настроения в ней процветали. А семья была глубоко религиозная. Преподавать литературу пригласили о. Сергия Дурылина. Он, как и прежних своих учеников, покорила учениц умением развивать творческое отношение к изучаемому предмету и анализировать его на фоне исторического контекста. В этой группе занималась и внучка о. Алексея Мечёва Ирина. Евгения Александровна оставила в зелёном альбоме Дурылина такую запись: «...И с 1-го же дня, как мы узнали Вас (воскресенье: Жён Мироносиц, 1920 г), я стала горячо благодарить Бога: Вы были той помощью Божией, о которой я молилась...»^[268]

От большой загруженности, плохого и скудного питания, недосыпания у о. Сергия Дурылина начались обмороки. Это заметила Ирина Комиссарова^[269] (1899–1976) — одна из сестёр общины, которую в 1919 году организовал при храме, по благословению патриарха Тихона, протоиерей Алексей Мечёв. Целью общины было помогать бедствующим и больным людям в приходе. В голодные годы поддерживали около тридцати семей. Сестра Ирина вместе с другими ходила по домам, обмывала и обстригала тифозных, по субботам разносила продуктовые пайки, приобретённые на средства церкви: пшено, чечевицу, муку, картофель — что удавалось достать. Никого не пугали ни тяжёлая работа, ни возможность заразиться. Достаточно было слова Батюшки: «Надо им помочь, и они поправятся»^[270], — и шли без страха и сомнения. Медицинскую помощь оказывали врачи и медсёстры из духовных детей Батюшки, в их числе два замечательных безотказных доктора, великолепные диагносты: Николай Николаевич Мамонов и Сергей Алексеевич Никитин^[271]. С обоими молодой священник Дурылин был дружен. К несчастью всех бедных пациентов, которых доктор Мамонов лечил бесплатно, он умер в 1920 году от тифа. С доктором Никитиным самые тёплые отношения сохранялись до конца жизни. Об этом свидетельствуют письма С. А. Никитина Дурылину и воспоминания Ирины Алексеевны.

Мечёвскую общину отец Павел Флоренский называл «дочерью Оптиной пустыни»: «Тут жизнь строилась на духовном опыте. О. Алексей учил своей жизнью, и всё вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей Общины. Поэтому, хотя Община не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшерицы и сёстры милосердия — духовные дети о. Алексея — обслуживали больных, обращавшихся к о. Алексею за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей о. Алексея, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при Общине своего организованного приюта, но нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили члены Маросейской Общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своею работою помогали о. Алексею в деле „разгрузки“ страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединёнными единым духом»^[272].

Работала Ирина в Москвитопе^[273]. В их столовой часто оставалась ржаная каша (распаренная рожь), и Ирина приносила ведро, а то и два этой каши домой подкормить знакомую молодёжь. Стала подкармливать и о. Сергия Дурылина. С этого и началось их знакомство. По-человечески она жалела его: крайне беспомощный в бытовом отношении, он страдал и от голода, и от холода (мамин плед, служивший одеялом, и тот украли).

Она ходила на его беседы. Ей нравилось, как просто, понятно он говорит обо всём. Наделённая природным глубоким умом и любознательностью, она, проучившись лишь два с половиной года в сельской школе, жадно тянулась к знаниям и сразу поняла, какую помощь в этом ей может оказать о. Сергей Дурылин.

Поделилась с ним и своей заботой о младшей тринадцатилетней сестре Шуре, жившей в деревне с бабушкой и средней сестрой Полей. По просьбе Дурылина Шуру взяли в семью Нерсесовых, и она некоторое время воспитывалась наравне с их дочерьми. Шуре было 11 месяцев, когда умерла мама. Старшую — Ирину отец забрал в Москву, где работал истопником в богатом доме. С тринадцати лет она начала сама зарабатывать — служила поначалу девочкой на побегушках. Весёлая, задорная, никогда не унывающая, изобретательная на незлые шалости, затеи, она умела поднять настроение грустящим, вдохнуть бодрость и уверенность в своих силах в тех, кто упал духом. Природный ум и народная сметливость помогали ей быстро находить выход из сложных ситуаций.

Любая работа у неё кипела в руках, спорилась. Все эти качества оценил в ней о. Сергей Дурылин и начал руководить её образованием. А её внимание и заботы были ему житейски необходимы.

Однажды состоялся разговор, навсегда определивший их отношения. Дурылин спросил: «Хочешь ли ты быть богатой?» Она ответила: «Нет, вон висит платице на колышке, другое — на мне, и довольно». — «Почему?» — «Богатство не даёт свободы, вещи связывают человека. А я бы хотела остаться свободной». — «Зачем?» — «Чтобы в любой момент быть там, где я нужна людям. Хочу помогать другим, кому трудно живётся». Он благодарно сжал её руку: «Я так же думаю с детства». Задав себе вопрос: «Что меня роднило с Сергеем Николаевичем?» — Ирина Алексеевна отвечает: «Внутреннее желание быть свободной, думать свободно, ни с чем себя не связывать». В своих разрозненных по листочкам воспоминаниях Ирина Алексеевна записала и следующий разговор, объясняющий, что ещё оценил Сергей Николаевич в её отношении к нему. Он сказал: «Когда мама скончалась, точно часть, нет, не часть, а всё сердце вынули у меня, так мне было тяжело. Начала моя душа метаться и искать утешения в жизни. Вот я и протягиваю тебе руку теперь, как к матери». Ирина Алексеевна возразила: «Плохую вы мать избрали, я ведь ещё очень молоденькая, какая я буду мать вам». Он объяснил: «Душа у тебя материнская, а я её ищу»^[274].

Наступил 1922 год. Голод в Поволжье. Началось изъятие церковных ценностей. С весны 1921-го о. Сергия Дурылина перевели настоятелем в Боголюбскую часовню у Варварских ворот. Но в «свои» дни он продолжал служить в церкви Святителя Николая в Клённых. Часовня в честь иконы Божией Матери Боголюбской была устроена в Варварской башне Китайгородской стены в 1880 году (ликвидирована в 1923 году, разрушена в 1928-м). Сослужил Дурылину о. Пётр Давыденко. Оба они и жили в одном из внутренних помещений часовни. В дневнике Дурылина марта-апреля 1922 года краткая апрельская запись: «Пон[едельник]. Произошло у нас „изъятие ценностей“. С 1 до 7 дня. 7 человек. Все без приключений. Все — русские, рабочие, атеисты. Мне: „Вы давно священник?“ — „2 года“. — „А раньше?“ — „Преподаватель“. — „Как же вы это [в] такое неудачное для вас время?“ — „В него-то и хотел“. — „Значит, наступление на нас?“ — Вас[илий]. Иванович]: „Нет, не на вас, наступление на дiавола“»^[275].

Свидетельство самого Дурылина, подтверждённое его письмом Ирине Комиссаровой о том, что он никакие шаги не предпринимает без

благословения Батюшки, опровергает бытующее мнение, что он перешёл в Боголюбскую часовню без благословения о. Алексия Мечёва. «...Пойми ты меня, дорогая дочь моя духовная: я горячо Батюшку люблю и уважаю его. <...> По его благословению я не пошёл в монахи и принял священство — значит, переменил всю свою жизнь. Все важные шаги моей жизни я не совершал без него. <...> Одного его слова мне достаточно, чтобы поступить, как он велит»^[276].

На Пасху 1922-го в последний раз служил о. Сергей Дурылин вместе с о. Алексием Мечёвым, о. Сергием Мечёвым, о. Лазарем и о. Петром.

Судьба уготовила Дурылину тяжёлые испытания на целых 11 лет. Начался период скитаний — арестов, ссылок, тягот житейских, физических и духовных.

«ДЕЛО» ОТЦА СЕРГИЯ В ГПУ

В ночь с 11 на 12 июля 1922 года отец Сергей Дурылин был арестован ^[277] и помещён сначала в Комендатуру ГПУ, а затем во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Это значит, что ему не разрешались свидания и передачи. По ходатайству друзей Дурылина 8 августа перевели во Владимирскую тюрьму, где условия содержания были в те годы легче.

Дурылина беспокоит судьба Кадашевского храма, оставшегося без настоятеля. Незадолго до ареста Дурылин был избран — без его участия — настоятелем храма Воскресения Христова в Кадашах. Из тюрьмы он пересылает через брата Гошу два письма к Батюшке отцу Алексию и пишет брату: «Прочти прилагаемое письмо к Батюшке и немедленно его отправь к нему. Надо просить Батюшку, чтобы он решил Кадашевское дело. Ты поговори с ним. А затем надо, чтобы Кадашевские пришли к нему и он им указал, что делать. Так как это всё самое важное для меня дело и для моей судьбы — то возьми на себя довершить его: 1) отправить теперь же Б[атюшке] 2 письма, 2) выяснить, когда и какой решит, 3) если он благословит отнести моё письмо в Кадаши, то отнеси письмо, 4) вообще сделать так, чтобы Евг. Н. См[ирнов] побывал у него и выслушал его решение. Пожалуйста, сделай это» ^[278].

В Центральном архиве ФСБ России хранятся копии двух доносов на Дурылина. Один из них от 20 июля 1922 года подписан епископом обновленческой церкви Серафимом.

В заключении Секретного отдела ГПУ по делу С. Н. Дурылина от 24 октября 1922 года перечислены обвинения, которые ему предъявлялись. Он обвинялся в том, что «у него на квартире и в часовне часто собирались контрреволюционные элементы, которые занимались здесь распространением антисоветской агитации, поддерживали связь с Тихоном и под видом религиозных книжек и душеспасительных молитв распространяли среди верующих контрреволюционные воззвания. Дурылин являлся одним из самых видных антисоветских деятелей. <...> Вместе с другими попами он часто выступал с проповедями, в которых указывал, что вера в Христа поправа, что храмы ограбляются и верующие насилуются властью». Обвинялся он и в том, что при изъятии церковных ценностей оказал сопротивление. А также в том, что принял предложение берлинского журнала написать статью о русской церкви в период её обновления. Последнее обвинение было вызвано тем, что в руки ГПУ

попало письмо Надежды Григорьевны Чулковой Дурылину. В письме она передаёт просьбу составителя Г. И. Чулкова принять участие в сборнике статей для Берлина о церкви, оговаривая: «конечно, без политики». Сообщает, что уже дали согласие участвовать П. Флоренский, Н. Бердяев, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин. Вывод заключения СО ГПУ был для Дурылина смерти подобным: выслать его в Туркестанский край на два года с обязательной регистрацией в Облотделе ГПУ, так как он «элемент политически, безусловно, вредный для Советской Власти» и оставленный в Москве, «имея обширные связи с миром реакционного духовенства», будет продолжать свою контрреволюционную деятельность.

Сразу после ареста друзья, знакомые, духовные дети начали хлопотать о смягчении его участи и об освобождении. Уже 21 июля 1922-го в ГПУ поступило ходатайство от Московского Политического Красного Креста, заместителем председателя которого в то время была Екатерина Павловна Пешкова. Сергей Михайлович Голицын, семье которого, как и многим в те годы, помогала Е. П. Пешкова, посвятил ей в своей книге «Записки уцелевшего» несколько страниц. «Увидел я её впервые, когда она с туго набитым портфелем в руках, красивая, эффектная, стройная, в кожаном пальто, в кожаном шлеме лётчика, вышла скорым шагом из подъезда курсов Берлица, села в коляску мотоцикла и покатила в сторону Лубянской площади. Она всегда ездила в ГПУ таким способом, хотя пешком пройти было два шага»^[279].

Духовная дочь отца Сергея Дурылина Елизавета Васильевна Оловянишникова, профессор Московского университета, просит своего знакомого — наркома юстиции РСФСР Д. И. Курского отпустить Дурылина на поруки. Она пишет: «...ссылка равносильна для него смерти, а он бесконечно дорог мне, и только он ещё привязывает меня к жизни».

Георгий Николаевич Дурылин направляет М. И. Калинин у просьбу об освобождении брата, так как «он крайне больной человек», состояние его здоровья очень тревожное, оно не позволило ему начать службу в церкви Воскресения Христова в Кадашевском переулке.

Письма с ходатайствами подписывают член коллегии Наркомпроса Варвара Николаевна Яковлева, зав. Музо Главнауки Борис Борисович Красин, член Союза писателей Анастасия Ивановна Цветаева, президент ГАХН профессор Петр Семёнович Коган, нарком Анатолий Васильевич Луначарский. Ходатайства «высоких просителей» возымели действие. По решению Комиссии НКВД по административным высылкам от 15 декабря 1922 года, куда в конце попало «дело» Дурылина, он был сослан в административном порядке на два года в Челябинскую область под гласный

надзор ГПУ с разрешением отправиться «за свой счёт».

Параллельно с расследованием «дела Дурылина» были подвергнуты допросам в ГПУ и «поручители», но, к счастью, без последствий для них.

Е. П. Пешкова подписала 18 декабря распоряжение о необходимости уведомить Владимирскую тюрьму об освобождении Дурылина для отъезда в ссылку за свой счёт и разрешить ему явиться в Москву за получением бумаг из ГПУ.

Но ещё во Владимирской тюрьме произошло знаменательное событие. В 17-й камере, где Дурылин провёл четыре месяца, сидели священнослужители. Епископ Афанасий Сахаров в своих воспоминаниях перечисляет всех поимённо. 28 октября 1922-го заточники этой камеры совершили в ней восстановленную Поместным собором службу всем Святым, в земле Российской просиявшим, существенно дополнив её. В частности, священник Сергей Дурылин составил тропари канона святым Калужским (песнь 4, тропарь 7) и Тамбовским (песнь 9, тропарь 1), а также второй светилен, обращенный к Софии Премудрости Божией. Пожалуй, это если не беспрецедентный, то очень редкий случай совершения церковной службы узниками тюремной камеры. Конечно, начальство спохватилось и ужесточило условия содержания, которые в те годы были ещё не очень жёсткими. В тюрьме Дурылин смог написать рассказы «В те дни», «Сладость ангелов» и статью «Об ангелах».

Во Владимирской тюрьме Дурылин узнает, что в день его рождения 27 сентября у брата Георгия родился сын и назвали его Сергеем. Он счастлив. Просит Таню Сидорову (Буткевич) быть крёстной матерью, его записать крёстным отцом, а крестить у Мечёвых. В письмах брату и его жене из тюрьмы и из Челябинска даёт наставления, как воспитывать ребёнка в православной вере, какие книги включить в круг его будущего чтения.

Поняв, что ссылка неизбежна, о. Сергей пишет своей духовной дочери И. А. Комиссаровой: «Дорогое, о Господе, возлюбленное чадо моё духовное Ирина! <...> Если придётся мне ехать в дальний край, то одного человека я хочу видеть около себя и одного зову с собой — тебя. <...> Я чувствую тебя родною себе, близкою, дорогою. От тебя я видел всегда одну преданность и верность, — мало того, *понимание* меня. Ты мне друг, и всегда в твоих словах вижу духовную заботу обо мне, самое горячее желание блага мне»^[280].

В прощальном письме Татьяне Андреевне Сидоровой просит: «Молись обо мне. <...> Не забывай маленького Серёженьку [Дурылина]. <...> Не оставляй Батюшку». И поручает её заботам всё своё «духовное наследство писательское. Храни его. <...> Тут Леонтьев. Тут Вас.

Васильевич [Розанов]. <...> Многое из хранящегося тут имеет великое значение для русской культуры». В следующем письме добавляет: «Не разлучайся с Батюшкой о. Алексеем. Люби его и верь ему. У него великая светлая сила, и он тебя любит горячо. Я буду покоен за тебя, если буду знать, что ты предана ему»^[281].

Приехав в Москву на три дня, разрешённые ему для сборов, Дурылин пришёл к о. Алексею Мечёву за благословением. Батюшка, понимая, что Дурылин погибнет в ссылке без материнской заботы о нём, о его здоровье, быте^[282], благословил ехать с ним Ирину Комиссарову: «Поезжай с ним, помоги ему, он нужен народу». На прощание подарил о. Сергию Евангелие, надписав его: «Чадца, любите друг друга (изреч. Св. Иоанна Богослова). Да будет над тобою рука Божія крепкая и сильная, Яж-во Святей книзи сей!» По прошествии времени Сергей Николаевич подарил это Евангелие своей духовной дочери Ирине Алексеевне Комиссаровой: «Духовному возлюбленному о Господе чаду своему ИРИНЕ, рабе Божіей. Отец твой духовный недостойный грешный Іерей Сергій»^[283]. А она завещала своей сестре — Александре Алексеевне Виноградовой (1907–1994) передать его в Троице-Сергиеву лавру^[284].

Навестил Дурылин в эти три дня 1920-го и художника М. В. Нестерова. Тот только что вернулся из Армавира, где провёл три года отрезанный от Москвы фронтом Гражданской войны. Михаил Васильевич, увидев Дурылина в одежде священника, пленился его новым обликом, тонкими чертами исхудавшего лица, внутренне поглощённого умственной работой, изяществом рук и захотел написать его портрет. Но замысел отложился до 1922 года. Успел Нестеров сделать с уезжавшего в ссылку друга графический портрет. На нём Дурылин в рясе, но поза другая и настроение другое, нежели на портрете в масле 1926 года. Карандашный портрет хранится в Башкирском государственном художественном музее им. М. В. Нестерова. Видимо, был сделан и ещё один портрет. В 1923 году С. Н. Булгаков записывает в дневнике: «...сегодня я получил портрет-набросок, сделанный М. В. Нестеровым, о. Сергея Дурылина, — сквозной, страдальческий лик. <...> Да, там поневоле подвижничество»^[285]. В письме — прощальном привете М. В. Нестерову из Ялты перед отъездом за границу 30 декабря 1922-го — Булгаков пишет: «Если доступен Вам мой тёзка о. С. Дурылин, передайте и ему мой привет»^[286]. Судьба опального Дурылина продолжала волновать Булгакова. Об этом свидетельствует его письмо из Чехословакии, которое Дурылин получил летом 1924 года (конечно, не по почте): «Далёкий и дорогой друг! Хочется подать голос в

ответ на тихий шёпот веры и покорности Вашей. <...> Меня радует и умиляет наша духовная переключка эта — о Господе нашем, в котором наша жизнь, свет и утешение. Да утвердит Он Вас в пути веры и любви, мои недостойные молитвы всегда о Вас, и чем же мы можем больше и вернее помочь друг другу, как не взаимной молитвой. <...> Да, Вы правы: пути Провидения неисповедимы всегда, но порой мы об этом забываем, когда свободны от невзгод. <...> Хотелось бы и знать больше, и о себе больше сообщить, но самое главное это то, чтобы сердца услышали друг друга и в них согласно начерталось и прозвучало сладчайшее Имя Иисусово. Христос посреде нас!»^[287]

А. В. Луначарский снабдил Ирину рекомендательным письмом в Главмузей, а в ответ на её уверения, что Дурылина осудили ни за что, сказал: «За умную голову и поедет в ссылку». В 1922 году «умные головы» России — Булгаков, Бердяев, Ильин и другие — вместе с семьями были высланы из страны.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА. ЧЕЛЯБИНСК

В Челябинск приехали поездом 9 января 1923 года в морозную ночь. Из здания вокзала их прогнали. С четырёх до шести утра ходили по улице. Чуть не замёрзли совсем. На счастье недалеко оказалась церковь, где они и согрелись, и помолились. Поселились по рекомендательному письму у Игнатовых, с которыми на долгие годы завязалась дружба. Привезли письмо из Главмузея в челябинский Музей местного края, который только организовывался. Дурылину дали место вначале младшего научного сотрудника, и 15 января он уже приступил к формированию отдела каменного века. Привлёк и Ирину к этой работе: приделывать рукоятки, палки для стрел, топорики и т. п. Конечно, он встал на учёт в местном отделе ОГПУ и дал подписку о невыезде, но работать и выезжать в окрестности на раскопки курганов ему не мешали. А главное, по просьбе музея его оставили в Челябинске, а не сослали в область. В первом же письме брату Дурылин просит известить Б. Б. Красина и Е. П. Пешкову о своём «водворении».

В челябинской ссылке Сергею Николаевичу хорошо работалось. Он принимает активное участие в создании музея в качестве учёного-археолога и этнографа, разбирает древнегреческие и римские монеты (радуется, что пригодился греческий язык), систематизирует археологическую коллекцию, собранную первым исследователем Челябинского края Н. К. Минко. Работает над созданием отдела «Пугачёвского бунта»: чертит планы, делает рисунки. 15 октября [1924] пишет брату: «Могу тебе рассказать до деталей ход народного движения, рабочего и инородческого, здесь, в Чел[ябинском] крае, — это очень любопытно». «В музей поступила интересная рукопись XVI ст. — земельное дело одного татарина, — и, к радости, узнаю, что я не забыл ещё палеографии, и живо (т. е. в 1–2 дня), до тонкости, разобрал и трижды переписал с точностью эту скорописную рукопись»^[288].

С коллегами по музею отношения были хорошие, коллектив подобрался слаженный, доброжелательный. Работали с энтузиазмом. Быт обеспечивала Ирина Алексеевна. Вторая их хозяйка — Виктория Робертовна Протасова учила молоденькую Ирину готовить, рассчитывать доходы и расходы, обустраивать жильё, в общем, рационально вести хозяйство. В анкете члена Челябинского общества изучения местного края Сергей Николаевич написал, что с ним проживает «сестра Ирина,

занимается домашним хозяйством»^[289]. Случались и курьёзы. Из добрых побуждений подарили Ирине в хозяйство маленькую козочку. Держать её пришлось в комнате. Однажды Сергей Николаевич по болезни остался дома, а Ирина Алексеевна ушла на базар. Возвращается и застаёт такую картину: козочку гоняет по комнате кот Васька, она прыгает по столу, по кровати и оставляет везде свои орешки. Сергей Николаевич ходит за ней с совком и веником — убирает. В отчаянии стал просить вернуть козочку хозяевам. Пришлось избавиться и от поросёнка, которого во время болезни Ирины Алексеевны пришлось кормить Сергею Николаевичу. Как он его кормил, неизвестно, но возвращался он весь измазанный в пороссячьей болтушке.

В январе 1924 года приехал в Челябинск А. В. Луначарский посмотреть уже открытый музей. Сергей Николаевич провёл экскурсию по музею, и нарком просвещения высоко оценил раздел археологии, созданный Дурылиным. Одобрил и раскопки. Ирина Алексеевна вспоминает^[290], в какой весёлой, праздничной атмосфере проходили раскопки, с каким энтузиазмом работали молодые люди, привлечённые Сергеем Николаевичем к работам, с какой бережностью извлекали из земли и очищали найденные предметы: глиняные сосуды, бусы костяные, глиняные, стеклянные, наконечники стрел бронзового века и более древние — костяные и кремниевые. В одном кургане, вспоминает она, нашли скелет лошади в богатом украшении и скелет человека в броне. Весёлыми рассказами, шутками, похвалами Дурылин подбадривал молодёжь. Вот и пригодились ему знания, полученные в Археологическом институте и в поездках по Северу России. Статьи Дурылина о результатах раскопок девяти курганов были опубликованы в местных изданиях. При Челябинском обществе изучения местного края Дурылин организовал археологическую и две этнографические секции: русскую и татаро-башкирскую. В ноябре 1924 года Дурылина избрали почётным членом Общества.

Работа в музее заведующим отделом археологии и этнографии не мешала работе над книгами о Лескове, Врубеле. Дурылин писал свои повести, рассказы. Начал и закончил первые две тетради своей главной книги «В своём углу». Повесть «Сударь кот» посвятил Нестерову. Написал 300 первых страниц книги о Нестерове, начав с цикла картин художника, посвящённых Сергию Радонежскому. Обращение к творчеству М. В. Нестерова было смелым поступком, тем более для ссыльного. Имя Нестерова в те, да и более поздние, времена замалчивалось из-за

религиозной тематики его картин. Деятельность Дурылина находилась под пристальным вниманием ОГПУ. На второй тетрадке «Заметок о Нестерове» рукой Сергея Николаевича сделана надпись: «Просмотрено Челяб. Окр. Г.П.У. (было на просмотре 18 янв. — 9 февр. 1924 г.)».

Строгий судья М. В. Нестеров одобрил отосланную ему на суд первую главу: «...Это не общие места на довольно устарелую тему о Нестерове, а глубокий, пережитый, перечувствованный лично анализ, в котором даже Ваше „пристрастие“ к автору не мешает Вам произносить над ним суд, к которому будут относиться со вниманием. Ваш религиозный опыт <...> даёт Вам ту силу, убедительность и новизну авторитета, которых недостает у прежде писавших обо мне. <...> Словом — так о моих Сергиях ещё не писали». В этом же письме Нестеров обосновывает своё желание, чтобы книгу о нём писал Дурылин: «Ну, не баловень ли я среди моих собратий! В Вас я ведь имею не только любящего моё художество современника-писателя, но также поэта, непосредственно чувствующего жизнь, красоту, душу природы и человека, их великое место в бытии. Я имею в Вас одновременно и учёного, и богослова, вооружённого всем тем, без чего будет неполон труд, подобный Вашему...»^[291]

Разбор Дурылиным картины «Димитрий царевич убиенный» Нестеров называет «опоэтизированная критика». Его радует, как чутко Дурылин определяет роль пейзажа в его картинах, как проникает в психологическое соотношение пейзажа, изображённых лиц и темы картины.

Судя по всему, Нестеров читал «Заметки о Нестерове», которые Дурылин писал в Челябинске с апреля 1923-го по февраль 1924 года. Они остались неопубликованными^[292]. Для монографии о Нестерове Дурылин значительно изменил текст, сосредоточившись на анализе творчества художника. Часть текста не вошла в эту монографию, видимо из-за самоцензуры. Например, то, что Дурылин писал о картине «Димитрий царевич убиенный»: «Царевич Нестерова — это *святая плоть: ещё плоть* <...> но уже *святая*: и то, в чём и как выражено это „святое“ в картине, представляет величайшую трудность и величайшую победу художника. <...> В природе Нестеров *молится* тихой молитвою Христу <...> воистину: „всякое дыхание“ здесь „хвалит Господа“, ибо это — природа молящегося человека. <...> Может быть, в России не будут верить в Бога, может быть, атеистическая Россия будет иметь своё атеистическое искусство и поэзию, но, если и не веря, захотят понять, вслушиваясь в язык искусства, как возможна была вера и как верили <...> то должны будут долго, долго смотреть на картины Нестерова, на эти берёзки и этих тихих людей, — и

ждать, когда они начнут свой безмолвный рассказ о том, как возможна и как прекрасна вера. „Димитрий царевич убиенный“ расскажет, быть может, проникновеннее и глубже, хотя и молчаливее, чем другое создание Нестерова, ибо труднейшая задача: явить горнее в дольном — решена здесь художником с такою захватывающею силою личного переживания <...> а тихое его загробное шествие по земным долам, изображённое художником, являет русский образ подлинной религиозности в искусстве, свидетельствуя прекрасным словом художества о прекрасной действительности религиозного бытия».

Картины Нестерова Дурылин полюбил смолоду. После посещения его персональной выставки 1907 года Дурылин настоятельно рекомендует своему другу Всеволоду Разевигу сходить на выставку и делится с ним своими восторженными впечатлениями: «Какая-то нежная дымка младенчески-глубокой мысли проникает все картины Нестерова. Поразительны его „Святая Русь“, „Димитрий царевич убиенный“. <...> Христос Нестерова — наш, народный, русский Христос»^[293]. Тогда же Дурылин начал собирать материал о творчестве Нестерова. Пока что и мысли не было писать о нём книгу. Собирал просто так, для себя о своём любимом художнике.

В Челябинске у Дурылина оживлённая переписка с Нестеровым. Для работы над книгой нужна всё новая информация. Сергей Николаевич задаёт Нестерову вопросы о его биографии, о работе над картинами, а тот подробно и обстоятельно на них отвечает. «Вы в своём письме задаёте мне задачу — сообщить о себе всё, что помню, — нелёгкое это дело. Всё прошлое было прекрасно, светло, полно надежд, а настоящее — старость, нужда, болезни и печали. Однако, Бог даст, летом попробую заглянуть в далёкое, невозвратное»^[294]. О себе сообщает кратко: «Жили мы это время очень тяжело во всех отношениях». Беспокоится о Дурылине: «Храни Вас Господь, дорогой, многолюбимый отец Сергей Николаевич»^[295].

В свою творческую жизнь последних тридцати лет Нестеров посвящал Дурылина из замысла в замысел. Он стал для него историографом своего творчества. Кроме того, Дурылин записывал в дневник беседы с художником, собирал материал для книги о нём: каталоги, статьи, книги, фотографии, воспоминания лиц, знавших Михаила Васильевича в разные годы его жизни. Постепенно накопилось около пятидесяти папок.

Только в 1949 году — через семь лет после смерти художника — удалось издать книгу Дурылина «Нестеров — портретист». А главная книга — монография «Нестеров в жизни и творчестве» пролежала под спудом до

1965 года, когда её выпустило издательство «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» со вступительным словом художника Павла Корина и вступительной статьёй искусствоведа А. А. Сидорова, благодаря усилиям старейших издательских редакторов Г. Е. Померанцевой и Е. И. Любушкиной. До того ни одно издательство не отваживалось напечатать её^[296]. (Издательство «Искусство», продержав долгое время, вернуло рукопись.)

В советские годы помимо цензуры у всех была и самоцензура. Литература сделалась трудным и опасным занятием. Дурылин, готовя к печати свои книги, статьи, специально для редактора вписывал «просоветский» абзац, без которого работа не была бы опубликована. Почему именно абзац? Ирина Алексеевна объяснила мне это так: «Для того, чтобы легко было выбросить». Абзац не был тесно привязан к тексту, а иногда выглядел на фоне основного текста так нарочито, что граничил с иронией. Именно так выглядят после ровного спокойного тона авторской речи в книге «Нестеров-портретист» патетические возгласы «просоветских» абзацев, отделяющих советский период творчества Нестерова от досоветского: «Великая Октябрьская социалистическая революция открыла ... дала... преобразила...» Говоря о картинах «Философы» и «Мыслитель», Дурылин не называет запретных в те годы имён Булгакова, Флоренского, Ильина, но якобы в предположительных описаниях приводит конкретные факты биографии этих людей, чтобы просвещённому читателю было понятно, кто изображён на портретах. В рукописи осталась и глава о ненаписанных портретах Нестерова (записи 1942–1943 годов), которая находится в частном архиве и недоступна читателям. (Нестеров собирался написать портреты Патриарха Тихона, священника Сергея Николаевича Щукина, В. В. Розанова, о. Павла Флоренского, К. С. Станиславского. Но замысел не состоялся по разным причинам. Флоренский, по свидетельству Нестерова, сам отказался от второго портрета. Розанов умер в 1919 году, в то время как Нестерова три года (1917–1920) не было в Москве, а карандашный портрет, сделанный в 1918 году, пропал. Осенью 1937 года Станиславский охотно согласился позировать, но о времени не договорились, Нестеров был занят портретом Отто Шмидта, а Станиславский в августе 1938 года скончался.)^[297] Дурылин пишет: «Нестерову в 1921 году очень хотелось написать портрет Патриарха Тихона. <...> В Патриархе Тихоне Нестерову, столько перевидававшему на своём веку архиереев, виделся новый образ епископа для народа, болеющего его скорбями и радующегося его радостями».

«Очень влѣк к себе Нестерова портрет со священника Сергея Николаевича Щукина, человека чистого душою, богатого сердцем, которому русская литература обязана прекрасными воспоминаниями об А. П. Чехове. <...> Михаил Васильевич очень радовался, что напишет с него портрет, и уже условился о дне и месте первого сеанса. Сеанс не состоялся: отец Сергей в день своих именин, 25 сентября, был задавлен грузовиком в Москве на Дорогомиловском мосту»^[298].

К отцу Сергию в Челябинск приезжают его духовные дети, осиротевшие без отца Алексия, пишут письма, ища духовной поддержки. В своём архиве Дурылин бережно хранил письмо Сергея Сидорова, полученное осенью 1923 года. Священник Сергей Сидоров в это время служил настоятелем храма Воскресения Словущего (Петра и Павла) в Сергиевом Посаде. Он подробно описывает свою жизнь, службу, семейные дела, передаёт привет от о. Павла Флоренского и в заключение пишет: «Вы мне необходимы, необходимы, как самый меня любящий пастырь, и я особенно молюсь, чтобы Господь дал мне возможность увидеть Вас, именно видеть, слышать, знать, что Вы со мною»^[299].

В ссылке Дурылин узнал о смерти Батюшки, отца Алексия Мечёва. Он скончался 9 июня 1923 года в Верее от паралича сердца. Дурылин потрясён, не может прийти в себя. Он лишился обоих наставников. Старец Анатолий скончался 30 июля 1922 года, когда Дурылин был во Владимирской тюрьме. Он хотел писать о нём воспоминания, но не смог. Не мог найти «прекрасно-добрых», простых слов, а другие не подходили. В тюрьме написал рассказ «В те дни». Мысли героев, разговоры со старцем иеросхимником Пафнутием и иеродиаконном Никифором — это мысли самого Дурылина о судьбе России, веры православной в те тяжёлые времена, когда рушились храмы и захлёстывала души волна атеизма, это то же, о чём говорил Дурылин со старцем Анатолием во время посещения Оптиной пустыни и что просвечивает в письмах старца к нему.

Пройдут годы, и Дурылин напишет об обоих старцах тепло, благодарно, объясняя причину тихого, ласкового, но глубокого влияния их на людей, начиная с детей и до учёных мужей, философов, коммунистов. Много изумительных качеств отметит он, но самым ценным для него было то, что они несли людям «дар даров — ЛЮБОВЬ», «ибо Бог есть любовь»^[300]. В 2000 году оба старца были причислены к лику святых. Мощи отца Алексия Мечёва покоятся в храме Святителя Николая в Клённиках.

Татьяна Андреевна Сидорова в письме рассказала о похоронах Батюшки. По его завещанию на его могиле не говорили речей, а прочитали написанное им прощальное слово. Заупокойную литургию и чин отпевания 15 июня отслужил близкий ему по духу владыка Феодор (Поздеевский), за неделю до этого освобождённый из заключения. Сослужили ему 30 священников и шесть диаконов. На погребении присутствовал патриарх Тихон, накануне выпущенный из тюрьмы.

В ответном письме Сергей Николаевич вспоминает отца Алексея Мечёва, как «от него голубые лучи сыпались небесным огнём», как он шутил с паствой, а «мы хотели бы нимба. <...> И вдруг оказывается, что шутка скрывала самый несомненный сияющий нимб». Теперь «уста молчат — и нимб явен — явен до очевидности, до всеобщего признания». Вспоминается и «лазурный свет из очей отца [Алексия] и его быстрые руки, взявшие меня крепко и выведшие на дорогу»... И все мысли, всё пережитое объединяются в одном признании: «Прав Ты, Господи, и все пути Твои истинны»^[301].

В эти годы мысли Дурылина часто обращаются к оптинской тишине. В записях Дурылина часто встречается слово «тишина», она для него необходимое условие творчества и желаемое состояние души. Всё значительное в мире создавалось в тишине: «Великая вера — выходила из пустыни, из молчания неба и земли», «научные открытия выходили из тишины лабораторий и кабинетов», «великое в русской литературе — всё из тишины полей и усадеб», «шум мешает мысли», «и Сам Христос — „НАЧАЛЬНИК ТИШИНЫ“». Сергей Николаевич грустит, что «из мира исчезает тишина», «нигде нет покоя», «всё шумнеет и всё теряет какой-то стержень, тишиною связующий с корнем бытия». «Как страшен будет мир без тишины!»^[302] — предвидит он.

В Челябинск к Дурылину в апреле 1923-го приехал с рекомендательным письмом от отца Павла Флоренского его товарищ по Духовной академии Б. П. Добротворцев «на предмет обмена мыслями об Оптиной и о делах около неё». Из письма Флоренского явствует, что Дурылин до ареста принимал активное участие в создании Музея Оптиной пустыни. Поскольку других документальных подтверждений этого мы не обнаружили, а факт в его биографии это важный, приведём здесь выдержку из письма: «Бориса Павловича я рекомендую в Муз[ейный] отд[ел] в качестве сотрудника в „Музей Оптиной пустыни“. Борису Павловичу хочется уяснить себе, что предстоит ему на таком месте и подойдёт ли такая обязанность к нему. Поэтому я и полагаю полезным, как для судьбы

Оптиной, так и для Б. П. Добротворцева сговориться вам обоим о дальнейших отношениях. Всего доброго Вам. С уважением к Вам П. Флоренский. 27.04.1923»^[303].

В 1923 году сельхозартель «Оптина Пустынь», организованная после закрытия монастыря в 1920–1921 годах, была преобразована в «Семхоз».хлопоты многих защитников Оптиной дали результаты. В 1924 году бывший монастырь был взят Главнаукой на госохрану как историко-мемориальный памятник «Музей Оптиной пустыни». Три года, оставшиеся до окончательного разорения монастыря и закрытия музея, позволили расширить музей и провести полную каталогизацию обширной библиотеки. Благодаря этому в 1927 году удалось спасти основную часть редких книг и уникальных рукописей.

МЕЖДУ ССЫЛКАМИ

Тридцать первого октября 1924 года С. Н. Дурылин получил официальное уведомление о досрочном прекращении административной ссылки. Теперь он может вернуться в Москву. И он рвётся туда. Мечтает крестить Танину дочку, просит дождаться его. Но нужно закончить дела в Музее местного края. Кроме того, в Москве ни у него, ни у Ирины первые один-два месяца не будет ни угла, ни хлеба, ни работы. Да и на переезд нужно рублей 80–90, а их нет.

Он часто твердит строки из стихотворения Лермонтова «Спеша на север издалёка»:

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после многих лет?

Дурылин соглашается в конце концов принять денежную помощь старых друзей, с тем что вернёт всё до копейки. (И он будет работать «как каторжный» два года, часто выезжать в периферийные театры на консультации и режиссёрскую работу, выплачивая долги.)

В музее ему выдали удостоверение № 54, в котором сказано, что С. Н. Дурылин «состоял на службе в музее в должности учёного археолога и этнографа с 15 января 1923 года по 30 ноября 1924 года, оставив службу по собственному желанию, ввиду его отъезда в Москву»^[304].

Вернулись в Москву они с Ириной в конце ноября (по другим источникам, в начале декабря). На вокзале у случайного знакомого удалось занять сумму, необходимую, чтобы нанять извозчика.

Дурылин полон надежд и творческих планов. Он не знает, что судьба отпустила ему лишь два с половиной года относительной свободы.

Своего друга — Волю Разевига застал «на волоске», он умирал в больнице, уже не мог говорить, говорили только глаза. На уверения Дурылина: «Ты поправишься. Мы ещё поживём» — слабой рукой поставил на себе крест. Он умер 20 декабря 1924 года. По просьбе вдовы Всеволода Разевига Юлии о. Сергей Дурылин в 1925 году отслужит у неё дома всенощную. Сохранилась его записка, где он просит Таню Сидорову

достать у о. Ильи серебряное облачение («У меня такого нет»), кадило и ещё «хоть 5–6 свечей». Ладан он принесёт. Многие годы Дурылин будет поддерживать связь с сыном Всеволода Даниилом, в четырёхлетием возрасте потерявшим отца. Писать ему письма, посылать рисунки, а когда подрастёт, вызовет к себе специально, чтобы рассказать об отце. И в 1952 году Даниил Всеволодович запишет в зелёном альбоме Дурылина: «Вам, Сергей Николаевич, я многим обязан, что теперь, прожив без него почти 30 лет, сохранил в своём сердце, как мне кажется, верный его образ».

В Москве Ирина живёт на Маросейке, а Сергей Николаевич в Милютинском переулке. Но чаще — в Муранове у Тютчевых, куда его пригласили домашним учителем к правнукам поэта — Кириллу и Ольге Пигарёвым. Талантливым учеником Кириллом Сергей Николаевич будет гордиться, и, как всегда у него бывало, ученик станет другом на всю жизнь. Сотрудница Мурановского музея Татьяна Петровна Гончарова пишет о том, с какой тщательностью подбирались учителя для правнуков поэта. «Учитывались не только профессиональные навыки претендента, но и его нравственный облик и мировоззренческие устремления. Ведь воспитание молодого поколения — важнейшая категория жизни в дворянской среде. Это забота не только о личном благополучии своего потомства, но и забота о достоинстве и процветании всего рода». Дурылин отвечал всем требованиям, но приглашение его в семью Тютчевых было шагом небезопасным для обеих сторон. Он только что вернулся из челябинской ссылки, значит, для властей человек неблагонадёжный. А приглашён он в дом «бывшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Москвы, церемониймейстера Двора его Императорского Величества, коим является Н. И. Тютчев, в дом воспитательницы детей Николая I и фрейлины, коими являлись внучки поэта Софья Ивановна Тютчева и Екатерина Ивановна Пигарёва; наконец, в дом крестников членов царской семьи (правнуков поэта Кирилла, Ольгу и Николая Пигарёвых крестили соответственно вел. кнж. Анастасия Николаевна, вел. кнж. Ольга Николаевна и вел. кн. Елизавета Фёдоровна). Ситуация достаточно тревожная»^[305].

С Тютчевыми и Пигарёвыми сложились тёплые отношения. Он стал своим человеком в доме, его здесь любят, перед ним открыт архив, с ним советуются по всем вопросам музейного дела. Нестерову для портрета (1926–1927) он «сосватал» Николая Ивановича и Софью Ивановну. Софья Ивановна восхищает его глубиной веры: «Это удивительный человек. *Вера* — проста и тверда, как у бабы крепостной. Откуда сие? Дед — великий

поэт. Бабушка — аристократка — немка. Отец — славянофил по фамильному долгу. И какая красота чести, твёрдой, неподкупной, прекрасной, — чести добра, чести религиозного и всякого долга. Вот пред кем можно бы *исповедаться*! И чистота, и милость, и строгость!»^[306]

Дурылин многих людей, с которыми сводила судьба, испытывал их отношением к Богу, к Христу. Это особенно заметно, когда читаешь «В своём углу». О Сергее Павловиче Мансурове в год его смерти (i1929) Дурылин напишет, что у него «не только душа, но и мысль христианка». Этнограф Г. С. Виноградов стал близким другом, потому что в нём «нежность и тонкость Ивана Киреевского», потому что он «строитель подлинной жизни и науки, строитель со строем веры отцов в душе и мысли...». Дурылин выписывает очень важную для него информацию, что Л. Толстой читал по утрам молитву «Отче наш» и крестился, садясь за работу, что А. П. Чехов любил слушать церковный колокольный звон.

О том же и в дневнике «Троицкие записки». Услышал, как нищенка-калека у ворот лавры говорит: «Терпеть надо. Божия воля. Бог терпел», и записал: «Сумма страданий в человечестве одна и та же (голод, бедность, болезни и т. д.), а сумма счастья и мира — разная: она от человеческого отношения к страданиям. „В старину жили счастливые“. Это правда. Вот они также говорили: „Терпеть надо“; про беду: „Бог послал“. Не было исков к Богу, человеку и природе. Был упор в религию. Это видно и ныне на людях: у кого упор в Бога и веру — тот не ругает большевиков, не жаждет всяких глупых спасений от того-то и того-то <...> (Анна Мих[айловна] Фл[оренск]ая, Софья Вл[адимировна] Олсуфьева, Над[ежда] Ив[ановна] Успенская)). Они счастливые. А есть сущие несчастливцы: это предъявители исков — к Богу, к природе, к царю, к большевикам, к России, — и без конца, к кому. Ни одной жалобы я не слышал от о. Иосифа [Фуделя]». Позиция Дурылина — христианская позиция, он принимает мир таким, каков он есть: «Прав Ты, Господи!»

ТВОРЧЕСТВО

Бог присутствует во многих работах Дурылина. Прямо — в мыслях, в тексте; косвенно — в подходе к оценкам событий, явлений, людей...

Религиозная тема живёт в нём постоянно. Она почти во всех его художественных произведениях. Духовных стихов написано много, но за малым исключением они не опубликованы. Первое стихотворение, увидевшее свет в наши дни, — «Никола на Руси»^[307]. Многие стихи пропали, когда Дурылин в Сергиевом Посаде сжёг свою поэтическую тетрадь.

Ещё в начале 1910-х годов Дурылин задумал создать поэтическую антологию русского народа — «Народный календарь» (Месяцеслов народный), в котором он собирался стихами отметить каждый праздник, почитаемый в народе. Писал он его на протяжении многих лет, но так и не закончил. В 1913 году в альманахе «Лирика» он поместил два первых «кусочка»: «Св. Себастьян», «Сорок мучеников». В 1924-м начал цикл «Венец лета» (праздники сентября, октября и мая). В 1930–1932 годах продолжил: «Власий», «Тимофей, иже в символах»... Но и цикл, и «кусочки» остались в рукописи. Те стихи, которые он писал или вспоминал в Томске, Дурылин посылал в подарок Елене Васильевне Гениевой, и они опубликованы в книге «„Я никому так не пишу, как Вам...“: Переписка С. Н. Дурылина и Е. В. Гениевой». В своих письмах и записках Сергей Николаевич почти всегда помечал, в день какого праздника это написано.

В архиве Дурылина в Болшеве хранятся рукописи его стихов (1910–1924), объединённых в циклы «Венец лета», «Бесы разны», стихотворные композиции «Прошлое», «Север», «Монастырь» и др. Проект-конспект сборника стихов «К вечеру» составлен самим Сергеем Николаевичем и подписан псевдонимом Сергей Раевский^[308]. В архиве на разрозненных листках сохранились стихотворения: «Евангелист Лука», «Ангел Благого молчания» и др. Публикация стихов Дурылина (включая стихи для детей) требует отдельного издания. Приведём одно стихотворение из духовного цикла:

*Успение Пресвятые Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы
Мариин*

И вновь, в тот вечер тихо-синий,
К ней в дверь Архангел постучал:
— Твой вечереет день, — и ныне
Тебя Твой Сын к Себе позвал!
И как на утре, в Назарете,
Она ответила ему —
И мир сиял в Её ответе:
— Иду, по слову твоему!
Над гробом тёмная маслина,
Но гроб, как гроб Сыновний, пуст:
Она навеки в Доме Сына —
Лишь гробный камень Магдалина
Живит лобзаньем скорбных уст.

Художественная проза Дурылина почти вся религиозна: «Колокола (хроника)», «Сударь кот. Семейная повесть», «Жалостник», «Троицын день», «Николин труд», «Три беса. Старинный триптих», «Крёстная», «Сладость ангелов», «Грех земле», «В те дни» и др. Он как будто старается исправить упущение русских писателей, которые, за исключением Достоевского и Лескова, ничего не написали о *«верующем русском народе <...> живущем в Церкви и церковно укрепляющем себя молитвой, просветляющем себя верой в Христа»*. Ещё в 1916 году он восклицал: «До чего было мало храма в русской литературе!»; «Где же эта Русь, которую „в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя“?»^[309] Городничие и помещики Гоголя, мужики Г. Успенского, чиновники Щедрина, интеллигенты Чехова, лишние люди Тургенева, глупые купцы Островского заслонили собой Русь преподобного Серафима и притекавшие к нему миллионы верующих, заслонили Храм и Россию около Храма.

Действие повестей и рассказов Дурылина обычно связано с монастырём, храмом или около него, с трудностями на пути к Богу, с борьбой тёмных и светлых сил за душу человека. Большинство их написано в форме сказаний, и часть может быть объединена в цикл «Рассказы Сергея Раевского». Герой рассказывает свою или слышанную (виденную) им историю. Ощущается влияние П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова. Рассказ «Троицын день» Дурылин посвятил памяти Лескова. Это очень личный рассказ Дурылина. Сюжет о молоденькой попадье, одержимой «ухождением» из дома в состоянии транса, разворачивается на фоне того, что было близко и дорого сердцу

автора: яблоневый сад за поповским домом, совсем как в родных Плетешках, чтение стихов А. К. Толстого, любование закатными лучами и бескрайними полевыми просторами средней полосы России, золотыми волнами хлебов и ощущение пасхального звона колоколов, словно «на тебя льётся и водой чистой обливает». И описание сладости своей молитвы в храме с неизменным окончанием: «Прав Ты, Господи!»

В своих художественных произведениях Дурылин часто использует семейные предания, события своей личной жизни, свои мысли и переживания отдаёт герою рассказа. Зная биографию Дурылина, мы можем всё это легко проследить. Таков рассказ «Сладость ангелов». Архимандрит, когда был студентом, много читал разных отрицателей, полагающихся «по штату русскому интеллигенту как удостоверение его зрелости». «В Бога не верил — до скуки, до пустоты». «Вражды к Богу не было, но всё без Него, всё без Него было в душе, в мире, в природе, в самом бытии, — и всё без цвета, без сути какой-то, без запаха, без вкуса. Всё на своём как будто месте, — но надо всем какая-то невидимая дыра, в которую уплывает всё тепло бытия». «И Богато оттого у меня не было, что меня самого не было. Я растерял себя. В чём же Ему было быть во мне, когда я — раздробился, разделился на отдельные дробы какие-то, бесконечные и неправильные, и весь ушёл в пустоту. Не в пустоте же Ему быть». «Я мог бы убить себя, но мне нельзя себя было убить: меня не было». Все эти цитаты справедливы и в отношении Дурылина юных лет.

«Сударь кот» имеет подзаголовок «Семейная повесть». Она посвящена истории бабушки героя-рассказчика, её пути в монастырь и жизни в его стенах. По признанию самого Дурылина, прототипами героев послужили члены его семьи: бабушка Надежда Николаевна, мама, няня, брат Георгий и сам Сергей Николаевич. Даже у сударя кота есть прототип — челябинский кот Васька. И дом прадеда с садом — это дом Дурылиных в Плетешках. И всё же художественного вымысла здесь больше, чем совпадений. Повесть нельзя воспринимать как биографическую. «Сударя кота» очень высоко оценили М. В. Нестеров и П. П. Перцов. Отзыв Перцова от 20 ноября 1940 года находим в зелёном альбоме: «Давно уже не получал я такого сильного и многозначительного впечатления, как от прочтения Вашей повести „Сударь кот“ <...> скажу о главном. Основное в Вашей повести, как Вы и сами знаете, — стихийное русское православие, и это именно удалось Вам больше всего. <...> Тут всё подлинное и несомненное, и всё глубоко русское. Русское и в своей мистической устремлённости — в этой религии покорности и мировой соподчинённости; русское и во всём бытовом складе и самых мелких подробностях. Вы также уловили Вашими словами

душу русского человека в её православной настроенности, как уловил это М. В. Нестеров своей кистью...»

Нестеров пишет, что повесть взволновала его до слёз, «и слёзы эти были благодатными слезами. За это сердечно благодарю Вас. Эта повесть Ваша, по моему разумению, — лучшее Ваше художественное произведение. И лишь *наименование* её б. м. не соответствует тому значению, кое Вы уделили в нём *Человеку*, тем прекрасным людям, возвышенным характерам, украшающим собой Ваше произведение. Благодарю Вас за радость, испытанную мною при чтении этой поразительной, волнительной повести. Обнимаю Вас, нежно целую, любящий Вас Михаил Нестеров. Болшево. Август 1939». Машинописную копию этого письма, вернее, записки, Дурылин подклеил к первому машинописному экземпляру повести. А на соседней странице написал чернилами ответ: «Я никак не могу подобрать нового названия, хотя и обещал М. В. Нестерову сделать это. Перечёл — после его, изумившего меня отзыва — свою повесть, и почувствовал, что ничего не могу переменить в ней. Внёс 2–3 поправки чисто внешнего свойства, устранив явные недосмотры. Но придумать новое заглавие — это мне [не] под силу. Если не „Сударь кот“, то пусть будет по-простому — „Семейная повесть“. С. Д. Болшево. 27. VIII. 1939». Перед словом «Внёс» сделал вставку: «Вот уж именно: „Еже писах, писах“. За 17 лет, как это написано, я так отвык от этой повести, что перечёл её как сторонний читатель, и как читателю нелепо было бы переправлять что-либо в чужом сочинении, так неуместно сделать это и мне».

Хроника «Колокола» состоит из трёх частей: «Колокола. Звоны. Звонари». Их история в городе Темьяне отражает историю нашей страны с XIX века до революционных лет XX века. Нестеров оценил «Колокола» не так высоко, как «Сударя кота». Он считал, что здесь есть прекрасные места, но у Дурылина «под ногами путается то Пушкин, то Лесков, то ещё кто», и хроника слишком изобилует «особенными, изысканными» словами^[310].

Ярким, сочным языком, слегка стилизованным под позапрошлый век, написана повесть «Чертог памяти моей. Записки Ельчанинова»^[311].

«Николин труд» — трёхчастный рассказ о делах на Русской земле почитаемого народом Николая-угодника. «Дедов бес» — об исцелении крестами и молитвами с помощью юродивого души отставного генерала, которого за греховную страсть к карточной игре мучил зелёный бесёнок. «Крёстная» — рассказ о том, как в набожной купеческой семье умирали новорождённые детки, а жить остался ценой смерти матери мальчик

Васенька, которому в крёстные позвали женщину праведной жизни, у которой «крест лёгкий». В рассказе «Жалостник» — о мальчике, который молился за бесёнка, и о «чёрненьком», который надеялся этими молитвами получить спасение, — Дурылин использовал афонское изустное предание.

Но сюжетная линия — это только видимая часть айсберга в художественной прозе Дурылина. Его произведения — это вероучительная проза. Некоторые исследователи считают, что это религиозная философия, облечённая в художественную форму^[312].

Понятно, что в советские годы проза Дурылина оставалась под спудом, была глубоко запрятана в личном архиве. Читали её всего несколько человек, очень близких. Среди них М. В. Нестеров, высоко ценивший литературный талант друга и его язык «старых мастеров русского слова».

«Хивинка. Рассказ казачки» — это художественное переложение рассказа реального лица — Акулины Григорьевны Степановой о её пребывании в плену в Хиве в 1833–1841 годах, записанного в 1888 году Н. К. Бухариным. Дурылин изучил архивные и исторические документы о том времени, об Оренбургском крае, казаках и Хиве, так что его художественный вымысел имеет под собой твёрдое историческое основание. И в художественных произведениях проявляется научная основательность работы Дурылина.

САНА НЕ СНИМАЛ

После возвращения из ссылки о. Сергей Дурылин в церкви больше не служил (хотя продолжал совершать тайные службы в домах надёжных друзей). Получив в своё время благословение о. Алексия Мечёва на литературную работу и поняв, что открытый путь служения Богу для него теперь невозможен, Дурылин примирил в своей душе эти две ипостаси. Видимо, права была Ирина Алексеевна, считавшая, что, став приходским священником, принимая на свои плечи чужую боль и беды, Дурылин взвалил на себя непосильную ношу. Сергей Фудель пришёл к выводу, что «Сергей Николаевич принял на себя в священстве не своё бремя и под ним изнемог». Гонения на церковь и общее людское горе, обрушившееся на хрупкого здоровьем Дурылина, стали для него нелёгким испытанием.

Из Владимирской тюрьмы Сергей Николаевич пишет брату Георгию: «Как путана и сложна моя жизнь — но и в своеволиях моих, в ошибках, заблуждениях, в выходе из них — я вижу Руку Господню, щадившую меня и изводившую из жестоких обстоятельств и бед. Поэтому, что бы ни случилось со мною далее, ты помни твёрдо, что я приму это как Волю Божию, бесконечно милостивую ко мне, — и если бы я мог много писать, я сказал бы тебе, как *внутренне необходимо мне было то, что я теперь переживаю, как это спасло меня от многого, поистине тяжёлого. Я не знал бы, что делать со своей жизнью, если б не Божий удар*» ^[313] (выделено мной. — В. Т.). То же почувствовал и друг Дурылина художник Р. Р. Фальк. Он пишет Дурылину во Владимирскую тюрьму: «Дорогой Сергей Николаевич. Ваш брат сообщил мне, что, может быть, скоро придётся вам уехать дальше. Не знаю отчего, но мне кажется, что Вам будет от этого лучше, и даже лучше, чем раньше было. <...> Благодарю Вас за Вашу доброту ко мне и целую Вас. Ваш Р. Ф.» ^[314].

Пётр Петрович Перцов пишет Дурылину: «Всё против нас — вся сила времени! Вот уж именно плывём „против течения“ — труднее, чем эстетике в эпоху 60-х годов. Что делать — таков жребий! <...> Вам время не даёт сложиться как нужно в самом себе...» ^[315]

В 1926 году Дурылин записал: «Всё, что со мной было в годы 1918–1922, я давно предчувствовал и выразил, твердя без конца строки З. Гиппиус:

Покой и тишь во мне,

Я волей круг свой сузил,
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел...

„Покой и тишь“ — от „узла“. О, как тихо в узле! Но рано или поздно уют узла пропадает... и тогда узел оказывается верёвкой»^[316].

Сергей Фудель приводит слова епископа Стефана (Никитина), хорошо знавшего Дурылина на протяжении многих лет, о том, что Дурылин «никогда и нигде не отрекался от Церкви и не снимал сана». Александр Борисович Ефимов, сын Екатерины Александровны (Рины) Нерсесовой, близко знавший владыку Стефана, помнит, что тот всегда поминал Дурылина как священника. А его брат Георгий Борисович Ефимов присутствовал при встрече в их квартире Дурылина и отца Стефана, тогда уже открыто служившего в церкви (видимо, это было в начале 1950-х годов), и они долго, часа два, говорили наедине в комнате Евгении Александровны Нерсесовой^[317]. В глазах людей, общавшихся с епископом Стефаном, знавших его праведность, духовную чистоту и прямоту в суждениях, слова его имели силу авторитетного свидетельства.

Отец Сергей Дурылин венчал сестру Ирины Алексеевны Александру Алексеевну и Ивана Фёдоровича Виноградова в их комнате на Маросейке 10 мая 1926 года. Сохранилась фотография, где среди многочисленных гостей рядом с молодожёнами сидят Ирина и отец Сергей в рясе. Наталья Михайловна Нестерова, младшая дочь художника, говорила мне, что в 1945 году Сергей Николаевич тайно венчал её с Фёдором Сергеевичем Булгаковым^[318]. Е. Н. Берковская, частый гость дома Дурылина в Болшеве в 1940-е годы, однажды спросила Ирину Алексеевну, были ли они с Сергеем Николаевичем на заутрене, и услышала в ответ: «А мы дома бываем на заутрене, Сергей Николаевич служит»^[319].

Галина Евгеньевна Померанцева пишет: «Ведь сняв рясу священника, Дурылин не изменил своей сущности. И хотя он пытался уговорить себя, что путь духовного пастыря, с которого его насильственно толкнули, не единственно возможный для него путь, и хотя вера его перед лицом всего происходящего, не столько с ним, сколько вокруг, подвергалась тяжёлому испытанию, он до конца дней своих останется глубоко верующим человеком, живущим по законам Христа. Да и пасторство было его призванием, он и сам осознавал это, только применительно к новым условиям предпочтёт обозначать его в иных терминах — педагогика»^[320].

Можно надеяться, что теперь, после того как открылись многие документы и истина стала известна, перестанет беречь умы легенда о его якобы отречении. Эта легенда стала соблазном для некоторых членов мечёвской общины, прекративших общение с Дурылиным. Знаменательно, что Дурылин отчеркнул на полях следующие строки письма Е. В. Гениевой^[321] от 2 июля 1929 года: «Не находите ли Вы, что просьба Вяземского „опровергать слухи, распространяемые недругами Пушкина“, необычайно действенна сейчас?» Но сам он не занимался опровержением слухов о себе.

Дурылин не был по природе своей ни борцом, ни социально активным, не стремился к карьере, избегал официальных должностей, и если они выпадали ему на недолгое время, стремился поскорее избавиться от них. Его стихией было творчество. Он никогда публично не отрекался от своих убеждений и от друзей, не каялся в своих «ошибках», не подписывал письма «против кого-то».

Писатель Георгий Иванович Чулков посвятил Дурылину замечательные стихи:

О. Сергію Дурылину
Ты не герой, не подвижник, не воин, в боях закалённый, —
Но у тебя, іерей, сердце — как чаша любви,
И на Агапах^[322] блаженных ты первый по праву меж равных.
Земно тебе поклонюсь. Христианин! Человек!
16 апреля 1926
Великий Четверг. Москва.

Георгій Чулков^[323].

Сразу по приезде в Москву — в декабре 1924 года — Дурылин устроился на работу в Государственную академию художественных наук (ГАХН), где учёным секретарём был А. А. Сидоров, а президентом — П. С. Коган. Но приняли только внештатным сотрудником. Дурылин с увлечением отдался работе. Он собирает библиографический материал для «Словаря русских художников» и читает доклады по русской литературе, театру, изобразительному искусству о Гаршине, Гоголе, А. Добролюбове, Леонтьеве, Лескове, Нестерове, Достоевском, актёре МХАТа Артёме и др.^[324] Бывая в Муранове, погружается в тютчевский архив. Иногда водит экскурсии по музею.

Заботы о незавершённых делах в Челябинске не оставляют Дурылина. Два года этой ссылки оказались очень плодотворными. У него была интересная, творчески насыщенная работа. Здесь он реализовал себя как учёный-археолог, этнограф. Такого поприща жизнь ему больше не предоставит. Здесь он пережил большой творческий подъём. Удалось многое сделать для науки и написать свои произведения в прозе и поэзии, в литературо-искусствоведении. Признавался, что в Москве ему никогда не удавалось так плодотворно, созидательно поработать. Кроме того, Челябинск дал душевный покой (несмотря на надзор ГПУ). Определилось его жизненное назначение. Он должен заниматься наукой и творчеством. В Москве его тянет в Челябинск. И его там ждут. Он и едет туда летом 1925 года, уже по доброй воле, участвует в раскопках курганов и читает доклады по результатам раскопок, печатает статьи, собирает материал о крестьянских восстаниях и о декабристах в Челябинском крае.

Ирина Алексеевна поехать с ним не могла из-за болезни: у неё обнаружили туберкулёз, и её лечит доктор С. А. Никитин. Дурылин пишет ей часто. «Не могу я жить один — не могу, не хочу, не в силах... В 40 лет как не желать своего угла! А кто его может мне дать, кроме тебя? <...> Как надоело мне бродяжничество, которое я веду вот уже 11 лет — со дня смерти мамы!» Но и на следующее лето она вынуждена была уехать в свою деревню долечиваться после перенесённого туберкулёза.

КОКТЕБЕЛЬ

Сергей Николаевич лето 1926 года проводит в Коктебеле у Волошина^[325]. Одновременно с ним приехала Елена Васильевна Гениева с детьми. Годом раньше Евгения Александровна Нерсесова — «самый верный и преданный друг» Гениевой — познакомила Дурылина с Еленой Васильевной. И с этого времени ведёт отсчёт их дружба. В 1925–1927 годах Дурылин трижды в неделю бывал в их доме, давал уроки детям, читал вслух произведения русских классиков, стихи свои и чужие. Он очаровал всю семью. А с Еленой Васильевной у них глубокое духовное родство и взаимопонимание. Они «вскипают разговором» о Тютчеве, К. Леонтьеве, Л. Толстом, В. В. Розанове, Гоголе... В Коктебеле Елена Васильевна следит за здоровьем Сергея Николаевича, режимом питания, приёмом лекарств и сообщает о его состоянии в письмах Ирине Алексеевне.

В Коктебеле собралось много знакомых Дурылина: поэты Андрей Белый, С. М. Соловьёв, В. К. Звягинцева, художник А. П. Остроумова-Лебедева, литературоведы и искусствоведы А. Г. Габричевский, А. А. Сидоров, А. И. Ларионов. На вышке волошинского дома они говорят о русской поэзии, читают стихи, слушают рассказы Волошина о гостившем у него в 1924 году Валерии Брюсове. А. П. Остроумова-Лебедева вспоминает, как мистически ей не дался портрет Брюсова^[326]. С. М. Соловьёв донимает Макса своими «католическими зазывами», описывает свой визит в Риме к кардиналу Рамполли. Дурылин вспоминает, как на балконе под серебристыми ветками маслины, «возлежа» на тюфяке и циновке, попивая красное вино с водой и заедая пушистыми персиками, он, А. Г. Габричевский и С. М. Соловьёв вели неспешные беседы и читали стихи. Алексей Алексеевич Сидоров, предавшись воспоминаниям, записал в альбом Сергею Николаевичу стихотворение, которое так и называется: «С. Н. Дурылину».

О, молодость — ты промелькнула гулко
Над зеленеющею новью пар...
...Из Афанасьевского переулка
Мы вышли на Пречистенский бульвар —

Как наше сердце трепетало прежде —
Ты помнишь? Этому шестнадцать лет...

Сегодня сбыться суждено надежде:
Нам отворяет двери Мусагет.

Ты помнишь домик (недалёко Гоголь
Совсем вчера сощурил медный глаз).
Нас влёт туда необоримо строго
Литературной магии соблазн.

Три комнатки квартиры неприметной,
Расписанной под стиль модерн.
Где улыбался нам Эмилий Метнер,
Скептический от теософских скверн;
.....

Не будем приводить здесь всё стихотворение — оно довольно большое. Далее Сидоров вспоминает и студию Крахта на Пресне, и молодых Волошина, Садовского, Элліса. А заканчивает так:

...Шестнадцать лет! На огненной планете!
Столь многих нет — и мнится чудом мне,
Что мы с тобой у Макса в кабинете
Читаем повести о старине.

Должно быть, это судьбы повелели
И думать радостно, что суждено
В благословенно-горьком Коктебеле
Минувшему быть с будущим — Одно!

У Дурылина творческий подъём. Он пишет много стихов, поэтические зарисовки «Старая Москва», шестую тетрадь «В своём углу». Возле него, как везде, собирается молодёжь. Он ходит с мальчиками на дальние прогулки в горы, говорит с ними о том, «о чём когда-то, под другою луною» он говорил с Мишей Языковым, с Колей Чернышёвым. Его редкий дар открывать людям глаза на лучики солнца, которые, как странники Божии, проникают в просветлевшую вдруг душу, давно уже отметил юный Серёжа Фудель.

В это лето Сергей Николаевич подружился с Максом Волошиным, с

которым познакомился в 1912 году в доме М. К. Морозовой. Но тогда Волошин периода его «блужданий» не вызвал симпатию у Дурылина. Теперь же он полюбил его. И взаимно. Их дружба и переписка оборвались лишь со смертью Волошина в 1932 году. А сейчас в Коктебеле Дурылин посвятил стихотворение «этому новому для меня Максу, — мудрецу, поэту, мыслителю, человеку»:

Я знал тебя на севере, где Город,
Юродствуя о дьяволе, стоит,
Где облик человеческий расколот,
Как статуя, о сталь холодных плит.

С тех пор прошло... нет, не пятнадцать лет:
Десятилетий топких вереницы, —
Коль хронологию имеет бред,
И у бесов есть счётные таблицы.

И я пришёл к тебе на юг. Внимаю
Твоим речам и мудрым, и простым.
Смотрю на дом, на книги. И сверяю
Твой новый облик с ведомым былым.

И над тобой, над новым я стою,
Как над осенней плодоносной нивой.
Каким дождём Господь кропил твою
Пшеницу волею многолюбивой!

И, сев приняв, хранил его покоем,
Таил в земле, в сей скрыне глубины,
И для налива — зноил ярим зноем,
И нежил ветром ширь его волны.

И пажить — вот — под золотом густым:
Она питать, не только тешить может,
Как колосом разгульно молодым.
Блажен, кого Господь, любя, умножит

И осчастливит ростом и страдою,
И всходами, и жатвой золотой!

Я, как над нивой зрелой, над тобой
Стою — и радости своей не скрою!

Коктебель, 17. VI

Волошин подарил Дурылину машинописный экземпляр поэмы «Путями Каина» с дарственной надписью: «Милому Серёже, принёсшему мне на-голосок из самых глубоких недр русских пропастей — с братской любовью — Макс. Коктебель, 2 сентября 1926».

Высоко оценил Волошин поэтический цикл «Старая Москва» (не опубликован), где каждое стихотворение посвящено или конкретному лицу, или типу. Эти стихи он читает и перечитывает вслух всем, кто к нему зайдёт. «И каждый раз всё с бóльшим чувством. Есть некоторые строфы (особенно в „Купце“, в „Генерале“, в „Протоиерее“^[327]), которые не могу читать без подступающих слёз. Какая прекрасная и полная книга это будет. „Украдкой грудь крестя прадедовским крестом“ — это одно из самых жгучих для меня мест»^[328]. Одно из стихотворений цикла Дурылин посвятил Григорию Алексеевичу Рачинскому (1859–1939) (который своим студентам казался похожим на Гомера): «В память и благодарность дружбы и единомыслия. С любовью С. Д.»:

В нём летопись преданий всех московских,
Страница за страницей, вплетена
В живую повесть мнений философских
И анекдотов от Карамзина
До Брюсова и Мережковских.
.....
И головою с бобриком седым
Поникнув над мистическим трактатом,
Как часто кажется он молодым
И каждому, — по музе, — братом.
Всё старилось с годами перед ним,
Всё молодое: Брюсов, Белый, Эллис, —
Лишь молодо под солнцем молодым
Его седины снежные белелись!^[329]

Когда в 1927 году в Москве открылась персональная выставка

акварелей Волошина, Дурылин по его просьбе выступил на вернисаже с докладом о его творчестве «Киммерийские пейзажи М. Волошина в стихах»^[330]. Он проанализировал и поэтические, и живописные творения и, в частности, развил признание самого поэта: «Мои стихи о природе утекли в мои акварели». «Собрание сочинений Максимилиана Волошина, — сказал Дурылин, — было бы полным в том случае, если б страница стихов чередовалась со страницей его рисунков». Волошин подарил Дурылину своё стихотворение, переписав его на акварельный рисунок, на котором изображены дом поэта, Карадаг и коктебельский залив, освещённый луной. «Милый Серёжа, — написал он, — позволь мне посвятить тебе это стихотворение, написанное воистину „на дне преисподней“ — в 1921 году в Феодосии:

Я не сам ли выбрал день рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?
Апокалипсическому зверю
Вверженный в зияющую пасть,
В скрежете и в смраде — верю!
Верю в правоту верховных Сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: Ты прав, что так судил!
Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия...
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи! — вот плоть моя...»^[331]

Особенно тесно Сергей Николаевич общается в Коктебеле 1926 года с Сергеем Михайловичем Соловьёвым. Дурылин относится к нему с тёплым участием. Сожалеет, что тяжело ему жить, так как «ему скучно, если никто не говорит о своих „верую“, и он рвётся в бой, вызывая на прения — мечи камни из пращи своего собственного „верую“. Меняя „верую“ славянское на „credo“ латинское, потом латинское — на славянское, наконец, опять славянское — на латинское, — он погубил этим „credo“ в себе поэта. <...> Каждый стих его теперь — „верую“, каждое слово „credo“»^[332].

У Волошина Дурылин познакомился с художником Константином

Фёдоровичем Богаевским, который жил в Феодосии и пешком приходил к своему другу Волошину. С его картинами Дурылин был знаком раньше по выставкам и восхищался ими. Теперь его очаровал сам художник. «В Богаевском есть тот долгий и мудрый настой тишины, который делает глубоким искусство и душу художника. <...> Это один из тишайших людей, которых я только видел <...> и вместе с тем это — „взыскательный художник“, самый строгий судья своего искусства, — притом не выключаящий из объектов этого суда и души своей. <...> Дело в том, что он не пишет „с натуры“, что всё на его вещах: горы, море, небо, деревья — созданы им в его собственные шесть дней, правда, из материалов библейского шестидневства. <...> Крым Богаевского — трагический, царственно-пустынный, героически-безмолвный, страдальный и прекрасно-умирённый надзвёздным покоем неба, — вечен. Богаевским провидено некое лицо земли, верный образ „её самой“, — прекрасное, царственное лицо...»^[333] Дурылин мечтал написать книги о Волошине и о Богаевском, собирал материал, но... всё сгорело в Киржаче при пожаре в 1933 году.

«ТЯЖЁЛЫЕ ДУМЫ»

В ноябре 1926 года Дурылин во второй раз увидел главную картину Нестерова «Христиане», или «Душа народа» — именно так художник называл в то время картину, которая сейчас называется «На Руси». Её выставили на несколько дней в библиотеке Музея изящных искусств имени императора Александра III^[334] для фотосъёмки, и только близкие художнику люди могли увидеть её. Картина не была подписана, и Нестеров, присев на корточки, подписал по-славянски своё имя и дату 1914–1916. Обсуждали название. Каждый предлагал своё — о. Павел Флоренский, Новосёлов, толстовцы. Нестеров полагал, что его замысел точно выражают слова из Евангелия от Матфея: «Аще не обратитесь и не будете, яко дети, не внидите в Царство Небесное». И он собственноручно написал на картине этот текст. (По другим сведениям, текст написал П. Д. Корин.) Зрители смогли увидеть картину лишь через 20 лет после смерти художника на юбилейной выставке к столетию Нестерова в 1962 году. А до этого она была под запретом, музеи не решались её купить, на выставки не брали. Сейчас она в экспозиции Третьяковской галереи, слов из Евангелия на ней нет. Первая встреча Дурылина с опальной картиной состоялась в январе 1917-го. Закончив картину, Нестеров показывал её узкому кругу знакомых. Об этом визите Нестеров пишет своему другу А. А. Турыгину. У Михаила Васильевича в мастерской на Новинском бульваре в доме князя С. А. Щербатова «была группа религиозно-философского кружка: С. Н. Булгаков, о. Павел Флоренский, В. А. Кожевников, М. А. Новосёлов, кн. Е. Н. Трубецкой, С. Н. Дурылин и другие. Перебывало немало и духовных лиц»^[335]. «Первое впечатление было полнейшей неожиданности, — вспоминает Дурылин. — Здесь был какой-то новый Нестеров, новый не в основе своей, а в каком-то новом качестве, в ином своём свойстве. <...> Душа русского народа, принявшая в себя Христа, — это и есть „Душа народа“ картины Нестерова, вобравшей в себя его заветные раздумья над смыслом русской истории и существом русского народа»^[336].

Важным событием ознаменовался для Дурылина 1926 год — М. В. Нестеров написал его портрет, который задумал ещё четыре года назад. Арест и ссылка Дурылина отодвинули осуществление замысла. Карандашный портрет 1922 года не удовлетворил художника, так же как и новый эскиз декабря 1925-го. Через месяц он начал портрет маслом. Три сеанса ушли на поиск места и позы. «Боязнь дать второго Флоренского»

диктовала художнику отстранение от всего, что его напоминало бы. «Есть в лицах какое-то сходство и без того», — сказал Нестеров. Пришлось отказаться от идеи писать в Музее дворянского быта 40-х годов в доме А. С. Хомякова на Собачьей площадке. Очень живописно было бы: чёрное на зелёном фоне гостиной с бронзовым канделябром на столе и портретом Гоголя в золотой раме над столом. «Нельзя, — решил Нестеров, — ложное впечатление будет». И портрет был написан на квартире художника-графика А. И. Кравченко. Дурылин в рясе с наперсным крестом сидит за столом на фоне полки с книгами в самой простой позе. Но она согласовывалась с тем обликом, который художник запечатлел на холсте. На столе, прижатый рукой, чистый лист бумаги. Лицо сосредоточенно, взгляд задумчивый. Закончив портрет, Нестеров сказал Дурылину: «Мы ведь с вами сейчас на равных тяжело переживаем наш творческий путь. Назову его „Тяжёлые думы“»^[337].

«Я тогда уже не носил рясы... — объяснил Сергей Николаевич Сергею Фуделю в 1945-м в Болшеве, показывая ему портрет, скрытый от посторонних глаз под белым холщовым чехлом и задвинутый за спинку дивана. — Но Михаил Васильевич заставил меня ещё раз её надеть и позировать в ней»^[338]. Нестеров был очень принципиальный и независимый художник, поэтому ни за что бы не стал писать портрет священника, зная, что тот таковым уже не является.

И портрет, и его название отражали душевное состояние Дурылина. Это было время тяжёлых раздумий о дальнейшей участи, о пути, который оставила ему судьба, о своём месте в этой новой жизни и о себе самом: кто он теперь. Приходилось учиться жить «под тенью века сего». Не было наставников — старцев, с которыми привык советоваться, согласовывать все важные решения. Не было поприща для служения Богу. Преподавать? Но духовные училища закрыты, Закон Божий отменён. Да и ГПУ не могло забыть о его существовании. «Ощущаю удивительную ненужность себя». Религиозный аспект в его занятиях Гоголем, Лесковым, Достоевским, Лермонтовым, Леонтьевым, Толстым теперь закрыт.

В марте 1926-го Сергей Николаевич записывает: «Каждое утро, просыпаясь, твердишь одно, — то, что переведено Тютчевым в 1855 году:

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть».

[«Из Микеланджело»]

Зимой 1926/27 года Дурылин читал много докладов, лекций^[339], выправил свою статью-исследование «Александр Добролюбов», подписал её псевдонимом С. Раевский. Написал статью «Бодлер в русском символизме» и посвятил её памяти К. Ф. Крахта. В эту зиму Дурылин часто бывал у Нестерова, видел Михаила Чехова в «Ревизоре», слушал Баха, Н. Метнера. На своих выступлениях познакомился с А. А. Яблочкиной, А. А. Бахрушиным, Л. Я. Гуревич и другими деятелями культуры. Был на выставке Ал. Иванова, вновь пережив изумление перед «Явлением Христа народу», перед величайшей трагедией Богоявления, перед встречей Извечной Тишины с шумом истории. Считал, что картина эта до сих пор не понята. Христос Иванова, Единственный не-иконный и не-фресковый Христос, которого Дурылин любил. «Как тих Он и как тихо вокруг Него! Пустыня, даль, небо! — И смотрите, как ещё мало людей, но как уже шумно там, у берега Иордани: в зёрнышке — здесь вся история, всё, что будет впереди: и воины (государство), и первосвященники, и пророк, и чернь, и имеющие уши и неслышащие, и имеющие уши и слышащие, и все возрасты: вся история в зёрнышке, и это зёрнышко уже шумит. Пусть многие из этого шума признают и возлюбят грядущую к ним Тишину (Иоанн и др.), — но Тишина эта несёт в мир ещё больший шум, ещё историчней, т. е. шумливей сделает Историю и в ответ на „не мир, но меч“, несомый этою Тишиною, из зёрнышка вырастет целый лес копий и мечей. Шум истории почти задавит тишину, принесённую в мир, — и люди побегут её искать снова в пустыню, откуда изошла она на картине Иванова»^[340].

На Рождество под ёлкой вспомнил стихотворение К. М. Фофанова:

Ещё те звёзды не погасли,
Ещё заря сияет та,
Что озарила миру ясли
Новорождённого Христа.

И загрустил: «Приходится защищать даже то, что в яслях действительно лежал Христос, — и как тускло, бедно, бездушевлённо это делают те, кто должен это делать! (Сегодня — проповедь за обедней.)»^[341]. Поразило его, что милостыню уже не просят Христовым именем, а вместо

— «Подайте, Христа ради» — произносят какие-то общие пошлые фразы: «Гражданин, будьте так любезны, помогите на хлеб бедному человеку».

Дурылин ходит на службы в церковь и с грустью наблюдает, как «тает» христианство в России. «Не только снег тает. Всё тает. <...> Христианство не догорело и чадит, — как думал Василий Васильевич [Розанов]. — Оно не коптит. Оно тает. От лучей какого же солнца? О, как страшно! <...> Тает и в городе, и в деревне, на холмочках, даже в глубоких ложбинках... Всюду тает...» На Рождество в Муранове в церкви было всего восемь человек. На Пасху мало звонили. В день памяти Сергия Радонежского не было службы. Что же случилось? «Ничего не случилось, — отвечают батюшки. — Просто пришли большевики, а то всё было бы хорошо». «Говорить, что „всё от большевиков“ — значит утверждать, что зима пришла оттого, что снег пошёл», — записывает Дурылин «В своём углу». «Нет, — наоборот, снег пошёл оттого, что зима пришла. <...> Вместо жилого дома с огнём печей, с теплотой стен, с детской, спальней, столовой, с чистым „красным углом“ для Бога, но и с „уголками“ для книг, картин, для рояля и даже для игрушек, — вместо жилого дома они построили ЛЕДЯНОЙ ДОМ христианства. Мудрено ли, что, озябнув, все разбежались из него?» Он делает вывод: атеизм оттого, что Бог остался только в «специальных местах» — храмах, часовнях, в духовных книгах, в проповедях батюшек. А прежде был всюду: в природе, культуре, искусстве, театре... Но не все бывают в «специальных местах» и остаются без встречи с Богом. «Вот — колыбель умственного и душевного атеизма», — заключает он. И вспоминает программу вечера в память Достоевского в Академии, когда актёры 2-го МХАТа читали разговор Хромоножки и Шатова (о «Земле, — закате, — и „Богородица что есть“»), рассказ Мармеладова, спели молебен; прославили Христа и Богородицу с Отче наш в конце, произнесли поучение об Антихристе и построении им царства века сего. И всё это в переполненном зале, во всеуслышание. «И „сколько добрых чувств“, сколько религиозных волнений <...> сколько тайных воспоминаний христианских отзвуков, припоминаний, мыслей — возбудили они в слушавших своим театральным „молебном“. „Нет! Нехорошо! Театр — пустое лицедейство! Грех!“ — говорил ревнивый батюшка с университетским значком»^[342]. В 1926 году, перечитывая стихотворения А. К. Толстого, которого открыл для себя в 1908 году, ощутив тогда «чистое волнение, прямое ощущение бессмертия души», Дурылин «грустно изумлён»: «Та юная весть о бессмертии души, полученная от второстепенного поэта, из немногих стихов, оказывается *полнее, чище и свежее*, чем та, которую получил я за протёкшие 19 лет — от

„специалистов“ по передаче этой вести»[\[343\]](#).

НОВЫЙ АРЕСТ

Новый арест Дурылин считал неизбежным. Он и последовал 10 июня 1927 года. «То, что случилось, было суждено, — пишет он Е. В. Гениевой из Новосибирска. — Это ясно. <...> И эта неизбежность чувствовалась во всём, что было и переживалось дальше. Я несколько раз в жизни испытывал, что вот кончается не страница, а глава из книги моей жизни и вопреки всей моей воле начинается новая. Теперь чувствую, что уже не глава, а целая *часть* (последняя ли, предпоследняя ли — не знаю) этой книги начинается, — а предыдущая закончена»^[344].

Новая часть жизни Дурылина начиналась в Бутырской тюрьме.

Ещё в начале июня 1927 года он с Ириной Алексеевной был у Волошина в Коктебеле. Но вдруг сорвался в Москву, узнав из газет (так это объясняет Волошин^[345]) об убийстве в Варшаве советского дипломата П. Л. Войкова. Какое отношение это убийство могло иметь к Дурылину, пока не ясно, ни в каких известных источниках упоминания об этом нет. Можно предположить, что Дурылин предвидел следовавшие за убийством Войкова обыски и чистки и торопился в Москву, чтобы уничтожить находящиеся в его комнате опасные бумаги. Арестован он был в день приезда в Москву.

Свой сорок первый день рождения Дурылин встретил в Бутырской тюрьме. Здесь он написал первое стихотворение, посвящённое Ирине Алексеевне: «Сентябрь золотоносный, месяц мой, / Ты в сорок первый раз взгрустнул надо мной...»^[346]

В. Г. Макаров, опубликовавший документы ОГПУ из архива ФСБ, касающиеся арестов С. Н. Дурылина, считает, что поводом для ареста Дурылина в 1927 году послужило его знакомство с В. В. Розановым. В тексте предъявленного Дурылину обвинения 10 августа говорится, что он, «имея отношение к руководителю антисоветской группы почитателей писателя Розанова, Леману, давал последнему справки и устные сведения о настроениях, взглядах Розанова и его биографии; сам же Дурылин пропагандировал некоторые моменты из учения Розанова, являющиеся, несомненно, контрреволюционными». Макаров сообщает об аресте почти одновременно с Дурылиным ряда лиц, обвинённых в причастности к тайному религиозно-философскому обществу «Братство Серафима Саровского», основанному С. А. Аскольдовым в 1923 году. В круг интересов этих людей входило творчество В. В. Розанова и учение Н. Ф.

Фёдорова.

По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ (статья 58.17) от 16 сентября С. Н. Дурылин выслан из Москвы в Сибирь сроком на три года, считая срок с 10 июня 1927-го. И направлен на поселение в Томский округ.

Когда Дурылин был уже в ссылке, в ОГПУ продолжали поступать доносы на него с обвинениями в контрреволюционных настроениях. Видимо, это явилось причиной сурового отношения к нему местных органов ОГПУ, не дававших ему возможности поступить на службу и иметь в ссылке свой заработок.

В показаниях В. Д. Сысоева от 25 февраля 1928 года по делу «Эмеш Редививус»^[347] о Дурылине говорится: «...безусловный монархист, ярый противник советской власти, который неоднократно называл большевиков „бандитами“ и „грабителями“, а на панихидах долгое время после революции поминал „православных воинов, за веру, царя и отечество убиенных“. Был в ГПУ и два раза выслан. Кажется, и теперь в ссылке. Он имел связь с кружком Бердяева на Арбате в доме Бердяева (дома не помню), где собиралась интеллигенция для разных вечеров и докладов. Я один раз был там с Дурылиным на его лекции о смерти Розанова и встретил там Андрея Белого. Доклад этот был личным впечатлением о Розанове, его жизни и смерти».

В ссылку до Новосибирска Дурылина отправляют этапом. Сын Екатерины (Рины) Нерсесовой Георгий Борисович Ефимов, в то время мальчик, вспоминает разговоры взрослых в семье, как они беспокоились за Сергея Николаевича: как же он, «такой беспомощный, близорукий, почти слепой доедет в теплушке с уголовниками. Узнали место и время отправления, пробрались на запасные пути, передали в окошко припасы на дорогу. А он, близоруко выглядывая в окошко из-под крыши, крестил их. Бог помог, всё обошлось благополучно. Всю дорогу Сергей Николаевич читал своим спутникам наизусть Лермонтова, Некрасова, и они его в обиду не давали, „носили на руках“»^[348].

Этап имел остановки в Перми и в Омске. Ирина Алексеевна и на этот раз поехала за Сергеем Николаевичем в ссылку, помня наказ Батюшки: «Поезжай с ним, помоги ему, он нужен народу». Она едет в Новосибирск и там ждёт Сергея Николаевича. А он не попал в первую партию этапиремых из Омска в Новосибирск и, сообщая Ирине открыткой от 19 октября 1927 года о непредвиденной задержке в пути ещё на неделю, просит прислать ему пять рублей по адресу: Омск, Трудисправдом,

пересыльному Дурылину, а в Новосибирске сразу же добиваться свидания с ним. Переписка была под контролем тюремного начальства, и в открытке Дурылин называет Ирину женой. На открытке поперёк текста росчерк: «Просмотрено» и подпись.

И на этот раз после ареста друзья сразу принялись хлопотать, стараясь облегчить участь Дурылина. И в первую очередь ПОМ ПОЛИТ — Политический Красный Крест — Е. П. Пешковой. Но результаты на сей раз были не так удачны.

Архитектор А. В. Щусев дал Ирине Алексеевне письмо к своему знакомому начальнику новосибирского отделения ГПУ с просьбой перевести сразу же Дурылина из Новосибирска в Томск, так как там была фундаментальная библиотека, где Дурылин мог бы заниматься. Перевод был оформлен оперативно. Переждав дни праздников, получили документы и вечером 8 ноября выехали поездом в Томск.

В своих воспоминаниях Ирина Алексеевна описывает, как в пути загорелся их вагон и в суматохе переселения в другой вагон у Сергея Николаевича вытащили документы. Она стала кричать: «Не поднял ли кто документы на имя Дурылина?!» А он сидел бледный и молился. Документы им подбросили.

ТОМСКАЯ ССЫЛКА

За пять месяцев тюрьмы и этапа здоровье Дурылина сильно ухудшилось — сдало сердце, уши болели и глохли, прицепилась ангина. Но бодрости духа он не утратил. А любви к людям после пережитого прибавилось. Столько неожиданного тепла и внимания он видел за эти месяцы от окружающих его на этапе «племён, наречий, состояний»^[349], что «душа отказывается судить: ей проще и веселее <...> принимать бытие и бытующих, зная, что отпущено им „быть“ благою мерою...». Он просит Елену Васильевну Гениеву, переписка с которой в томский период была особенно оживлённой, передать дорогому Сергею Михайловичу Соловьёву, что «ещё ближе стал к нему, к тому нашему с ним убеждению, что „любовь“ в наши дни по преимуществу должна „долготерпеть“ и ширить свой охват людей, а не блюсти стенки перегородок и углов»^[350].

Дурылин знает, что его переписка проверяется. Поэтому он сразу предупреждает догадливую Елену Васильевну, что ждёт писем «строгих по стилю и продуманных по изложению». И перечисляет темы, на которые можно писать: об Академии, об искусстве, о книгах, о выставках, о театре. В следующем письме напоминает: «Ваша подпись будет „Е. Г.“. Я люблю строгий эпистолярный стиль. Держитесь его». И через несколько дней опять: «Стиль писем должен быть строгий и точный: я очень строг к чистоте эпистолярного стиля. Это требование ко всем, кто будет писать ко мне». Письма С. М. Соловьёва просит подвергать предварительной цензуре. Гениевы приютили опального С. М. Соловьёва. Им интересуется ГПУ (в 1931-м он будет арестован). Дурылин призывает Елену Васильевну к осторожности: «Так как у Вас живёт мой alter ego, то посылайте деньги лучше не от себя, а от Эмили Ивановны, например, или от моего брата». И впредь, оберегая Елену Васильевну от излишнего внимания ГПУ, письма к ней будет направлять на другие адреса: то А. А. Виноградовой, то Л. А. Хренниковой, то П. В. Митрофановой. Часть писем удавалось отправить с оказией, тогда они были более откровенными. В августовском письме 1929 года Сергей Николаевич пишет ей: «...единственный способ жить и выехать когда-нибудь из нея [ссылки] — это молчать, молчать, молчать (в самом буквальном смысле слова). В сущности, даже и в письмах у меня — на ½ молчания»^[351].

Борис Пастернак, отправляя Дурылину письмо в Томск, тоже беспокоится о его безопасности: «Дорогой мой Серёжа! <...> Не сердитесь

на меня за мои неполные, недоговорённые письма: я готов всю силу нынешней подозрительности, видящей часто то, чего нет, целиком принять на себя. Но мысль, что каким-либо своим движением я могу навлечь её на Вас, меня парализует»^[352]. М. В. Нестеров пишет «редко и боязно». С композитором Николаем Карловичем Метнером, который живёт во Франции, переписывается через Пантелеймона Ивановича Васильева, ученика Н. К. Метнера и друга Дурылина, и письма передаются с оказией.

Музыку Метнера Дурылин ценит очень высоко. В 1929 году он пишет композитору: «Вы воскрешаете Пушкина и Тютчева в их подлинном бессмертном звучании. Вы обрываете в музыке „лирическое волнение“, ответное *их* „лирическому волнению“ в поэзии, — и, помутневшая и оглохшая, но всё ещё живая, наша

Душа стесняется лирическим волненьем
И жаждет наконец

сбросить с себя муть бывания и прорваться к высокому и подлинному Бытию. Я не умею лучше и точнее выразить того, что получаю я и многие другие от Вашей музыки, и в особенности от Ваших песен. Это — *освобождение*. Вот, в одном слове, то, что мы получаем от Вас»^[353].

В Томске пришлось жить в тяжёлых условиях. Жильё найти было трудно. За три года поменяли несколько адресов, спасаясь от сырости и холода. Первые три месяца комната была не только сырая и холодная, но и «с духотой нестерпимой и грязью неуничтожаемой», да ещё драками за стеной у хозяев. В следующей комнате к зиме выяснилось, что снег задувает внутрь. С хозяевами часто не везло. Однажды Сергей Николаевич и Ирина Алексеевна, расчистив от грязи и мусора под окнами участок земли, посеяли злаки. Но на молодые всходы соседи выпустили кур, и те погубили зелень. Повезло с хозяином-огородником. Бывший бухгалтер, он на пенсии занялся огородом и снабжал овощами постояльцев. К тому же он был интересным собеседником, играл на клавесине.

В томской ссылке Дурылин больше всего страдал от холода и часто болел. Е. А. Нерсесова, Е. В. Гениева, Т. А. Сидорова присылали ему гомеопатические лекарства, мази, рецепты лечения народными средствами. По их совету он пьёт чесночные капли и видит пользу от них. Из письма С. А. Никитина С. Н. Дурылину: «В скором времени я пришлю посылку с медикаментами для И[рины] А[лексеевны] и Вас, т. к. высылать рецепты неудобно, а кроме того — может быть, в аптеках у них не всё есть. Так

будет вернее»^[354]. (Ирина Алексеевна не до конца еще оправилась после перенесённого туберкулёза и тоже часто болела.) Е. А. Нерсесова, С. А. Никитин и другие друзья отправляли в Томск и посылки с продуктами.

Все труды по налаживанию быта, по лечению Сергея Николаевича взяла на себя Ирина Алексеевна. Она утепляла жилище, как могла, сама шила одежду, сколачивала полочки для присылаемых друзьями книг, бегала по городу в поисках писчей бумаги, пряла на самодельной прялке шерсть для носков и варежек; для ежегодно устраиваемых рождественских ёлок сама вырезала из дерева Деда Мороза. О себе заботиться было некогда. Да она и не заботилась никогда, целиком посвятив себя, свою жизнь Сергею Николаевичу. Спала она на столе, так как вторую кровать поставить было негде. В Рабкоопе ей выдали членскую книжку, по которой можно было получать некоторые продукты. Но хлеба давали не более килограмма, да и то надо было ловить часы и место, где его получать. Сергея Николаевича в её книжку не вписали. Первые два месяца у них было по 20 копеек на день. Дурылин просит прислать с приезжающей к нему в Томск К. П. Зиминной (Капу)^[355] серебряные ложки и гранатовую брошку его мамы. Их придётся продать, если настанет «минута жизни трудная».

Из воспоминаний Ирины Алексеевны: «Базар! Одним словом базар: чего, чего только нет! На рубль купила все хозяйственные вещи — плошки, ложки и т. д. Надо и на обед что-то купить. — „Продайте мне кило капустки свежей“. — „У нас на кило не продаётся“. — „Ну, дайте мне маленький кочанчик“. — „Возьми“. И подаёт мне кочанчик кило на полтора. — „Сколько же мне вам заплатить?“ — „Нисколько“. — „Как же так?“ — „Возьми и иди с Богом“. — Поблагодарила и пошла в недоумении: что это значит? — „За две морковочки сколько вам заплатить?“ — „За сколько?“ — „За две морковки“. — „Ничего, возьми так“. — „Да как же?“ — „Ну, что я с тебя возьму!“ — <...> — Да что это: я не так спрашиваю, что ли? Я ведь не прошу, а купить хочу. <...> Подхожу к вороху рыбы. Какой только нет рыбы! Теперь-то с меня деньги возьмут вот за этих карасей. — „Хозяин, сколько стоят вот эти два карася?“ — „А ещё что вам надо?“ — „Вот этой рыбки для ухи на двух человек“. — „Куда вам всыпать? Дайте сумку“. — „Вот в сетку“. — „Держите“. Берёт совок, зачерпнул целый, всыпал чебаки, с четверть величиной каждая рыбка, ещё 2 больших карася кладёт и говорит: „5 копеек“. — „Спасибо вам“. — „Кушайте на здоровье“. — „С барышом вам торговать“. Полны сумки, а у меня ещё 15 копеек осталось. <...> Обед подаю: уху, жареного карася, пирожки к ухе. Сергей Николаевич руками разводит: „Откуда это всё?

Сколько же ты денег истратила?“ — „15 копеек, а покушаешь, расскажу“. Сначала он подумал, что я заработала как-нибудь, как это случилось в предыдущий раз, когда я помогала собрать рассыпанные овощи и заработала рубль. Когда я рассказала, Сергей Николаевич говорит: „Ну, я с тобой голодный не буду. Я это теперь знаю“. Я же так и не понимала долгое время, почему это так произошло. Потом уж поняла, что для них такую маленькую порцию, как я спрашивала, дороже было вешать, чем так дать. А потом видели, что я приезжая, а в то время было таких много»^[356].

Ссылному Сергею Николаевичу надо было каждый день ходить на регистрацию в местный отдел ОГПУ за четыре версты. В письмах он называет это «официальный визит в центр». Жили они на окраине города. Через месяц он заболел и еле дошёл до дома. Ирина Алексеевна выхлопотала разрешение ходить раз в неделю, а через три месяца — в месяц раз.

У Сергея Николаевича с работой ничего не получалось. Ректор университета и директор фундаментальной библиотеки при университете предложили ему работу, не связанную с «читателями» и «идеологией», — заведующим кабинетом гравюр. Но, проконсультировавшись «где надо», вынуждены были отказать «по причинам, от библиотеки независимым». Дурылин понимает, что эти «независящие причины» встретятся всюду, куда бы он ни «ткнулся». А «ткнуться» ему было больше некуда: в двух музеях нет даже надежд на вакансии. К тому же один из музеев связан с университетом. У Сергея Николаевича не осталось даже надежды «получить место и на него жить». Так «политически неблагонадёжного» Дурылина лишили всякой возможности зарабатывать себе на жизнь. Он стал иждивенцем, для него это мучительно. Конечно, друзья и духовные дети не оставили его в беде. И в первую очередь Е. А. Нерсесова и Е. В. Гениева. Они понимали, как ему трудно обращаться за материальной помощью. Догадывались, что он занижает суммы, необходимые ему для выживания, поэтому сами, применив «организационный гений» Евгении Александровны и хозяйственную сметку обеих, рассчитали его потребности и свои возможности и положили себе за правило непременно ежемесячно высылать твёрдо установленные суммы, чтобы он был уверен в их получении и мог планировать свои траты. Они просят Сергея Николаевича не назначать никаких условий и сроков их отдачи, так как любят его без всяких расчётов. «Отблагодарите нас лучше спокойным сном, отсутствием сердечных припадков, умеренной толщиной и надеждой на благополучную встречу».

Екатерина (Рина) Нерсесова из своего первого заработка прислала пять

рублей. Б. Пастернак прислал 25 рублей. Помогали и Нестеровы. Ирина Алексеевна ежемесячно получала от сестры Шуры 20 рублей. Эти деньги уходили на оплату жилья, света, врачей, покупку дров, мыла для стирки, еды... А вот два тулупа смогли купить, когда Дурылин получил гонорар за воспоминания о Толстом. Старый друг Н. Н. Гусев, директор музея Л. Толстого в Москве, заказал ему эти воспоминания для юбилейного сборника. Тулупы «имени Толстого» позволили выходить из дома в морозы. На «свои», полученные из страховой кассы деньги Ирина Алексеевна выписывала газеты для Сергея Николаевича: «Вечернюю Москву» — чтобы узнавал московские новости, и «Известия».

Концы с концами сводить удаётся еле-еле. Дурылина тяготит отсутствие своего регулярного заработка. Гонорары редки и малы. Берётся за любую работу. По заказу университета разрабатывает программы годовичных курсов. Гонорар настолько ничтожен, что оскорблённая за Сергея Николаевича Ирина Алексеевна уговаривала совсем от него отказаться. Для какого-то инженера Дурылин пишет о содовых болотах в Сибири. Пишет статьи для «Сибирской энциклопедии». Небольшие статьи и рецензии публикует в местных журналах и газетах. Для постановки в театрах Сибкрая делает инсценировку «Мёртвых душ» Гоголя. В 1928 году в «Мурановском сборнике» напечатаны три статьи Дурылина, подписанные «С. Д.», в 1930-м в Москве вышла книжка «Сибирь в творчестве В. И. Сурикова».

Для души пишет «в стол» рассказ «Николин труд», хронику «Колокола», «Чертог памяти моей. Записки Ельчанинова», воспоминания об отце Алексии Мечёве, о Москве конца XIX века, стихотворение «Никола на Руси» и др. Собирался писать воспоминания о Брюсове, «но как-то расхотелось».

Продолжает и свою главную книгу «В своём углу». Шесть тетрадок из четырнадцати он напишет в Томске. Напоминающее по форме «Опавшие листья» В. В. Розанова, это произведение оригинально по выражению мыслей и самим мыслям. Тут «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы», — сообщает он Т. А. Сидоровой. Эту книгу Дурылин писал восемь лет. Начал в августе 1924 года в челябинской ссылке, закончил в сентябре 1932-го в Киржаче. И только в 1939 году в Болшеве подложил листки с записями бесед с Нестеровым. В 1940-х годах просмотрел тетрадки «своего угла», вписал несколько заметок-комментариев к тексту, но ничего не исправил, не изменил, оставил как документ времени. В ссылке он, оторванный от активной московской жизни, «думает, думает, думает». И вспоминает.

«Свой угол» — это место, куда можно спрятаться от внешнего мира, захватив с собой духовно родных ему людей, маму, воспоминания детства, всё, что вспомнилось, подумалось, увиделось. Это и свой угол зрения на историю литературы, на писателей и раздумья о «промысле литературы». Это размышления о белом и чёрном духовенстве, о старчестве, о славянофилах и своё объяснение отрицания Л. Толстым всего внешнецерковного в христианстве. Это тихая радость в Светлое Воскресение и «Христос Воскресе» родным могилушкам, это радость от белого пушистого снега и общение с любимым котом как с мыслящим существом. Это думы о Боге, о своём страстном желании всегда быть с Ним, ощущать Его в себе. «Я ничего не мог бы сказать полнее и точнее, если б стал писать о себе, чем сказано там», — пишет Дурылин Гениевой, отсылая ей с оказией на хранение очередную тетрадку^[357].

«В своём углу» — это «запись самого пульса эпохи, неретушированная история духовных странствий человека, попавшего, вместе со всем своим поколением, под безжалостное колесо революций и войн. История одного из детей „страшных лет России“, его метаний, преодолений, обретений и потерь, его очарований и разочарований, написанная им самим с предельной искренностью». «Во многом эта книга разговор с самим собой. И о себе. Попытка понять себя, незнаемого. Осмыслить то, что с ним произошло, что свершилось в нём самом и ещё продолжало мучить и жечь своей нерешённостью и неоконченностью. И как следствие этого, в ней — перепады настроений и неоднозначность оценок, смена плюса на минус и обратно». Книга подводила черту «под самым трудным, духовно напряжённым периодом жизни Дурылина, предшествующим болшевскому, когда его жизнь круто изменила свой ход и пошла, прокладывая себе ещё одно, новое русло...». Так охарактеризовала книгу Галина Евгеньевна Померанцева — автор прекрасной вступительной статьи «На путях и перепутьях», содержащей огромный материал о Дурылине^[358].

«Свой угол» предназначался лишь для себя, не для печати. Отсюда его исповедальность и отсутствие самоцензуры. Одиннадцатую тетрадь предваряет ремарка: «Не предназначается ни для одного читателя, кроме автора. Никогда никому не читано, не было читано и не будет читано. Всё равно, что не написано, всё равно, что в голове автора». И всё же через несколько страниц Дурылин делает оговорку: «..всё-таки хотелось бы, чтобы это прочитали Ирина [Комиссарова], Мих. Вас. [Нестеров], Коля [Чернышёв], Елена Вас. [Гениева], Серёжа Фудель». Вот пять человек, самых близких, которые всё поймут и всё простят. И один читатель уже

есть. Все тетрадки «Своего угла» Сергей Николаевич отправляет из Томска Елене Васильевне Гениевой. Она их первый читатель и первый критик. Она же хранитель его архива в период томской ссылки. По его просьбе Елена Васильевна собрала у себя его библиотеку, рукописи и архивные материалы, часть вещей и мебели. Всё это было из-за его кочевой жизни разбросано по разным домам друзей и родственников. Даже в 1933 году книги его всё ещё разбросаны по трём городам и, по крайней мере, по десяти местам. Но всё цело, и он помнит, у кого что хранится. Теперь она его главный душеприказчик. К ней в архив он отправляет с оказией всё, что выходит из-под пера. И ждёт её всегда умных, глубоких и нелицеприятных отзывов. Рассказ «Николин труд» она подвергла критике. А «В своём углу» оценила очень высоко. «...Я не ожидала такой напряжённости боли, одиночества и обнажённости тончайших слоёв души. <...> После этого чтения слишком думается. <...> Вы не сын Василия Васильевича. У Вас совсем нет вывороченности всего наружу, Вы по-другому интимны. <...> „7 пятниц на неделе“ Вас[илия] Вас-ча для Вас не нормальное явление, а „чертогон“, который вообще не входит в Вашу обычную <...> очень тонко интеллектуальную жизнь»^[359]. Дурылин благодарен ей за понимание: «Об „Углах“ моих Вы пишете так, как никто бы не сказал о них. Вы поняли в них самое главное, — и ради него простите всё боковое»^[360].

В Томске Дурылин часто вспоминает Оптину пустынь, старцев. Щемящей грустью, душевной болью пронизаны его записи:

«3 июля. День иноческих именин старца іеросхимонаха Анатолия (мирские именины были 30 августа — Александра Невского). Восемь лет нет его на земле. И как много „нет“ вмещается в это одно „нет“: нет уж и его монастыря, нет и его могилки, нет и возможности упасть на неё и плакать. <...> Нет и многих, многих из тех, кого он любил, благословлял, направлял. Нет, быть может, уж и того народа, который шёл к нему и к тем, кто на том же месте был прежде него. Сколько „нет“ — в одном „нет“!! А для меня, лично для меня — какая цепь „нет“, тяжких, давящих меня „нет“ в одном только, в простом „нет“: восемь лет нет на земле отца Анатолия. И какое, тем не менее, ЕСТЬ, великое ЕСТЬ сияет из всех этих „нет“, личных моих и не-личных!»^[361]

«Отец Феодот, уставщик Оптиной пустыни (жив ли он?), был умный и строгий монах. В 1917 и 18-м гг. я много беседовал с ним. В его келье было чисто, до тонкости чисто, прибрано, светло, — но изгнан „уют“, была келья, а не комната. <...> Разговор строгий, без шуток, без „быта“, но

умный, без „параграфов“, без общедоступных поучений. <...> Он был создание Оптинской культуры. Умные, голубые, крупные глаза — с грустью, с облачком, а не с пыльцой. Говорили об Апокалипсисе»^[362].

«Скончался последний оптинский старец отец Нектарий. Все ушли: Великим постом 1920 года — отец Феодосий; в 1922 году 30 июля — отец Анатолий, теперь — о. Нектарий. <...> [Он] был „собеседник ангелов“, — явно, несомненно *был*: тишина *мудрости*, радость *света*, чистота *глубины*, исходившие от него, приметные даже чуть внимательному взору и слуху, свидетельствовали о том. Но он был и „собеседником человеков“ — *всех* человеков, без малейшего исключения, — от великого оптинского старца — содруга, собрата, сомолитвенника (отец Анатолий), до коммуниста-красноармейца, изнемогающего в горе, от Чулкова и С. Мансурова — до калужской бабы, от художника Льва Бруни и поэтессы Надежды Павлович^[363] — до козельского купца, до юродивого Гаврюши. Собеседник человеков, ведатель человеческого, божеского и звериного в человеке. И всё *ведал*. — всё преобратил в *свет тихий*. Весь был в косых лучах света не вечернего. Последняя беседа моя с ним (5 нед. поста 1921 г.) была в его келье, в приёмной в скиту, под садящееся солнце, под тихий звон к вечерне»^[364].

В 2000 году старцы Анатолий, Нектарий, Алексей Мечёв причислены к лику святых.

Одиннадцатую тетрадь «Своего угла» Дурылин начинает с записи своих впечатлений от «Дневника Блока. 1911–1913», только что изданного (1928). Дневник очень взволновал его. И не только потому, что нахлынули воспоминания о знакомом и знакомых, и не только потому, что это «страшная книга» и Блок предстает в ней как мученик, и жалко его. Но и потому, что и у него, как и у Блока, происходит «подмен темы» — вот их трагедия. Блок вместо «истинной темы — РОЗА и КРЕСТ» вынужден взять подменную: «судьба человеческая, неудачника». Для Дурылина закрыта его основная тема — религиозная. Он согласен с Блоком, что «от Феодосия Печерского до Толстого и Достоевского главная тема русской литературы — религиозная»^[365]. И понимает, что теперь его художественные произведения будут лежать под спудом. В 1929 году написал стихотворение, которое начинается словами:

Нет, мысль осталась для молчанья,
Для слёз, для бреда и для сна...

М. В. Нестеров, рекомендуя Дурылина Анне Петровне Остроумовой-Лебедевой в 1926 году, писал ей: «Сергея Николаевича я знаю давно и очень люблю за прекрасное, верное сердце, за его талантливость. Конечно, он один из выдающихся людей теперешнего безлюдья. К сожалению, в наши дни его труды обречены надолго быть под спудом. Он как писатель обречён на безмолвие. Быть может, пройдёт много лет, когда он будет печататься. А между тем многое из написанного им — прекрасно, оригинально, глубоко по чувству и совершенно по форме. С. Н. — прирождённый лирик с умом и чутким сердцем. Им хорошо усвоено всё лучшее, что дала старая школа наших художников слова; а всё им пережитое так богато, так много дало ему материала. Темы его охватывают огромный духовный мир». К этой характеристике можно добавить строчки из письма Нестерова Дурылину: «Я люблю Ваши письма: в них кроме их стиля, всегда изящного, литературно живого, я вижу Ваше лицо. Они ярко, полно отражают Вашу прекрасную душу, нежную, чувствительную, любящую, верную во всех случаях жизни»^[366].

В связи с письмом Николая Каллиниковича Гудзия^[367], высоко оценившего работу «Из семейной хроники Гоголя», Дурылин с горечью записал «В своём углу»: «Вот какие книги — не хуже „Гоголя“ — я мог бы немедленно издать: 1) „Лермонтов“, 2) „Лесков“, 3) „Три очерка о Достоевском“, 4) „Художники живого слова“ [Гоголь, И. Горбунов, Садовские], 5) „Константин Леонтьев“, 6) „Из эпохи русского символизма“, 7) „Воспоминания“ (Толстой, Вас. Вас. [Розанов], Артём, Кожевников, о. И[осиф Фудель] и т. д., 8) „Нестеров“ + два-три тома рассказов + томик стихов. Это могло бы быть предметом новогодних мечтаний, — вот потому-то я и вспоминаю всё это в последние часы старого года. Отмечтал я ...»^[368] В письме поэтессе В. К. Звягинцевой осенью 1928 года Дурылин сетовал на подспудность своих трудов: «Я — всё „в стол“, а то, что печатается, это 1/100 меня...»^[369] Интересны рассуждения Дурылина о явлении «подспудности» писателей: почему с двадцатых годов XIX века у общества «уши заложило» на Тютчева, а в 90-е годы «отложило»; на Лескова в 60–70-е годы «уши заложило», а на Шекспира всей Европе «уши заложило» чуть не на 200 лет^[370].

В Томске «в стол» легли шесть очередных тетрадей «В своём углу», хроника «Колокола», неоконченная повесть «Чертог памяти моей. Записки Ельчанинова», книга «Художники живого слова», статьи «Монастырь

старца Зосимы», «Художники современной детской книги» и другие работы.

Нестеров, читавший почти все художественные произведения Дурылина, уговаривал его больше писать свою прозу: «Статьи Ваши и другие напишут, а это только Вы». То же говорили ему В. В. Розанов, Вячеслав Иванов. Он и сам понимает, что годы томской ссылки, «годы полного удаления, умственного одиночества, почти молчания даны, — последняя отсрочка! — на то, чтобы делать то, что можно здесь делать и что мне никогда не удавалось делать в Москве — писать»^[371]. Но болезни оставляют мало сил. Он просит Е. В. Гениеву помолиться о нём молитвой Гоголя, которую Николай Васильевич просил молиться о нём П. А. Плетнёва: «Боже, просвети его и научи тому, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначение, для которого он создан Тобою же и дал Ты же орудия, способности и силы... Если ж он отшатнётся от своего назначения, то пожалей его бедную душу и снеси его до срока с лица земли»^[372].

Елена Васильевна выполняет многочисленные поручения Дурылина: присылает ему книги по списку, ходит в библиотеку и делает выписки из статей; снимает копии с писем К. Леонтьева и Гоголя, передаёт Н. И. Тютчеву для выставки рисунков Е. С. Селивачевой «Фет читает „Фауста“» из его архива; разносит по библиотекам книги, которые остались за ним; тормозит С. М. Соловьёва, чтобы продлил во Всероссийском союзе писателей его членский билет — единственный документ, подтверждающий его социальный статус; хлопочет, чтобы привезли от Г. В. Постникова мамину божницу, иконы и книги — «это всё, что осталось для меня от мамы, которую я любил беспредельно»... и т. п. Она составляет каталог его книг, делает опись рукописей. Для объяснения стихотворений Тютчева «Безумие» и «Фету» Дурылин заказывает Гениевой раздобыть через её мужа-гидролога сведения об искателях воды (лозоходцах) в Алжире 30-х годов XIX столетия. Кроме Гениевой выписки для его работ делают по его просьбам К. В. Пигарёв, А. А. Сабуров, К. Н. Зимина (Капу), Маша Нерсесова, М. А. Моисеева — племянница...

В Томске из-за частых болезней Дурылин впадает в тоску. Угнетает сознание затерянности, отъединённости, ненужности. Применяет к себе слова из стихотворения Андрея Белого «Бурьян»: «Пространствами стёртый». Устаёт даже от дороги в библиотеку. Иногда так плохо, что не может встать с постели. Бывают обмороки, сильные сердечные приступы. Левое ухо совсем не слышит. Появляются мысли о скором конце. Только

Елене Васильевне он пишет обо всём этом и только на её попечение может оставить Ирину: «Прошу Вас <...> — позаботьтесь об Ирине. Я бы не был жив, если б не её заботы, уход и труд надо мной, бескорыстный, безмолвный, многолетний (скоро уже 10 лет!) и для 99/100 не видный (Вы, Е[вгения] А[лександровна], Мих[аил] Васильевич] исключаетесь, вы и есть та другая 1/100, видящая)»^[373].

Письма Дурылина другим корреспондентам всегда бодрые. Сам больной и страдающий, он находит в себе силы поддерживать духовно друзей и находит способы помогать им. В Томске он продаёт акварели М. Волошина (присылаемые для этой цели) и отправляет деньги в Коктебель оставшемуся без средств существования поэту. (Пенсию Волошину начали выплачивать в 1931 году — за год до смерти.)

М. В. Нестеров часто благодарит Дурылина за «утешительные и ласковые письма», за «бодрую и бодрящую весточку», за «утешение моей старости». Он пишет в Томск: «Дорогой Сергей Николаевич! Ваше ободряющее письмо получил, с добрым и благодарным чувством прочёл его. <...> Ваше письмо <...> как некий бальзам или как разговор с Ф. А. Гетье (врач. — В. Т.) действует на меня успокоительно, утишает боли физические и душевные. <...> Вы — давний мой утешитель. Вы тот „Жалостник“, который так хорошо Вами нарисован. Спасибо Вам»^[374].

Анна Ивановна Трояновская — певица, художник, автор пастельного портрета Дурылина (долгое время висевшего в квартире С. Т. Рихтера) — пишет ему в 1929 году после похорон своего отца: «Для меня горе, что Вас нет с нами. Вы помогли бы мне так же, как помогли, когда я потеряла маму...»^[375]

Евгении Александровне Нерсесовой в ответ на её, видимо, грустное письмо Дурылин отвечает пространным рассуждением о смерти и бессмертии: «...В сущности, мысль о смерти есть мысль о бессмертии. <...> Оттого-то я и умираю, т. е. поднимаюсь из одного этажа в другой, высший, — что я бессмертен». Он приводит свои стихи 1908 года, которые написал на смерть няни:

К незримому здесь зримая ступень,
Начальный труд и подвиг восхождения,
Не в ночь и в тьму, а в новый вечный день.

Пишет, что надо бороться с ощущением скорой смерти, «оно часто обманывает, муча близких, и не обладает той творческой силой, какую

обладает выше означенная мысль о смерти. Господь властен отворить смерть, самые шаги которой мы слышали уже у своей постели. <...> Фараон начинал строить себе пирамиду, как только вступал на престол, но это не значит, что он ожидал, что завтра же умрёт. Мысля о смерти, египетская культура оказалась самой долговечной из всех, кто о смерти не мыслил (Рим) или мало мыслил (Эллада). Мы теперь не мыслим о смерти — верный признак, что наша культура окажется мимолётной и ничтожной. Мыслить о смерти нужно, чтобы жить — жить достойно, долголетне и прекрасно»^[376]. В отдельную папку с названием «Как умирают» Дурылин собирает материалы о том, как отходили в мир иной разные люди — великие и невеликие. «В смерти нет равенства. Умирают все, но умирают различно. Есть смерть, есть околевание, есть блаженное упоение»^[377].

У Дурылина на протяжении всей жизни была очень обширная переписка. Для него письмо — это окно в жизнь, в мысль, в искусство, средство живого общения. У него письма-исповеди, письма-рецензии, письма-воспоминания, письма-размышления, письма-беседы, письма-встречи. «Может быть, Вы захотите встретиться со мной письмом», — пишет он Борису Пастернаку, сообщая ему свой адрес в томской ссылке после нескольких лет перерыва в их дружеском общении. И ему же он пишет письмо — «радостное рукопожатие на общую работу»^[378].

Письма Дурылина — подробные, откровенные — это целый клад информации о нём, о его трудах и днях, о скитаниях души и о людях, его окружающих. Иногда письма превращаются в кусочки статей. Здесь можно выразить то, что в статье не напишешь. С поэтами — М. Волошиным, Б. Садовским, С. М. Соловьёвым, В. К. Звягинцевой он ведёт живую беседу о поэзии и поэтах; в письмах Б. Пастернаку — глубокие рассуждения о реализме подлинном и мнимом в искусстве. В письмах художникам — М. В. Нестерову, К. Ф. Богаевскому, Р. Р. Фальку, П. Д. Корину — он обсуждает проблемы живописи на профессиональном уровне. В письмах композиторам и музыкантам — Н. К. Метнеру, П. И. Васильеву, А. Ф. Гедике — меткие суждения о музыке, а профессор Г. С. Виноградов ценит его мысли об этнографии. Художник Фальк пишет: «Вы так тепло и полно можете говорить в своём письме: так, как будто Вы рядом со мною сидите и меня за руку держите, и так просто и легко беседуете, как Вы это умеете. <...> Так легко мне было с Вами беседовать, и ни с каким художником так полно не говорилось мне об искусстве, как с вами»^[379].

Из Томска Сергей Николаевич фактически руководит литературными занятиями Кирилла Пигарёва: подробно анализирует присылаемые стихи и

статьи Кирилла, подсказывает темы для сочинений, докладов, статей, направляет мысли в нужном направлении, рекомендует книги для чтения. Среди корреспондентов Дурылина — философы и религиозные деятели: С. Н. Булгаков, Эллис (Л. Л. Кобылинский), отец Павел Флоренский, В. В. Розанов, М. А. Новосёлов; писатели и исследователи литературы: П. П. Перцов, Н. Д. Телешов, Ю. Г. Оксман, Г. И. Чулков, Н. К. Гудзий, С. М. Голицын; артисты Н. А. Обухова, А. А. Яблочкина, Е. Д. Турчанинова, И. В. Ильинский, М. М. Названов... Всех перечислить невозможно, общее число учтённых корреспондентов Дурылина за многие годы приближается к тысяче.

Дурылин всю жизнь заботился, чтобы близкие ему люди поддерживали отношения, помогали друг другу, общались. «Я письмами сведу вас вместе» — Таню Буткевич и Эллиса в 1913 году. Просит Таню в 1916-м быть ближе к Коле Чернышёву, так как в семье у них холодно и он совсем там одинок. Просит Е. В. Гениеву в 1928 году найти уроки для своего друга композитора П. И. Васильева. Н. Н. Гениеву он сам «сосватал» ученика — Володю Бриллинга. Первыми письмами из Челябинска он собирал всех под крыло протоиерея Алексия Мечёва. В Томске он следит, регулярно ли общаются Елена Васильевна и Капу, заходит ли Коля Чернышёв к Капу, сняла ли Елена Васильевна комнату в Муранове у Тютчевых, заходят ли они все к Нестеровым, заботятся ли Елена Васильевна и Таня Сидорова о С. М. Соловьёве; общаются ли дети: Наташа (Туся) Сидорова, Даниил Разевиг, Серёжа Дурылин... С детьми друзей у Дурылина оживлённая переписка. Кирилл и Оля Пигарёвы, Наташа Кравченко, девочки Нерсесовы, дети Гениевых, Вадим Шапошников — все они тоже его друзья, и интересы их взаимны. Е. А. Нерсесова пишет Сергею Николаевичу в Томск: «Девочки с трепетом читают Ваши письма, радуются на них, дают читать друг другу и прячут в самый заветный уголок. Только в такой особенно богатой любовью душе, как Ваша, может найтись ответ на все их мысли, запросы, вопросы»^[380].

«...Облако любви, — пишет Дурылин в 1931 году, — покрывает и сохраняет в пути, как древле, так и ныне: лишь бы не прекращалась эта незримая нить любви и верности, связующая всех нас. Но она не прекратится: невидимые руки — свыше — связывают и крепят эту нить, кто б ни старался её разорвать»^[381].

Дурылин многое и многих любит. Но это разная любовь. Он в своих записках сетует, что в русском языке есть только одно слово и часто оно

воспринимается ложно, так как лишено оттенков. В древнегреческом языке гораздо удобнее выражать своё отношение, там есть несколько слов для выражения оттенков любви, в том числе есть слово «филия» — любовь-дружба. Дурылин ценит дружбу как высшее благо. К друзьям у него «нерушимая годами мыслительная близость и приязнь».

Находясь под гласным надзором ГПУ, пережив отступничество некоторых ранее близких людей и непонимание прежних единомышленников, Дурылин теперь особенно остро ощущает верность и преданность друзей. «Милая Таня. Помни и знай, — пишет он Т. А. Сидоровой, — что ничто мне теперь так не мило, как добродетель верности, и ничто так не дорого, как „память сердца“». Ему приятно, что его — опального — открыто в печати помянули добром Андрей Белый в книге «Ритм как диалектика», Борис Пастернак в повести «Охранная грамота». «Как дорога мне эта память, эта любовь, эта благодарность с открытым забралом!»

За тысячи вёрст от Москвы он чувствует присутствие около себя друзей, «всегда хранительное». Они ценят в нём внутреннее благородство, доброту и любовь, отзывчивость, умение понять и сопереживать.

Друзья оказывают не только материальную помощь. Стараются всячески поддержать его. Присылают книжные новинки, свои произведения, материалы, необходимые ему для работы. Ирина Алексеевна уже начинает беспокоиться, куда это всё ставить и как потом везти в Москву. Художник К. Ф. Богаевский из Феодосии прислал альбом со своими рисунками, посылку с кофе, какао и фиалками из своего сада; А. И. Кравченко — книги «Повелитель блох», «Тиль Уленшпигель», «Сверчок на печи» со своими иллюстрациями и гравюру «Страдивариус»; М. В. Нестеров — абрамцевский этюд «Вечер на Воре»; Тютчевы из мурановской оранжереи — любимые им цветы персика и абрикоса с деревьев, посаженных ещё Е. А. Боратынским. На Рождество 1928 года почтальон со смешной фамилией Человечкин принёс посылочку от Нерсесовых. В ней лежали коробочки с гостинцами и надписями: от Рины, Маши, Зины, Шуры [А. А. Виноградовой], Бибиши [П. В. Митрофановой]...

С. М. Соловьёв прислал свои переводы из Эсхила и Мицкевича. Дурылин ответил ему стихами:

Луг и цветник тебе пророчил я.
Прошли года — и ты в саду Ассизи:
Не гость, — садовник, трудник в нищей ризе,
Снедь — хлеб; питье — вода; для сна — скамья.

Но радостна вседневная стезя:
Лелеять гроздь на мраморном карнизе,
Беречь побеги роз при позднем бризе,
В цветах храня молитву бытия.

И понял ты: сады в Ассизи — те же,
Что на угорьях тихих в Радонеже:
Одни — цветы и труд, одна — любовь.
И с ней твоя рука пересадила
В родимую скудеющую новь
И дуб Мицкевича, и лавр Эсхила^[382].

М. Волошин пишет «душевные письма», шлёт свои стихи, сборник «Иверни», акварели, ветки цветущей маслины с любимым Дурылиным запахом. Посылая в декабре 1927 года в Томск стихотворение «Четверть века», делает пометки: «Дорогому Серёже», «В дни великого потрясения^[383]. Начато в 1925 году».

К стихотворению «Владимирская Богоматерь» приписал: «Буду с величайшим напряжением ждать твоей оценки и критики». В ответ Дурылин «с иконологической и православной точки зрения» высказал свои рекомендации, убедительно их аргументируя. Письмо Дурылина очень большое, поэтому (чтобы был понятен характер рекомендаций Волошину) приведу только одно замечание Сергея Николаевича, относящееся к строчкам *«Собранный в зверином напряженьи, / Львёнок-сфинкс к плечу Её прирос»*^[384]. Дурылин восхищается стихотворением в целом, но далее пишет о Младенце: «У Него не „напряжение“ (тем паче звериное), а „Умиление“, как и у Нея. Было бы точно и верно с иконологической и православной точки зрения сказать (если сохранить не нравящееся мне „собранный“): *Собранный в сыновнем умиленьи, / Агнеи-Лев к плечу Её прирос.*

(„Сфинкс“ — из другого мира!) А ещё лучше (и точнее! Я не сужу с поэтической точки зрения, а только с той, коей верен был и писавший „Владимирскую“) — заменить „собранный“ чем-нибудь иным: это возможно или путём прямой замены слова „собранный“, или путём приращении 2-го эпитета к „умилению“. <...> Эпитет же „в сыновнем“ решительно необходим: у тебя нет нигде ни слова, что прильнул к Ней *Сын*.

Сын, а не чужой младенец, Ея, а не чужой львёнок, что Она не няня, а мать. Указать на *сыновность* необходимо, иначе — это не „мать своего сына“, не Богоматерь».

Волошин часто консультировался с Дурылиным по вопросам иконографии и православия, зная энциклопедические познания Дурылина в этой области. Свидетельства тому в его письмах. Он вносит правку Дурылина в стихотворение «Сказание об иноке Епифании». Работая над поэмой «Святой Серафим», просит у Дурылина уточнений в понятиях сатаны и дьявола. По совету Дурылина старается достать Минеи, просит прислать ему тексты канонов. Зная, с каким вниманием относился Волошин к советам Дурылина, трудно понять, по каким автографам печатаются в наши дни тексты стихотворения «Владимирская Богоматерь», — часто с некоторыми разночтениями, но всегда без учёта советов Дурылина.

Борис Пастернак присылает свои стихи, в том числе и перевод Р. М. Рильке «По одной подруге реквием», в котором одна строка была особо отмечена Дурылиным как близкая им обоим:

Есть между жизнью и большой работой
старинная какая-то вражда.

Дурылин пишет Пастернаку: «„Большая работа“ — для Бытия — уходит от нас, а малая — для бывания — томит как праздный труд, спутывая, как косматая кудель. И постепенно, и постепенно

...ты теряешь вечности кусок
На вылазки сюда...

В том, чем я был ещё недавно, я постоянно испытывал это. И вижу, что и Вы, Боря, испытываете это в творчестве и во всём, что не только творите Вы, но и что (главное) творит Вас». В ответном письме Пастернак восклицает: «Ах, ах, Серёжа — с чудом Вашего понимания ничто не может идти в сравненье...»^[385]

И в далёкий от Москвы Томск к Дурылину приезжают друзья, как будто расстояние для них ничего не значит: композитор Пантелеймон Иванович Васильев с учеником, Николай Николаевич Гусев, Игорь Владимирович Ильинский, Клавдия Ниловна Зими́на (Капу) с сыном. Из

Челябинска — Вера Владимировна Игнатова с детьми, из Иркутска — профессор университета Георгий Семёнович Виноградов — этнограф, фольклорист. В 1928 году он сотрудничал с журналом «Сибирская живая старина», в создание которого вложил немало сил. Случайно в редакции, подняв с пола какую-то бумажку, увидел адрес Дурылина, приславшего сюда свои воспоминания о Толстом. Давно хотел познакомиться, зная Дурылина по его публикациям. О его появлении в Томске вспоминает Ирина Алексеевна. Хозяйка квартиры, вышедшая на стук, растерянно сообщила: «Вас спрашивает какой-то монах». Ирина Алексеевна встревожилась, монах был бы здесь гость нежеланный. Женщину обманула внешность профессора: стрижка «под скобку», волосы длинные — закрывают уши, простое лицо, скромный вид. Проговорили они с Сергеем Николаевичем до позднего вечера, а потом и ещё десять дней подряд были в «радостном общении». Приведу воспоминания Сергея Николаевича об их разговорах, так как они очень характерны для бесед Дурылина с близкими по духу людьми. «Это были настоящие русские разговоры, которые теперь вспыхивают и тухнут редко, редко. В этом разговоре обнаруживается всё заветное у двоих собеседников. Поднимаются из глуби души и из далёкого прошлого самые дорогие и самые заветные воспоминания и устремления. Хочется узнать, что думал, что чувствовал собеседник о том, о чём столько думалось самому, чувствовалось в юности, тревожилось в пожилых годах. Эти разговоры ничем не похожи на те „дискуссии“ (что за отвратительное слово!), которые возникают у специалистов по одному и тому же предмету или у любителей политики. Ни о какой политике мы не говорили и никакой методологии литературоведения и этнографии не затрагивали. Разговор был вполне свободный, сердечно открытый и вместе какой-то жадный: *хотелось поскорей наговориться о том, что было безмолвлено годами и горьким опытом* (выделено мной. — В. Т.) С нежностью и благодарностью вспоминались дорогие обоим имена, редко, редко, а то и никогда не упоминаемые ни в печати, ни в широком разговорном кругу современных людей»^[386]. Так завязалась тесная дружба на многие годы. На своей фотографии, присланной Дурылину из Иркутска в Томск, Г. С. Виноградов написал: «Пожалевшему, ободрившему, обласкавшему, благословившему»^[387]. «Виноградов-фольклорист, — пишет Дурылин, — это целое творческое содружество, в равной мере талантливое и дружное, психолога, педагога, художника и социолога, объединённых глубоким исследовательским вниманием к детству и его замкнутой стране»^[388]. А труды его «дважды познавательны, так как писаны пером учёного-

художника-мыслителя»^[389], — отметил он в феврале 1951 года в письме Агриппине Осиповне Татариновой, первой жене Виноградова.

Среди задуманных, но не написанных книг Дурылина — книга о няне: «...об этой великой матери русского человека только по закону любви, а не по закону родительства». Собранные материалы хранятся в отдельной папке. Здесь рассказы о своих нянях писателей, композиторов, артистов, учёных, общественных деятелей. Здесь же детские колыбельные с пометами, кто и где записал. Дурылин собирался писать «об историческом и культурном значении русской няни». «Я утверждал, что русская няня в религиозном, нравственном, эстетическом развитии русского человека имела несравненно большее значение, чем сотни всяких педагогов, публицистов, просветителей, проповедников и т. д., и что русскую науку и историю можно горько упрекнуть за то, что она не уделила никакого внимания историческому подвигу русской няни, тогда как русская поэзия и художественная литература, в числе немногих положительных образов, сохранили и возвеличили именно образ русской няни»^[390].

В Томске давнее знакомство с Порфирием Порфирьевичем Славниным переросло в тесную дружбу. П. П. Славнин, выпускник Археологического института, сотрудник Этнолого-археологического музея при Томском университете, был и завзятым театралом, хорошо знал московские театры и был знаком со многими известными артистами. Его сын — Донат Порфирьевич Славнин, геолог, относился к Дурылину, как «послушник к наставнику, духовнику», и пользовался его любовью. Об этом свидетельствует Витольд Донатович в своих воспоминаниях^[391]. Сложились добрые отношения и с заведующей университетской библиотекой Верой Николаевной Наумовой-Широких и с актёрами местного театра — «москвичами по происхождению и по культуре»...

В Москве друзья делают всё возможное, чтобы протолкнуть в печать статьи Дурылина «за гонорар». Не всегда удаётся. Георгий Иванович Чулков в 1928 году до изнеможения, до болезни борется за включение в сборник о Достоевском статьи Дурылина «Об одном символе у Достоевского»^[392]. На аргументы «нет места» сокращает свою статью. Он же предлагает снять свою статью, если не поместят в тютчевский альманах «Урания» статью Дурылина «Тютчев в музыке». Обе работы Дурылина были напечатаны. Благодаря усилиям Н. К. Гудзия, Г. И. Чулкова, Б. В. Шапошникова вышла книга «Из семейной хроники Гоголя». Гудзий взял на себя чтение корректуры. Дурылин по-детски радуется, что она понравилась

друзьям: М. Волошину, В. К. Звягинцевой, Е. А. Нерсесовой, М. В. Нестерову, Е. П. Казанович... Гудзий хлопочет о публикации большой работы Дурылина «Художники живого слова». Дурылин сдал срочно подготовленную рукопись в издательство «Мир» в 1929 году, её продержали до 1934 года. А в том году «все маленькие кооперативные издательства, такие как „Мир“, „Посредник“, „Север“, были влиты: одни — в Государственное издательство, другие — в „Советский писатель“»^[393]. Книгу Сергея Николаевича не напечатали.

Дурылину хочется писать воспоминания, поблагодарить Бога, судьбу, людей. И в то же время он понимает, что доверить бумаге многое из того, что с ним было, что ещё живо в памяти, ему уже не удастся: «Сердце глохнет и, не научась забывать, приучилось молчать»^[394]. «Молчи, скрывайся и тай»^[395].

И всё же. «Конечно, я — счастливый, — записывает он. — В Толстом я встретил — мудрость, в Василии Васильевиче [Розанове] — мысль и страсть мысли, в [Н. К.] Метнере — „гения чистой красоты“, в отце Анатолии — праведность, и мать моя была само Материнство... (А теперь, — приписывает он позже, — И[рина] — сама преданность, — и сколько светлого дружества: М. Вас. [Нестеров], Ел. Вас. [Гениева], Евг. Ал. [Нерсесова], Пант. Ив. [Васильев]!)»^[396]. Дурылин считал себя счастливым ещё и потому, что ему в жизни довелось общаться с людьми, лично знавшими Пушкина и Гоголя, что у Артёма он встречался с Чеховым, состоял в переписке с В. Г. Короленко и с И. Е. Репиным, в 1914 году имел счастье выступать на вечере в Политехническом музее в одной программе с М. Н. Ермоловой и разговаривать с ней...^[397]

В окружении Дурылина было немало людей, с которыми его связывали узы дружбы, симпатии, обоюдного интереса и просто товарищества, не менявшиеся с годами и не тускневшие на протяжении жизни (М. В. Нестеров, Т. А. Сидорова-Буткевич, Е. В. Гениева, семья Нерсесовых, С. И. Фудель, врач Сергей Алексеевич Никитин, впоследствии епископ Стефан, Б. Пастернак, Н. Н. Гусев...). А были люди, общение с которыми, тесное поначалу, со временем прекращалось или охлаждалось, — исчезало то, что когда-то связывало, объединяло, а то и жизнь уводила их в сторону (А. А. Сидоров, Г. В. Постников, А. И. Ларионов). Но и в этом случае Дурылин никогда и ни о ком не сказал дурного слова.

Дурылин был очень внимателен к людям и бережно относился к их мнению, даже если оно не только не совпадало с его мнением, но и

чувствительно затрагивало самое дорогое в душе. В письмах его учеников находим откровенные, иногда и резкие высказывания несогласия с Дурылиным по тем или иным вопросам. Р. Р. Фальк, зная, как глубоко Дурылин чувствует религиозное прозрение А. Иванова в картине «Явление Христа народу», как она дорога ему, тем не менее высказывает ему свои мысли, понимая, что Дурылину слушать их будет больно: «Иванов — это большая трагедия. При всём громадном таланте — бессилие». «Иванов имел глаз без плоти, он только иллюстрировал свои живописные понятия о природе, с другой стороны, он не был настолько религиозен, чтобы *видеть* духовно то, что он писал из Евангелия»^[398]. М. В. Нестерову не очень понравилась работа Дурылина «Сибирь в творчестве В. И. Сурикова», и он высказал автору свои замечания. (Надо заметить, что дочери Сурикова — О. В. Кончаловской книга понравилась, о чём Дурылину сообщил Борис Пастернак^[399].) Высоко оценив повесть «Сударь кот», Нестеров настоятельно рекомендовал Дурылину изменить название, как не соответствующее содержанию. Е. П. Казанович высказывает очень нелестное мнение о милом сердцу Дурылина Гаршине («недозрелый», «не додумавшийся» ни до чего своего, «даже и среди детей найдутся позначительнее его»), Дурылин не возражает ей, просто он в ответном письме обходит молчанием эту тему^[400].

Даже в самые тяжёлые времена ни физические страдания, ни душевные муки не могли сломить Дурылина, его твёрдой убеждённости: «Прав Ты, Господи! На всё святая воля Твоя». В трудный 1929 год из Томска он пишет Т. А. Сидоровой: «Я по-прежнему повторяю с Пушкиным: „Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!“ Это у меня с самой юности. Тупика бытия у меня никогда нет, и оттого, вероятно, я живуч, и какая-то молодость ещё шумит во мне неопавшими и непожелтевшими листьями»^[401].

В Томске у него нет учеников, но он с удовольствием занимается образованием Ирины. Запрашивает из Москвы учебник начальной географии и русской истории. Ирина — умная, оригинально и самостоятельно мыслящая — быстро схватывает новые знания. Вечерами, пока она занята домашними работами, Сергей Николаевич читает ей вслух и поражается её вкусу. Ей нравятся Пушкин, Лермонтов, А. К. Толстой, Островский, а Л. Толстой и Тургенев не нравятся. Но «Война и мир» примирила её с Л. Толстым. «Лютая ненависть к Элен, Анне Павловне, Курагиным, — любовь к Наташе и обожание Кутузова. „Война и мир“ прерваны концом 2 тома из-за моей ангины, и она строит планы, что будет

дальше, и, к удивлению моему, уже поженила Наташу и Пьера, тогда как сама ещё не знает, что Наташа увлечётся Анатолем...»^[402]

Непрекращающиеся ходатайства друзей о смягчении участи Дурылина дали результаты к концу 1930 года. Благодаря усилиям Е. П. Пешковой, хлопотам И. С. Зильберштейна, бессменного редактора «Литературного наследства», и с помощью В. Д. Бонч-Бруевича удалось получить разрешение ОГПУ заменить высылку поселением в одном из семи округов и областей СССР. «Вчера получил уведомление от Пешковой, — пишет он Гениевой 3 сентября 1930 года, — и недели через 2 получу здесь официальное — что мне дан минус 6 с прикреплением на 3 года»^[403]. Это значило, что Дурылина запрещено проживать в шести крупных городах страны, а по прибытии на место надлежало зарегистрироваться в местных органах ОГПУ и без их разрешения не покидать места своего «прикрепления».

Теперь ему надо решить, куда ехать, и получив документы, срочно переезжать, чтобы застать там картофель, огурцы и сделать запасы на зиму, а то нечего будет есть.

КИРЖАЧ

Дурылин выбрал Киржач — поближе к Москве, к родной земле, «к милому пределу». Удалось заехать в Москву (ОГПУ выдало справку-разрешение на временный въезд в столицу), повидать близких, распорядиться частью накопленного в Томске архива, переговорить с друзьями о возможных публикациях.

Приехали в Киржач 13 октября 1930 года, и в первый же день — потрясение. В дом, где они сидели в гостях у Прасковьи Анатольевны и Александра Константиновича Рачинских, вошли люди в форме ГПУ и учинили разгромный обыск. Под утро увели Рачинского и Дурылина. Сергея Николаевича на следующий день выпустили, а Рачинского увезли в Иваново, и он сгинул. Можно себе представить, что пережили все эти люди. А Сергей Николаевич от потрясения заболел — отнялись ноги и поясница. К нему в январе 1931-го (по другим данным, в конце 1930-го) приезжал друг — врач-невропатолог, отличный диагност Сергей Алексеевич Никитин, уже тогда бывший (пока тайно) в сане священника, будущий владыка Стефан, епископ Можайский, викарий Московский. «Я остался жив, — пишет Дурылин Нестерову, — мне было очень плохо. Узнал во второй раз в жизни, что значит умирать, и почувствовал, что это знание не даётся даром»^[404]. У Дурылина частые сердечные приступы, он катастрофически слепнет, оглох на левое ухо. Решил, что пора подводить итоги своей жизни и со свойственной ему откровенностью и требовательностью к себе пишет И. И. Горбунову-Посадову: «В итоге моей жизни вижу целые протори заблуждений, ошибок, проступков, нелепостей, и утешаться могу разве тем, что в мотивах самых нелепых моих поступков никогда не было корысти и простого себе служения, но это — плохое утешение. <...> Мой жизненный путь похож на просёлок, который исчертит своими рытвинами и взгорками, подъёмами и спусками целую равнину, прежде чем привести туда, куда на глаз можно было бы дойти в десять минут, идя по прямой. Видно, такая моя судьба!»^[405]

Первые два месяца жили уединённо. Но постепенно жизнь начала налаживаться. Жилось легче, чем в Томске. И жилищные условия были получше, и связь с Москвой наладилась регулярная. Каждую неделю человека два-три приезжали обязательно. Беседы с друзьями нередко продолжались до утра в полной темноте — керосин трудно было достать.

Перед поездкой в геологическую экспедицию приезжал из Сибири

Донат Порфирьевич Славнин посоветоваться с Дурылиным как археологом. Славнин в это время работал в Главсевморпути у О. Ю. Шмидта и успешно сочетал геологию с археологией и этнографией. Елена Васильевна Гениева навестила Сергея Николаевича и увидела его не столь одиноким и беспомощным, каким он представлял в письмах из Томска. Сохранив уважение и добрые чувства к нему, она всё же сократила их переписку, вернее, свои письма к нему. Но будет по-прежнему помогать ему в работе, делая переводы для его книжек о Дюма и Олдридже. Дважды приезжал Юра Гениев, уже юноша, и они говорили обо всём: о курении, о вине, о женщинах, о товариществе, о достоинстве, сопротивляемости... Екатерина Петровна Нестерова привозила в подарок этюд Нестерова «Дозор» и увезла обратно. Этот этюд, как и другие, как и портрет «Тяжёлые думы», будет храниться у художника до возвращения Дурылина из ссылки. Дурылин написал стихотворение к этюду и послал художнику.

Не ехали бы люди к Дурылину за десятки и сотни километров, если бы он был только эрудированным, умным, но сухим учёным. Нет, он был весёлый собеседник, любил шутку, радовался, когда мог сделать людям что-нибудь приятное и был изобретателен на сюрпризы и выдумки. Вот и в Киржаче они с Ириной Алексеевной на Новый, 1931 год придумали устроить сюрприз для детворы. Нарядились Дедом Морозом и Снегурочкой, разукрасили ёлку на опушке леса, примыкающего к городу, и разложили под ёлку подарки. Для каждого подарка Ирина Алексеевна сшила специальную рукавичку. Ребятишек из бедных семей собрал и привёл на опушку семилетний Коля Дмитриевский — сын врача, лечащего Дурылина. И тут неожиданно загорелись свечи на ёлке, у которой детей встретил не менее их счастливый Дед Мороз. Со Снегурочкой пропели песенки, и началась раздача подарков. На следующий день на базаре только и было разговоров, что о вчерашней ёлке на опушке. Никто не знал, кто устроил это волшебство, а дети верили, что Дед Мороз.

Работы у Дурылина в Киржаче было много и по душе, но именно в Киржаче, работая при трёхлинейной керосиновой лампе, он окончательно испортил глаза. И. С. Зильберштейн заказал к столетию Гёте большую и срочную работу для юбилейного выпуска «Литературного наследства». Доставал и присылал необходимые материалы, в том числе и из архивов Гёте в Веймаре и Франкфурте на немецком языке. Сам приезжал в Киржач забирать готовые части рукописи. «Однажды вышел курьёз, — вспоминала Ирина Алексеевна. — Из Веймара были высланы 2 книжки с царским штампом. Их нам не отдали сразу, а задержали. А Илья Самойлович, не получая ответа от Сергея Николаевича, слал телеграмму за телеграммой,

спрашивая, получили ли мы книги. Наконец является военный из местного ГПУ, извиняется, что почта задержала книги, расшаркивается перед Серг. Ник. и просит срочно послать телеграмму о получении книг»^[406]. По просьбе Дурылина библиографические и текстологические справки добывал для него литературовед, бывший его ученик, А. А. Сабуров. Его удивляло, с какой точностью Сергей Николаевич указывал всегда название книги, журнала, год выхода, номер и что именно нужно найти. Как будто в его памяти хранились страницы журналов даже XIX века. За полгода был написан тридцатилестный труд «Русские писатели у Гёте в Веймаре». Но готовился к нему Дурылин, по его признанию, 25 лет.

Ещё мальчиком, прочитав «Фауста» Гёте, Сергей Николаевич начал собирать материал о писателе: заполнять библиографические карточки на все прочитанные книги и статьи о Гёте, делать выписки, в том числе и о связях Гёте с Россией, с русскими писателями, художниками, музыкантами, дипломатами. В своей работе он впервые опубликовал некоторые письма Гёте, посвящённые ему стихи, письма В. А. Жуковского, В. К. Кюхельбекера, А. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки, Ф. П. Толстого и др. Он обнаружил 40 русских посетителей Гёте (от А. Н. Радищева до славянофилов), а до него было известно только восемь имён. На основе скрупулёзно собранного и тщательно проанализированного, проверенного и перепроверенного материала Дурылин разбивал легенду за легендой о связях Гёте с Россией. Один из примеров: поставив под сомнение знакомство Гёте с царём Николаем I, о котором неоднократно писали немецкие исследователи, Дурылин поднял немецкие и российские журналы за 1892 год, на которые ссылались исследователи, и ничего похожего там не обнаружил. Но отличная память подсказывала ему, что где-то он читал о беседе Николая I с Гёте. И вспомнил — в записках О. Н. Смирновой^[407], изданных в 1894 году. Зная, что Ольга Николаевна была яркой монархисткой и не чуралась вымысла в записях о встречах Николая I с разными людьми, Дурылин установил, что и эта легенда была вымыслом.

Очень показательна вступительная редакционная статья «Литературного наследства». В ней отмечается большое значение труда Дурылина, не имеющего прецедентов ни в русской, ни в зарубежной науке о Гёте. Но дальше идёт разбор «больших недостатков»: «...работа С. Н. Дурылина далека от того, чтобы дать марксистское исследование темы во всём её объёме. Своё исследование С. Н. Дурылин строит почти исключительно на материале личных встреч Гёте с Россией его эпохи <...> используя всё остальное лишь постольку, поскольку это необходимо для

создания определённого исторического фона, для реставрации исторической обстановки, в условиях которой эти встречи происходили и вне которой совершенно не может быть понят их исторический и классовый смысл». Ему «не хватает методологической чёткости и глубины проникновения марксиста». «Там, где нужен острый скальпель марксистского анализа <...> автор работает обычным ножом». Становится понятным, как трудно было Дурылину не только публиковать, но и писать монументальные исследования на интересующие его темы, не вписывающиеся в марксистскую идеологию.

В Киржаче С. Н. Дурылин закончил четырнадцатую тетрадь книги «В своём углу». Продолжал работать над Леонтьевым, Розановым, Ап. Григорьевым — «в стол». Туда же легла статья «Гаршин и Глеб Успенский». Написал две пьесы: «Домик в Коломне» по мотивам поэмы Пушкина, и «Пушкин в Арзамасе». Для души записал, что вспомнилось о маме и бабушке. Не для печати он занимается «историей славянофильства как мировоззрения и философемы»^[408]. Размышляя о славянофилах, сетовал, что были они слишком «благополучны» и, не зная нужды, не стремились отдавать в печать свои мысли (в отличие от «западников»), их «разговоры» не ушли в статьи. Вот и добрый его знакомый, философ и историк культуры Владимир Александрович Кожевников, скончавшийся в 1917 году, «был славянофил — и какой ужас! — восклицает Дурылин, — был богат — и оттого не был писателем, и всё пропало — все его неопишуемые и неисчислимы знания»^[409].

Для заработка Дурылин пишет статьи в журналы, делает инсценировки. Издательство Политкаторжан напечатало в 1932 году две статьи: «Декабрист без декабря. П. А. Вяземский», «Декабристы и их время», подписанные «Н. Кутанов». В Вяземском Дурылин увидел одну из центральных фигур «Пушкинского тридцатилетия русской литературы». В. Д. Бонч-Бруевич в редактируемых им сборниках «Звенья» опубликовал «Гоголь и Аксаковы» (1934) и «В. М. Гаршин. Из записок биографа» (1935). На эту работу будут ссылаться исследователи творчества Гаршина. В ней Дурылин использовал наименее разработанные эпизоды биографии писателя: его отношение к революции, его знакомство с Львом Толстым, дружбу с Г. И. Успенским, обстоятельства его кончины. И всё же Дурылин считал, что главная его книга о Гаршине не написана. На книжке «Репин и Гаршин» (1926) — посвящение Ирине Алексеевне: «Милой Арише дарю этот обломочек книги моей о Гаршине, которую не суждено было мне написать. С. Д. Болшево, 1940, 6, II»^[410]. (Все свои опубликованные работы

Сергей Николаевич дарил Ирине Алексеевне, часто со словами благодарности за помощь и заботу, без которой не мог бы не только работать, но и выжить.) Ю. Г. Оксман в период подготовки им тома писем Гаршина вступает в переписку с С. Н. Дурылиным для взаимной информации, а в вышедшей книге благодарит его (среди прочих) за ценные указания^[411].

При исключительной памяти и работоспособности Сергей Николаевич мог быстро и одновременно выполнять несколько различных по темам работ, но устраивать свои труды в печать он не умел. Ирина Алексеевна помимо обычных своих хлопот по обустройству быта, приёму гостей начинает помогать Сергею Николаевичу в его работе: пишет под его диктовку, делает выписки из книг, ездит в Москву с различными поручениями, развозит по редакциям статьи для печати, объезжает адресатов Сергея Николаевича и передаёт его письма, привозит в Киржач нужные книги, часто с автографами, а также рукописи Сергея Николаевича и другие ценные документы, оставленные на хранение у разных знакомых на время ссылки. Постепенно перевезла (как оказалось, к несчастью) значительную часть архива. Сергея Николаевича беспокоит здоровье Ирины Алексеевны, она часто болеет, у неё возобновился кашель, что после перенесённого туберкулёза вызывает опасение. К тому же её лишили продовольственной карточки как домашнюю хозяйку. Но заниматься собой ей некогда, а уныние ей не свойственно.

Между тем из Москвы вести шли и печальные, и тревожные. Исчезали дорогие сердцу люди: с 1930 года после третьего ареста в лагере под Котласом Сергей Сидоров, ставший священником в 1921 году, в 1931-м были арестованы Сергей Михайлович Соловьёв, Сергей Алексеевич Никитин. В 1932-м вторично арестован Сергей Фудель, после лагеря он в ссылке. В 1933-м арестован о. Павел Флоренский. Многие близкие оказались в тюрьмах и ссылках. Ещё в 1929-м началась кампания против ГАХНа. Академию обвиняли в том, что она стала цитаделью буржуазной идеологии. В 1930 году Академию закрыли.

В 1933 году Сергей Николаевич благодаря помощи В. Д. Бонч-Бруевича и И. С. Зильберштейна получил разрешение ОГПУ выехать на два месяца в Москву на лечение (у него целый букет болезней: застарелый порок сердца, плеврит, частые ангины, слепнувшие глаза, гложущие уши). С 7 мая по 7 июля он жил на Маросейке у сестры Ирины Алексеевны Александры Алексеевны (Шуры) и её мужа Ивана Фёдоровича Виноградовых. Лечение он совмещает с хлопотами о разрешении

вернуться в Москву. Собирает документы, справки, ходатайства и отвозит их П. Г. Смидовичу, замещающему в это время М. И. Калинина на посту председателя ЦИКа. В сентябре снова выезжал в Москву. Текст сопроводительного документа проясняет статус Дурылина в Киржаче: «Справка. Выдана а/в Дурылину Сергею Николаевичу в том, что ему разрешён временный выезд в гор. Москву на консультацию к врачу специалисту сроком на 5 дней с 16/IX по 20/IX 33 г. По прибытии обязан явкой в комендатуру ОГПУ для отметки. По возвращении настоящая справка подлежит возврату в Киржачское РО»^[412].

Приближался срок окончания ссылки. Перед возвращением в Москву Сергей Николаевич предложил Ирине Алексеевне оформить гражданский брак — так будет проще в отношениях с властями и с окружающими, кроме того, предстоит прописаться на площадь сестры Ирины Алексеевны (другого жилья нет), а для этого нужны основания. Свидетельство о браке, выданное 29 июля 1933 года Киржачским загсом, ничего не изменило в их отношениях, она оставалась духовной дочерью священника Сергея Дурылина, а для окружающих — его женой. Пошли слухи, сплетни. Об этом хорошо написала Валерия Дмитриевна Пришвина в книге «Невидимый град»: «И вспоминается мне сейчас, когда пишу эти строки, рассказ Михаила Александровича [Новосёлова] о том, как он встретил в те годы однажды на улице Сергея Николаевича Дурылина, который вернулся из ссылки. Михаил Александрович уже знал, что Дурылина выходила от тяжёлой болезни, прямо сказать, спасла <...> не то послушница, не то молодая монахиня. Было известно, что они теперь жили вместе, и как круги по воде расходились и множились разговоры о том, что, переступив через обеты, они живут теперь как муж и жена. Кто знал об их подлинной жизни и подлинных отношениях? Конечно, они полюбили друг друга, потому что, перетерпев пересуды и осуждение, вместе дожили до старости. Не знаю, так ли, но говорили о том, что Дурылин должен был снять с себя сан — он стал позднее известным искусствоведам. Знаю только, что в их квартире оставался образ Спасителя, и никогда не угасала перед ним лампада. Рассказ об этой встрече на улице с Дурылиным у Михаила Александровича был короток и заключался в том, что Дурылин, увидев старого друга, бросился к нему на шею со слезами, а Михаил Александрович не оттолкнул, но и не смог ответить участием на его порыв, предоставив Дурылина одного его судьбе. Хорошо помню, что меня что-то тогда в этом задело.

Как понятно теперь, что оба они были правы. Ведь Олег^[413] писал и

писал о возможности любви двух людей — мужчины и женщины, сохраняющих чистоту друг друга, но живущих рядом. Может быть, и здесь блеснул свет писем Иоанна Златоуста к Олимпиаде. <...> Но время наше было суровое, и Михаил Александрович стоял на страже последних оплотов Церкви — могли он тогда рассуждать о чём-то другом? <...> Сейчас я думаю, что на последнем Суде найдут оправдание обе правды: и тех, кому удалось пройти свой путь по прямой, и тех, кто прокладывал собственной судьбой какие-то новые пути, никому из окружающих не понятные. Может быть, это были знаки уже нового времени <...> — монашество в миру?»^[414]

Пример Дурылиных не единичен. Вспомним А. Ф. и В. М. Лосевых. А. А. Тахо-Годи в книге «Лосев» пишет: «Брак, который может быть препятствием для ухода от мира, не страшит. Можно и в браке жить безгрешно, не плотски, духовно. <...> Что же касается монастыря, то явные монастыри были закрыты и разогнаны, а потаённый монастырь — жизнь Алексия Фёдоровича и Валентины Михайловны в миру»^[415].

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

В конце ноября 1933 года Сергей Николаевич уже в Москве, а Ирина Алексеевна в Киржаче готовится к переезду. Она упаковала все вещи, книги, особенно ценные с автографами, письма, рукописный архив, материалы-заготовки для будущих работ, всё, что перевезла в своём рюкзаке из Москвы за три года, и сдала багаж в железнодорожный пакгауз для отправки в Москву. И надо же было случиться, чтобы пакгауз в ту же декабрьскую ночь сгорел.

Потрясение от потери архива было так велико, что пришлось Ирине Алексеевне положить Сергея Николаевича в Клинику нервных болезней на Девичьем поле^[416]. Но больные быстро прознали, что он батюшка, и потянулись к нему на беседу. У его палаты собирались очереди. Какой уж тут покой, какое лечение! Ведь он чужую боль всегда принимал на свои плечи. «Не могу отгонять от себя людей несчастных, скорбящих, жаждущих отвести душу», — пишет он Ирине Алексеевне. Кроме того, в палатах «адский холод», и действенного лечения он не получает. «Многое напоминает мне тот санаторий, в котором я лечился в 1927 году». То есть условия в Бутырской тюрьме. Пишет отчаянные записки: «Возьми меня, а то я никогда не поправлюсь»^[417]. Она забрала его. Восемнадцать дней в клинике (с 21 февраля по 10 марта) показались ему годами. Об этом времени Ирина Алексеевна вспоминает: «Уходить от него мне врачи не рекомендовали... Голова моя кругом шла: что делать? В то время нас сторонились знакомые, ибо только что закончились десятилетние ссылки Сергея Николаевича...»

Забрать забрала, а где жить? На Маросейке в комнате Виноградовых на 18 квадратных метрах (куда они прописались после Киржача) теперь стало пять человек.

Стиль откровения, отправленной Т. А. Сидоровой 24 января 1934 года, выдаёт разлад в душе Сергея Николаевича: «О моих бедах ты, верно, знаешь. <...> Я не только лишён возможности работать и устраивать жизнь в Москве, но должен лечь в клинику, чтобы вовсе не лишиться всяких сил для работы и жизни. <...> У меня погибли книги, рукописи. Живу в тесноте великой»^[418].

Однажды на улице у букиниста Ирина Алексеевна купила комплект театрального ежегодника, все 12 книжек с приложениями. Отдала за него последние деньги, но была вознаграждена, увидев, как обрадовался Сергей

Николаевич, даже прослезился: «Всю жизнь мечтал купить, не было денег». Это был перст Божий. И начала оттаивать душа у Сергея Николаевича. Ирина Алексеевна при первой возможности покупала для него книги, преимущественно по театру. Начал он писать статьи в журнал «Декада», в «Литературное наследство», в «Звенья».

Переход к занятиям театром произошёл для Дурылина естественно. Он с юности был страстным поклонником Малого и Художественного театров. Годами собирал материал об актёрах, спектаклях (афиши, пригласительные билеты, вырезки из газет с рецензиями, выписки из воспоминаний, фотографии, библиографию...). Периодически читал доклады, писал статьи. Им уже было написано несколько инсценировок произведений русских классиков.

Работа в области театроведения давала хотя и относительную, но всё же свободу в творчестве и была менее опасной, чем прежние исследования религиозных аспектов произведений его любимых писателей. А это было немаловажно для опального Дурылина. И он со свойственной ему увлечённостью начал писать о театральных постановках, актёрах, драматургах, истории театра. Из-под пера Дурылина ежегодно выходило от сорока до ста работ — книг, статей, текстов докладов. Монографии, творческие портреты артистов, анализы спектаклей, история драматургической классики на сцене, статьи к юбилеям, а также и литературоведческие работы.

Анализ драматургических произведений Дурылин всегда связывал с их сценическим воплощением. В его работах органически сочетается литературоведение с театроведением: «Артём, Станиславский, Чехов», «Лермонтов и романтический театр», «Пушкин и Щепкин», «История одной дружбы. Островский и Чайковский», «Драматургия оперы в Николаевскую эпоху», «Горький на сцене», «Гоголь и театр» и др. В книге «Пушкин на сцене» Дурылин впервые проследил сценическую историю пушкинской драматургии.

Дурылина интересовали параллели в разных областях искусства, и благодаря широкому интеллектуальному кругозору он с лёгкостью выстраивал их и в своих работах: «Репин и Гаршин (из истории русской живописи и литературы)», «Врубель и Лермонтов», «Пушкин и Даргомыжский», «Тютчев в музыке»; и в своих размышлениях. Из томской ссылки он пишет З. В. Работновой: «Музыка у меня здесь — только в воспоминании — и в поэзии. В ней есть свои Бах, Моцарт, Шопен, Глинка... Мне кажется, что они есть и в живописи. Одна параллель просто бросается в глаза: это Мусоргский — Суриков. Давно уже указывали на

треугольник: Чайковский — Чехов — Левитан. А я особенно люблю двоицу: Пушкин — Глинка»^[419]. Иногда он выстраивает сочетания, которые позволяют резче подчеркнуть индивидуальность: «Л. Толстой и К. Леонтьев». Метод сопоставления литературы, живописи и музыки Дурылин считал очень перспективным и свой приоритет исчислял с работы 1926 года «Репин и Гаршин».

Целый ряд работ посвящён разбору современных спектаклей и истории постановок русской классики на сцене: «„Мещане“. Сценическая история пьесы в советские годы» (1941), «„Горе от ума“ — и „На всякого мудреца довольно простоты“ на сцене Московского Малого театра» (1938), «Пьеса и спектакль. — А. Н. Островский. „Бедность не порок“ на сцене Малого театра» (1948), доклад «А. П. Чехов на провинциальной сцене» и др. Дурылин считал, что пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского были созданы дважды: когда их написали авторы и когда их сыграли актёры Малого театра. Актёров он признавал полноправными соавторами пьес.

В своих книгах об артистах Дурылин воссоздаёт живые образы на сцене, не описывает, а показывает игру актёров. Как ему это удавалось? Дурылин подчёркивал, что исследователь театра не должен путать текст литературный, прошедший цензуру и рассчитанный на читателя, и текст театральный, текст суфлёрский, по которому актёр играл. Так, обнаружив пометки в суфлёрском экземпляре пьесы «Отелло» (в Малом театре мавра играл А. П. Ленский): «входит (к Дездемоне. — В. Т.) с фонарём и греет руки», а рядом с репликами Отелло, когда его мучают сомнения ревности, пометку: «не подавать» реплику, Дурылин понимает, что Ленский играл не ревность, а доверчивость Отелло, что совпадало с трактовкой этого образа Пушкиным. Сальвини, Росси^[420] врывались, а Ленский входил, переживая внутренние муки, и грел дрожащие руки над фонарём. Очевидно, была игра теней от рук.

Благодаря суфлёрскому экземпляру пьесы Островского «Свои люди — сочтёмся» Дурылин выяснил, что М. П. Садовский изменил финальную сцену по сравнению с выправленной цензурой редакцией пьесы. В пьесе квартальный уходит и добро торжествует. В спектакле квартальный не уходит, а проходит в кабинет Подхалюзина, где, и это понятно зрителям, он получает взятку. Таким образом, «отредактированный» цензором текст пьесы не помешал актёрам сыграть то, что они считали нужным.

Дурылин говорил, что нельзя верно оценить спектакль, если при этом ограничиться игрой актёров, упустив анализ декораций, костюмов, грима, музыки. А это требует от рецензента быть специалистом во всех этих

областях. Дурылин был им^[421].

Необычно мнение Дурылина о том, как надо играть Чацкого. Так его никто не играл. Он видит Чацкого таким же болтуном, как Репетилов. Какой же «декабрист» будет спорить со Скалозубом, говорить в передней обличительные речи, явно невозможные в обществе лакеев? Чацкий «шумит» в гостиной, Репетилов — в прихожей. «Но придёт время, и Чацкий спустится в прихожую. Как Чацкие превращаются в Репетиловых, можно хорошо видеть на примере Чаадаева. Уж он ли не был Чацким, — да таким, каким Грибоедову и не снилось! А кончил — английским клобом и несомненным Репетиловым с Новой Басманной». Дурылин считает, что Чацкого надо играть в уровень всем действующим лицам комедии, а не белой вороной, так как он плоть от плоти того общества, в котором живёт, и никуда от него деться не может, как не делся и Чаадаев. Роль Чацкого Дурылин дал бы гениальному Михаилу Чехову, у которого Чацкий «был бы и реален, и смешон, и по-своему трогателен и мил в своей нелепости»^[422].

Событие, которому Дурылин придавал столь важную роль, что описал его в своём зелёном альбоме, произошло 12 мая 1934 года. Он встретился со старейшим писателем Владимиром Алексеевичем Гиляровским у него на квартире в Столешниковом переулке. Сергей Николаевич принёс ему корректурный оттиск его народнического стихотворения, найденный среди бумаг К. Н. Леонтьева. Работавший в 1880-х годах цензором в Москве, Леонтьев трижды перечеркнул стихотворение «Гиляя» (так оно подписано) и не пропустил его в печать. Увидев стихотворение, вернувшееся к нему через 50 лет, «Дядя Гиляй» был взволнован: «За что он меня? Какая сволочь!» Дурылин, собиравший в эти годы материал для книги «Рисунки русских писателей», спросил Гиляровского, рисовал ли он. «За всю жизнь я одно только и умел рисовать: кошек, — ответил писатель. — Одну с поднятым хвостом, другую с опущенным. Идёшь, бывало, в „Будильник“ за гонораром, ежели дадут, то рисуешь кошку с поднятым хвостом, нет денег — с опущенным»^[423]. Гиляровский подарил Дурылину свою книжку «Друзья и встречи»^[424], с надписью: «Дорогой Сергей Николаевич! Примите этот мой сердечный подарок за Ваш интереснейший для меня подарок, напомнивший мне мою литературную юность и зверство, проявленное цензором К. Леонтьевым над моими стихами. Три раза перечеркнул, и мало того — ещё поставил рядом какой-то угол и знак вопроса! Что он этим хотел сказать — не додумаюсь, а черкал зло! Эту гранку с Вашей милой надписью сохраняю, и она войдёт в мои „Записки

репортёра“ в главу о цензуре. Любящий и уважающий Вас, дядя Гиляй.
14.V. 34. Москва. Столешники»[\[425\]](#).

Подорванное годами ссылок и без того слабое здоровье Сергея Николаевича заметно ухудшалось. Врачи предупредили Ирину Алексеевну, что в тесной комнате коммуналки и с подъёмами по лестнице на восьмой этаж (лифт чаще всего не работал) Сергей Николаевич с его больным сердцем проживёт не более трёх месяцев. Ужас охватил её, и она все силы напрягла, чтобы спасти его.

КОНЕЦ СКИТАНИЯМ. БОЛШЕВСКИЙ ПЕРИОД

Хлопоты о предоставлении Дурылину комнаты в Москве ни к чему не привели, но удалось получить участок под постройку дома в Болшеве. Дурылин определил, что участок находится на земле бывшего имения князя П. И. Одоевского (1740–1826). Некоторые постройки имения до сих пор сохранились на улице им. С. Н. Дурылина. Это церковь Козьмы и Дамиана, построенная князем в 1786 году, здание школы, в котором сейчас размещена библиотека им. С. Н. Дурылина, и др.

Гонорара за инсценировку романа «Анна Каренина» хватило для постройки дома. Писал Дурылин для Ярославского театра, но пьеса была поставлена в Кирове, Томске, Свердловске, Костроме, Иванове. Позже Сергей Николаевич шутил: «Мне Анна Каренина дом построила». Но строительством пришлось заниматься Ирине Алексеевне. Строительный материал достать было почти невозможно. Шла она как-то по Страстной площади и видит, что разрушают Страстной монастырь. Спросила, можно ли купить что-нибудь. К её радости, продали кирпич, двери и великолепные арочные оконные рамы. Они очень украшают дом. Сергею Николаевичу было приятно, что частичка Страстного монастыря сохранится в его доме. На время строительства Ирина Алексеевна определила Дурылина в дом отдыха «Правда», потом на месяц к Тютчевым в Мураново, потом опять в дом отдыха. На участке поставили сарай, и в нём поселилась Елена Григорьевна Першина — мать Феофания, рясофорная монахиня с 1919 года, которой после разорения монастыря и шестилетнего отбывания в ссылках податься было некуда. Приехала к Ирине Алексеевне, помогала при строительстве, да так и осталась жить. Ирина Алексеевна сразу с ней договорилась, что не будет ни монашеской одежды, ни имени и о священстве Сергея Николаевича никому ничего не говорить. В 1960-е годы, когда я появилась в доме, Елене Григорьевне перевалило уже за восемьдесят и жила она «на покое», уже не помогала по хозяйству, каждый день ходила в церковь и приносила нам просфорки. Хоронили мать Феофанию в 1970 году в монашеском одеянии и с закрытым лицом. За соблюдением всех правил следили монашенки из её бывшего монастыря, вызванные Ириной Алексеевной.

Когда фундамент был почти готов, приехал Сергей Николаевич

посмотреть, как идут работы. Ему показалось, что дом мал, он отмерил метра три по длине: «Здесь будет коридор, ванна, уборная». Это очень осложнило постройку, но перечить Сергею Николаевичу Ирина Алексеевна не могла. В кухне сложили русскую печку, хотя после Киржача Сергей Николаевич невзлюбил это устройство русской избы. Там громоздкую русскую печь, занимавшую пол-избы, приходилось топить дважды в день, дров она пожирала много, но тепло не держала, и согреться можно было только на лежанке. Болшевская печь тепло держала, но, несмотря на топившуюся ещё одну печь для комнат, зимой в доме температура не поднималась выше 17–18 градусов. В главе «Отчий дом» из мемуаров «В родном углу» Дурылин любовно опишет голландские печи из белых блестящих изразцов, которые в их доме в Плетешках хорошо хранили тепло и позволяли ходить без фуфаяк и тёплых кофт.

Шестого ноября 1936 года состоялось «официальное открытие» дома (хотя ещё года два пришлось его достраивать, зарабатывая деньги лекциями, статьями и частыми выездами в театры разных городов на консультации по сценическому искусству и режиссёрскую работу). Народные артисты Елена Митрофановна Шатрова и Василий Осипович Топорков устроили торжественное шествие к дому и водрузили на нём флаг.

Судьба сжалилась над пятидесятилетним, измученным скитаниями, болезнями, постоянным надзором ГПУ Дурылиным и подарила ему на последние 18 лет благополучный период жизни.

Наконец у Сергея Николаевича появился свой тихий, спокойный угол «с геранью на маленьком окошке», кончились мытарства, переезды, бесприютность. В шумной, суетной Москве серьёзная работа не клеилась. И судьба подарила ему Болшево. Отказ в получении комнаты в Москве воспринимался как беда, а оказался благом.

Теперь можно было обзаводиться своим хозяйством — первый раз в жизни. Ирина Алексеевна прежде всего навела уют в кабинете Сергея Николаевича — канцелярский письменный стол с настольной лампой под зелёным абажуром и литой чернильницей, под столом скамеечка для ног (чтобы зимой не мёрзли от холодного пола), книжные полки до потолка во всю стену, узкая железная («солдатская») кровать, диван со спинкой и валиками, накрытый белым холщовым чехлом. Эта обстановка в полной неприкосновенности сохранилась и до сего дня. Завели огородик, разбили сад. Под окном кабинета росли две берёзки. Возле них пела под гитару для Сергея Николаевича Надежда Андреевна Обухова. Ирина Алексеевна

посеяла между берёзами рожь, чтобы Сергей Николаевич, глядя в окно, видел «кусочек России» (так она мне объяснила). Любил Сергей Николаевич побродить в саду с гостями, вспомнить философскую Москву начала XX века с М. К. Морозовой, посидеть на скамейке с М. В. Нестеровым, для которого в доме была предусмотрена комната, и он часто и с удовольствием гостил по несколько дней, а то и недель. Уезжая, Нестеров всегда оставлял на столе («незаметно для хозяйки») карандашный рисунок в подарок Ирине Алексеевне. Сергею Николаевичу он дарил свои этюды. В октябре 1937 года Нестеров сообщает в письме: «Сегодня иду на именины Серг. Николаевича, который (или, вернее, Ирина) построил себе „хижину“ верстах в тридцати пяти от Москвы, там будет комната, которая в любое время будет ожидать моего посещения»^[426]. И конечно, в доме поселились кошки. И Сергей Николаевич, и Ирина Алексеевна (каждый сам по себе) оставили воспоминания, как Нестеров в саду играл с котятками.

Рассказывая о Дурылине, нельзя не сказать о его любви к кошкам. Он их не просто любил, он их глубоко уважал за их мудрость, красоту и грацию, ласковость и преданность хозяину, но при всём этом — независимый нрав. «Васька, мой кот <...> хорош уж тем, что за всё время лежания его на письменном столе моём никогда не сказал ни одной глупости. <...> Я Ваську глубоко уважаю и люблю. В своём углу ему принадлежит большое место, совершенно заслуженное». Это челябинская запись 1924 года. А в 1926 году, начав в третьей тетрадке «В своём углу» писать о русских писателях XIX века, Сергей Николаевич вдруг бросает, сделав приписку: «(Васька лапки положил и не дал писать)»^[427]. В рукописи карандашом обведены лапки кота. По-моему, это замечательно и трогательно. Челябинского Ваську привезли в Москву. Когда Дурылина в 1927 году арестовали и комнату его опечатали, кот лёг под дверь комнаты, отказывался от еды и воды, которую приносили соседи по квартире, и умер от тоски по хозяину. Сергей Николаевич часто вспоминал его в своих записях. М. Н. Лошкарёва, племянница В. Г. Короленко, с 1934 года печатавшая работы Дурылина, приехав в Болшево, нередко заставляла Сергея Николаевича у письменного стола, неловко притулившегося на краешке кресла, чтобы не потревожить раскинувшуюся на нём во всю ширь Мурку. Композитор Ю. Бирюков 23 января 1941 года исполнил на рояле в Болшево свою «Кошачью сюиту», посвящённую дурылинской кошке Мурке. А Сергей Николаевич подарил этой кошечке свою книгу «Михаил Юрьевич Лермонтов», написав на титульном листе: «Милой Мурочке, моей помощнице-певунье при этой работе. Автор. 12.VII.

1943»^[428].

Ещё в 1920-х годах Сергей Николаевич начал писать для Ирины Алексеевны (чтобы её позабавить и развеселить) маленькие рассказы, стишки о кошках и от имени кошек. Утром возле своей кровати она находила «сюрпризики». Их весело читали за завтраком, а потом складывали в папочку. Постепенно сложилась целая книжка «Муркин вестник „Мяу-Мяу“» с рисунками автора. В неё вошли помимо рассказов о своих кошках рассказы о кошках известных людей, о кошкиных именах, а также загадки, песенки, шутки-прибаутки, рассказы о птицах и зверях, о домашних новостях, о близких друзьях и знакомых. В сокращённом виде книжка издана за свой счёт другом дурылинского дома, бывшим директором Симферопольской картинной галереи Розой Дмитриевной Бащенко тиражом 500 экземпляров^[429]. И разошлась в считанные дни.

В Болшеве успокоилась душа Сергея Николаевича под тёплой материнской заботой Ирины Алексеевны. Здесь он сумел примирить в себе служение Богу (тайное) и служение искусству (явное).

Распорядок в доме, весь образ жизни были подчинены интересам Сергея Николаевича. Вставал он на рассвете, часа в четыре утра, пил чай и садился работать у себя в кабинете над очередной книгой, лекцией, докладом. Когда обитатели дома и гости просыпались, он выходил к ним и за общим завтраком развлекал весёлыми разговорами, интересными рассказами. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь не приезжал к нему. С возвращением в Москву изменился круг знакомых. Из прежнего окружения «иных уж нет, а те далече», а некоторые перевоплотились в «новый антропологический тип» (выражение Н. Бердяева) и делали карьеру. Продолжает общаться с Т. А. Сидоровой (Буткевич), М. В. Нестеровым, М. К. Морозовой, С. А. Никитиным (епископом Стефаном), с С. И. Фуделем только письмами, так как тот в ссылке, с Б. Пастернаком, Р. Р. Фальком, Н. Н. Гусевым, Нерсесовыми, Гениевыми и ещё несколькими людьми из «доарестного» окружения. Теперь у него много друзей из актёрской среды, добрые отношения с учёными-филологами, людьми искусства.

Московская жизнь Дурылина так насыщена литературной, научной и педагогической работой, как будто это компенсация за годы томской ссылки. После возвращения из Киржача он недолгое время работает старшим научным сотрудником Музея Малого театра. В год образования Союза писателей СССР (1934) становится его членом — билет № 492 подписан М. Горьким. (Членом Всероссийского союза писателей Дурылин

был с 1920 года.) С 1938 года сотрудничает в Лермонтовской и Толстовской группах Института мировой литературы (ИМЛИ). По заданию института пишет книги, статьи, читает доклады, участвует в качестве комментатора и редактора в подготовке академических собраний сочинений классиков. С 15 мая 1945 года по 1 апреля 1946-го заведует кафедрой истории русского театра в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС), с 4 апреля по личной просьбе освобождён от этой должности и оставлен в качестве профессора. Под его руководством написаны и защищены многие диссертации. В это же время (с 30 марта 1945 года) он — старший научный сотрудник сектора истории театра во вновь созданном Институте истории искусств АН СССР, с 1946 года и до конца своих дней — профессор. В 1944 году по ходатайству ИМЛИ Дурылину присваивают степень доктора филологических наук без защиты диссертации по совокупности работ. До самого конца Дурылин не сбавлял напряжённый ритм работы.

Большевский период был самым плодотворным в творчестве Дурылина — более двухсот крупных публикаций, а ещё работы, которые писались в служебном порядке для Института истории искусств АН СССР, для Института истории АН СССР и остались в машинописном варианте, статьи в газетах, рецензии, а также то, что создавал для себя — «в стол». А сколько было «сердечно-отстоявшегося», «мыслительно-окрепшего» (выражения Дурылина), что хотел, но не решался доверить бумаге. Часть оставшихся в рукописях материалов об актёрах Дурылин надеялся увидеть на страницах «Театрального наследства», которое, он полагал, должно быть создано по типу «Литературного наследства». К сожалению, осталось неоконченным исследование «Пушкин и Грибоедов. „Борис Годунов“ и „Горе от ума“». К истории творческой взаимности». Сколько бесценного мог бы Дурылин поведать нам!

Дурылин продолжает серию фундаментальных исследований из истории литературных отношений России и Западной Европы, начатую работой «Русские писатели у Гёте в Веймаре»: «Александр Дюма-отец и Россия» (1937), где освещает отношения Дюма с Николаем I и его путешествие по России; «П. А. Вяземский и „Revue encyclopédique“» (1937) — об утаённом сотрудничестве Вяземского с журналом Жюльена, друга Робеспьера; «Г-жа де Сталь и её русские отношения» (1939) — о скитаниях писательницы, изгнанной из Франции Наполеоном за политические взгляды, о её переписке с Александром I и отношениях с С. С. Уваровым, будущим президентом Академии наук. Тонкая интуиция исследователя, глубокое знание материала позволяют Дурылину строить своё повествование на фоне политической и общественной атмосферы, в

которой жили его герои. В своих исследованиях Дурылин свободно перемещался из века в век, из одной страны в другую, от одного вида искусства к другому — всё составляло его профессиональный интерес, и знания были глубокими.

В эти годы выходят крупные работы по истории литературы и театра; а также монографии «Айра Олдридж» (1940), «Н. М. Радин» (1941), «П. М. Садовский» (1950), «Мария Николаевна Ермолова» (1953), «Мария Заньковецкая» (1955, на укр. яз.). В целом ряде работ — анализ различных сторон творчества Лермонтова, Пушкина, А. Н. Островского, М. Горького... На основе неизданных или малоизвестных материалов Дурылин вводит в биографии писателей новые факты и имена. Большое число книг и статей посвящено творчеству актёров Малого и Художественного театров (М. С. Щепкин, И. М. Москвин, В. И. Качалов, семья Садовских, Е. Д. Турчанинова, Артём, А. П. Ленский, Н. К. Яковлев и др.). Число словесных портретов и зарисовок только артистов приближается к восьмидесяти. Полгода длился «литературно-переговорный роман» [выражение Дурылина] с В. Н. Пашенной: он задавал вопросы, она отвечала. Ему нужно было понять стержень её непростого характера, прочувствовать пружины творческого мастерства. Прочитав книжку о себе, Варвара Николаевна Рыжова откликнулась: «...И что всего удивительнее, так это то, что если бы мне пришлось самой анализировать свою работу над ролями, то я не могла бы с такой точностью и так правильно описать, как это сделал Сергей Николаевич — ведь как будто он раскрыл, что было в мозгу и в моей душе — до того правильно он всё это описал»^[430].

В 1945 году Дурылин подготовил для сценариста и режиссёра И. М. Анненского справочный материал к сценарию фильма «Княжна Мэри»: исторические справки, описание быта, характеристики действующих лиц.

Елена Наумовна Пенская, проанализировав библиографию печатных работ Дурылина в советский период, изумилась его работоспособности. «Примерный подсчёт монографий или капитальных трудов, — пишет она, — требующих фундаментальной проработки историко-культурной фактуры, даёт фантастические цифры, подтверждающие невероятную продуктивность С. Н. Дурылина: ежегодно выходили от одной до нескольких монографий. Простая библиографическая подборка свидетельствует о том, что в Советском Союзе бесперебойно действовала с 1936 по 1954 г. „фабрика мысли“, регулярно поставлявшая историко-театральную продукцию. (Средние показатели: в 1935 г. С. Н. Дурылин выпускает более 40 печатных трудов; в 1936 г. — более 50; в 1937 г. — более 60; в 1938 г. —

более 100.)»^[431].

При всём обилии имён в списке работ Дурылина нет случайных. Он пишет о тех, кто, обладая талантом, был яркой личностью с твёрдым стержнем характера и насыщенным внутренним миром. Дурылин ни разу не отступил от своего принципа: досконально изучить материал, всё узнать о человеке, его жизни, быте, но писать только о том, что связано с его творчеством. «Мотив внутренней жизни» человека привлекал его. Он стремился показать, какие чувства, мысли и думы вложил писатель, актёр, художник в свои создания, какими творческими путями шёл он от истоков к завершению своего творения, и при этом сохранить живой образ человека со всеми его характерными жестами, мимикой, особенностями языка. Бережное отношение Дурылина к героям своих книг можно выразить словами композитора Георгия Свиридова: «В чём сила русского искусства, русской литературы (кроме таланта самого по себе)? Я думаю, она — в чувстве совести»^[432].

Занимала его и проблема творческой лаборатории писателя: «Как работал Лесков» (доклад, 1925), «По мастерской Островского» (1934), «Как работал Лермонтов» (1934).

Тонкого стилиста Дурылина заботила чистота русского языка. Ещё в 1909 году, записывая свои впечатления от посещения Ясной Поляны, Дурылин особо отметил «совесть языка» Толстого, не допускающую «ничего чуждого живой силе, мудрой глубине и светлой ясности исконной русской народной речи». В 1946 году он читал доклад «Слово о слове», где говорил о недопустимой засорённости речи многих публично выступающих и пишущих людей. Его возмущали искажения, штампы, неправильно произнесённые слова, неоправданное употребление иностранных слов... Дурылин в совершенстве владел искусством слова. Говорил, что русскому языку он учился у артистов Малого театра, игравших в пьесах Островского. Любовь к народным образным выражениям и словечкам он унаследовал от матери. Он любил «народно-яркую, ёмко-меткую, самоцветно-живую московскую речь» (выражения Дурылина). В его работах много свежих, незатёртых слов, иногда им самим образованных, например таких: жесточь, дружество, врагиня, домоседный, уединённый, выхватки, обвеснело, мыслительный затвор, небо вызвездило, книгу листую... То, что Дурылин написал о Лескове, в полной мере относится и к нему самому: «У Лескова, как языколюбца, есть особая стихия языка, радость, почти сладострастие языкотворчества»^[433]. В. В. Разевиг сообщает Дурылину: «Вот тебе, любителю слов ископаемых,

слово: унынливый, — один монах писал, объезжая разорённые татарами села, в XIV веке»^[434]. Гениева отмечает умение Дурылина сгустить в одно слово мысль, вдруг всё озаряющую. Ирина Алексеевна вспоминала: «Сергей Николаевич говаривал: „Когда говорят Рыжова, Турчанинова, Яковлев, Лебедев — одно наслаждение слушать: подлинно московская речь, отточено каждое слово, каждый звук в слове. <...> А теперь слушаешь, точно каша во рту, так и хочется сказать: прожуй, а потом и говори“»^[435].

У Дурылина есть стихотворение «Московская речь», написанное в 1926 году:

И в холоде противоречий,
Попав в мыслительный поток,
Как не любить московской речи
Неувядаемый цветок!
Она — царица Несмеяна
В золотоверхом терему —
Всегда улыбкой осияна
И не даётся никому,
Кто ход не знает к ней природный,
Московский потаённый ход;
Прилежный путник чужеродный
Его и видя не найдёт.
А он так прост: спроси просвирин,
Не хочешь — Пушкина спроси,
Не скажет ли Прокопий Сирин,
Садовских, Фета допроси.
Ключи в руках у Горбунова
И у ребёнка с верным «а».
Нет, к роднику живого слова
Ведёт родная лишь тропа!^[436]

«Каждая эпоха, очевидно, имеет свой язык — и свой словарь, — пишет Дурылин Марии Степановне Волошиной. — У Макса он очень богат, а не всем по плечу словесное богатство. <...> Недавно после беседы о Гоголе один юноша спросил меня: „А кто это был откупщик?“ Он не понимал целую фигуру у Гоголя. <...> Нет откупщиков — и, значит, непонятен

целый образ у Гоголя. У Гоголя!»^[437]

В 1947–1948 годах Дурылин был членом Правительственной комиссии по празднованию 125-летнего юбилея А. Н. Островского. В связи с этим юбилеем, кроме статей и докладов, подготовки к печати текстов пьес драматурга, вступительных статей к ним, Дурылин написал книгу «А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества» (1949). В этих и других работах об Островском Дурылин устанавливает творческую и жизненную связь между литературной природой пьес и их воплощением на сцене, показывает, как требования театра, сцены отражались в самом творческом процессе работы драматурга над пьесами.

Тщательно собирая свой архив, Дурылин, записывая свои «памятки», и других побуждал писать воспоминания, сохранять и систематизировать материалы о своей жизни, знаменательных событиях, свидетелями которых они были, о встречах с интересными людьми. Ведь люди уходят, а с ними исчезают точные приметы их времени, жизненные свидетельства эпохи, «живая старина». П. П. Перцова он уговаривает написать воспоминания о его дяде Эрасте Петровиче Перцове — известном литераторе XIX века, знакомце Пушкина, о М. В. Нестерове, о Вл. Соловьёве, Лермонтове и обещает заплатить за них. Просит писать «в любой форме», так как «это пишется навсегда, а не для редактора»^[438]. Актёров просит изложить, как умеют, историю создания ведущих ролей и постановки значительных спектаклей, писать «памятью сердца» всё, что вспомнилось. Обухову просит писать о себе, Н. А. Прахова^[439] — о тех, кто бывал в их доме: Врубеле, Васнецове, Нестерове... В письме Н. А. Прахову от 4 декабря 1954 года Сергей Николаевич приводит любимые им, часто встречающиеся в его записях строки Пушкина:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека.
Залог величия его.

И продолжает: «И ещё более радуюсь, когда мы извлекаем из собственной памяти сердца это былое и оставляем его в наследство

потомкам»^[440].

По инициативе Дурылина и при его поддержке Нестеров писал воспоминания и очерки о современниках, из которых впоследствии составила́сь книга «Давние дни», вышедшая первым изданием в конце 1941 года. Дурылин помогал отбирать для неё очерки и вёл корректуру.

Закончив в Болшеве монографию о Нестерове, Дурылин понимает, что написана она не так, как хотелось и как надо бы. Но и эта, подвергнутая самоцензуре редакция вряд ли увидит свет. «Я окончил книгу о М. В. Нестерове, — сообщает он в 1945-м в письме П. П. Перцову. — В ней 1400 ремингтонных страниц. Какая бы ни ожидала её судьба, я сделал то, что хотелось всегда Михаилу Васильевичу — написал книгу о нём, начав её — легко сказать! — в 1923 году!»^[441] В рукопись Сергей Николаевич вложил листок с такой записью:

ПОСВЯЩАЕТСЯ   ИРИНЕ   АЛЕКСЕЕВНЕ
КОМИССАРОВОЙ-ДУРЫЛИНОЙ

В этот труд о МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ НЕСТЕРОВЕ, горячо тебя любившем и глубоко уважавшем, вложено тобою столько любви, заботы и всяческой помощи, что если б не было тебя около писавшего эту книгу, не было бы и этой книги. Твоё имя должно поэтому стоять на первой её странице, — и с твоим именем должна эта книга идти в жизнь.

*Твой С. Дурылин Болшево 1945 год, 5 мая В.
Суббота*^[442]

Более счастливая судьба у другой монографии Дурылина — «Мария Николаевна Ермолова», вышедшей к столетию артистки. С юности восторженный поклонник гениальной актрисы, он помнил рассказы своей мамы о маленькой Машеньке — ученице балетного училища, с которой она тогда познакомилась. Василий Алексеевич Кутанов — отец Анастасии Васильевны — был первой скрипкой в оркестре мецената Шиловского и «обладал ходами в мир театральный». Не разрешив Настеньке учиться в балетном училище, он разрешал ей бывать там на репетициях. Был он знаком и с отцом актрисы — Н. Д. Ермоловым, суфлёром Малого театра. Собранный за многие годы материал о великой Ермоловой составил более двадцати папок. «Невозможно перечесть тех устных сообщений, бесед, разъяснений, наблюдений, посвящённых Ермоловой, которыми обогащена эта книга благодаря заботе друзей и знакомых великой артистки», —

отметил Дурылин в предисловии к книге. Сохранилась копия его письма Александре Александровне Яблочкиной, с благодарностью за письмо-воспоминание и подарок — афишу Ермоловой. Многочисленные статьи, доклады, речи Дурылина на юбилеях вылились в фундаментальный труд, написанный живо, эмоционально, получивший единодушную признательность читателей, критиков, собратий по науке и до сих пор не утративший своей ценности. За монографию «Мария Николаевна Ермолова» Дурылин получил премию Академии наук СССР. Сергей Николаевич посвятил книгу памяти своей матери. Успел Сергей Николаевич подготовить сборник «Мария Николаевна Ермолова. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников», который вышел через год после его смерти.

Участвует Дурылин и в коллективных изданиях Института мировой литературы, Института истории искусств, Академии наук СССР, где публикуются его комментарии к письмам Гоголя, Ермоловой, Щепкина; пишет для многотомной «Истории русского театра» разделы о Крылове, Пушкине, Гоголе, Лермонтове, ряд глав для «Истории советского театра»... Коллеги по Институту истории искусств АН СССР отмечали, что Дурылин составил такой развёрнутый план сложнейшего тома истории русского театра XIX века, что работать по нему было уже легко.

В Большом зале Дома актёра ВТО 6 марта 1948 года состоялась премьера оперы «Барышня-крестьянка». Либретто на сюжет Пушкина написал Дурылин, музыку — Ю. С. Бирюков.

Статьями в журналах и газетах Дурылин откликался на юбилейные даты, хотя к этой своей деятельности относился достаточно критически. «Юбилеи кормят, но и отнимают все силы, — пишет он П. П. Перцову. — А я ведь что напишу, то и съем, какую лекцию прочту, ту и съем. У меня нет никаких иных источников существовать»^[443]. Юбилейные статьи отнимали не только силы, но и время, необходимое для написания монографий и крупных исследований.

Работая в 1940 году над книгой «Островский и русская действительность его времени», Дурылин возвращается мыслью к своим запискам 1924-го, в которых он сетует на необъективность драматурга, у которого купцы все — или дураки, или самодуры, или чудаки. А где же Третьяковы, Сапожниковы, Мамонтовы и другие образованные и культурные купцы, много сделавшие для своей страны? «Я знал четвёртые, пятые поколения московских купцов с наследственной давней культурой. На Афоне русское монашество возрождено в 50–60-х гг. русскими купцами. Преп. Серафим, оптинские Моисей и Антоний, афонские Иероним и

Макарий — люди, с которыми беседовали и перед коими повергались ниц Гоголь, Ив. Киреевский, К. Леонтьев, — были купеческие дети. В этих подвижниках из купцов был и подлинный религиозный дух, и тонкий, мистический ум, и широкий, смелый, почти государственный, административно-практический захват и сила. Стоит вспомнить возрождение „Русика“ на Афоне, создание „Нового Афона“, обновление „Оптиной пустыни“. Стоит припомнить старообрядчество и „купца“ в нём. Стоит вспомнить „хлудовскую“ псалтырь и библиотеку, издания и картины К. Солдатенкова, домашний театр, Абрамцево, „русскую оперу“ и Архангельскую дорогу Саввы Мамонтова и множество „купеческих“ — очень старых — культурных учреждений Москвы, чтобы понять, какую действительно „глупость“ о купцах представляли и представляют доселе на сцене! <...> Помню, конечно, что без „глупости“ писали Мельников и отчасти Лесков»^[444].

ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Когда в 1941 году фашистские войска подошли к Москве, Сергею Николаевичу предложили эвакуироваться. Он категорически отказался, а своим родным сказал: «Война будет долгая. Мы победим, но не за один месяц или год. А ехать нам некуда и незачем». Они остались в Болшеве.

Во время войны Иван Фёдорович Виноградов был в эвакуации со своим заводом в Барнауле, а Александра Алексеевна работала в Москве начальником цеха гарантийного ремонта на часовом заводе Ювелирторга, вечерами дежурила в госпитале, ухаживала за ранеными. Она была приветлива, терпелива, заботлива. Сергей Николаевич очень ценил её умное, доброе сердце. Для него и для Ирины Алексеевны Шура и Ваня были как любимые дети.

Осенью 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, Сергей Николаевич в очередь с соседями обходил отведённый участок, наблюдал, нет ли где пожара, не сбросили ли фугасную бомбу. Однажды в 25-градусный мороз привёл 25 бойцов, замёрзших и усталых: «Накормите их всем, что есть в доме, и разместите». Так и сделали. Александра Алексеевна вязала варежки, шила маскировочные халаты, и в каждую посылочку, отправляемую бойцам на фронт, Сергей Николаевич вкладывал записочку: «Пусть эти варежки согревают не только руки, но и души ваши заботами и любовью оставшихся под Москвой жён, сестёр и матерей». Сергей Николаевич читал в воинских частях, в госпиталях лекции и организовывал концерты, привлекая к участию в них знаменитых артистов: А. А. Яблочкину, Е. Д. Турчанинову, Н. А. Обухову и др. М. Н. Лошкарёва — машинистка Дурылина, вспоминала, как в 1941–1942 годах Сергей Николаевич, закутавшись поверх одежды в тёплый халат, садился за письменный стол, а она — за машинку. Работать было трудно, руки замерзали, и их то и дело приходилось отогревать дыханием.

Одна страничка текста Дурылина ярко характеризует их жизнь в 1941 году: «Ариша выехала вчера в Москву в 11 ч. 15 мин. Долго ждала поезда. В 12 началась ужасная пальба зениток. Гул аэропланов был зловец. Стаи птиц носились в ужасе. Дважды объявлялась тревога. В Москве прямо с поезда „загнали“ в метро. Там были до 1 ч. дня. Дальше пешком по Москве ходила по делам — „карточка“ моя, „удостоверения“ и пр. и пр. Под бомбами. Пешком, пешком. Видела разрушенный Большой театр. Трупы на Неглинной, трупы на Тверской... Ирина с Шурой, прождав 40 мин. на

вокзале, сели в первый попавшийся поезд и доехали до Мытищ. От Мытищ пешком в Болшево (6 в.); дважды попадали под зенитный обстрел: укрывались в лесу, накрывая голову портфелем от осколков. Пришли в Болшево под гром зениток. И тишина в душе её, и ласка ко всем, — и забота обо всех: накормила кошек, накормила людей, успокоила меня: этому всему и всей её жизни, теперь уже ясно, есть только одно имя: героизм, любовь, не знающая страха и крепкая, как смерть. Нет, крепче смерти. 1941. Болшево. 29. X. Ревут самолёты»^[445].

Из письма С. Н. Дурылина И. С. Зильберштейну: «Что значит для меня Ирина Алексеевна, Вы знаете с 1932 года — и знаете *лучше* всех: я не мог бы — при моих годах, сердечной болезни, неприспособленности к жизни, при моей *слепоте* (у меня потеряно 80 % зрения) — сделать *ничего*, если б не Ирина Алексеевна: Она мне *поводырь* (в буквальном смысле слова), и переписчик, и секретарь, и доверенное лицо, и кормитель мой, одним словом, *всё*»^[446].

В 1942 году, как только освободили от немцев деревню Сытино, в Болшево пришло письмо с радостной вестью, что сестра Ирины Алексеевны Пелагея Алексеевна (все называли её Полина) (1900–1990) и отец — Алексей Осипович (1874–1960) живы. Но их дом немцы при отступлении сожгли вместе с другими домами деревни. Полина Алексеевна сообщила об этом кратко: «Дом сожгли, корову увели, а так всё хорошо». Александра Алексеевна съездила на пепелище и привезла родных в Болшево, хотя было нелегко пробираться по только что освобождённой территории.

Полина Алексеевна устроилась работать в госпиталь санитаркой. Скромность и безотказность сочетались в ней с глубокой мудростью и большим чувством собственного достоинства, никогда не переходящего в гордыню. Она ни в малейшей степени не навязывала себя окружающим, старалась держаться в тени. Регулярные посещения церкви, в постные дни — тюря и овсяный кисель, работы по дому, уход за курами — всё делалось тихо и незаметно. Она не вела длинных разговоров, но если говорила, то это было всегда к месту и умно. Никого не осуждая, она умела молча выразить своё неодобрение чьим-то словам или поступкам. А критерий у неё, так же как и у сестёр, всегда был один: честность, порядочность, скромность, естественность в поведении.

Невероятная история случилась 18 мая 1942 года. Гости сидели на круглой веранде, мирно пили чай — отмечали именины Ирины Алексеевны и вдруг увидели падающий на них со страшным шумом наш самолёт. Кто-

то успел спрятаться под стол. Но всех спасла ёлка, росшая перед верандой. Она задержала самолёт и смягчила удар. Никто не пострадал, и самолёт остался цел, и лётчик жив. Только керосин вытек, но Алексей Осипович успел собрать его в бачки, корыта, вёдра. Лётчик узнал Сергея Николаевича: оказалось, Дурылин читал в их части лекцию. Сохранилась фотография, на которой чётко виден самолёт, уткнувшийся носом в землю перед самой верандой.

В годы войны Дурылин считал себя мобилизованным. Издал около пятидесяти работ. Это ряд книг в сериях «Писатели-патриоты великой Родины», «Великие русские люди», в «Массовой библиотеке». Среди них монография «Русские писатели в Отечественной войне 1812 г.», где, рассказав об участии тридцати русских писателей в войне с французской армией, он переходит к современным писателям, участвующим в Великой Отечественной войне. В журналах и газетах выходили статьи на патриотическую тему: «Героическая поэзия. М. Ю. Лермонтов», «Идея и образ Родины в русской литературе», «Гоголь и Родина», «Лирой и мечом» и др. Читает лекции: «Гоголь о народном героизме», «Патриотизм Пушкина». Кроме того, по заданию ТАСС, Информбюро и ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей) он пишет статьи, которые печатались в различных изданиях стран Западной Европы, Азии и Америки. Некоторые его работы переведены на английский, французский, испанский, китайский и другие языки. В 1945 году Дурылин был награждён медалью «За оборону Москвы», в 1946-м — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1947-м — медалью «В память 800-летия Москвы», а в 1949 году — орденом Трудового Красного Знамени.

В первый год войны немцы подошли так близко, что настоящее и будущее вместились в «сейчас»: бросит ли бомбу на крышу дома вот этот немецкий самолёт. От этого «сейчас» захотелось уйти мыслями в далёкое прошлое, захотелось прямой встречи с давно отцветшим детством, с отшумевшей молодостью, с родными Плетешками, что у Богоявления в Елохове, с Москвой конца XIX века и живой, светлой встречи с отцом, мамой, няней. И Дурылин начал писать воспоминания. Он часто повторял строки К. Н. Батюшкова из стихотворения «Мой гений»: «О память сердца! Ты — сильней / Рассудка памяти печальной...»

«Сколько злых сил враждует на свете с былым, — записывает Сергей Николаевич, — скучно их перечислять, но все они хотели бы, чтобы у целой страны, у целого народа и у отдельного человека не было его бывшего, ещё точнее: чтобы не было воспоминаний о былом». Он убеждён, что

только бессмертная душа человека даёт ему возможность помнить всю свою жизнь от рождения до старости, на протяжении всего земного существования, и в этом заключён стержень человека как личности. «Вспоминая, я живу сам и оживляю других, поглощённых временем, более того: я живу в других, я живу в чужом или стороннем бытии, как в своём собственном»^[447]. Он приводит строки стихотворения К. К. Случевского, созвучного его мыслям:

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но сокрушите помыслом скалу,
Дыханьем груди солнце загасите,
Огнём костра согрейте ночи мглу!..
Воспоминанья — вечные лампы,
Былой весны чарующий покров.
Страданий духа поздние награды,
Последний след когда-то милых снов.
На склоне лет живёшь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминанья дрогнут, —
Погаснет всё, и некуда идти.

Судя по сохранившимся двум вариантам плана воспоминаний, они остались неоконченными. Первую главу «Москва» он написал в 1928 году, последнюю — «Русские» — в 1953-м. Воспоминания в разных вариантах имеют два названия: «Записки С. Раевского» и «В родном углу». К циклу «В родном углу» примыкают и все воспоминания Дурылина о людях, которые составляли часть его биографии: Л. Толстой, отец Анатолий Оптинский (Потапов), отец Алексей Мечёв, В. В. Розанов, В. А. Кожевников, отец Иосиф Фудель, звонарь московского Сретенского монастыря П. Ф. Гедике и др. Это живой рассказ о своих отношениях с каждым из них, беседах, о связанных с ними событиях, свидетелем и/или слушателем которых он был.

К этим произведениям, равно как и к книге «В своём углу», относятся слова Сергея Николаевича: «Вспоминать — значит прощать.<...> Если нет сил прощать, не надо и вспоминать.<...> И это „простить“ здесь будет значить — „понять“». Он пишет «припоминания „памяти сердца“, которые будут посвящены тем, о коих нельзя говорить

...с тоской: их нет!

Но с благодарностью: *были!*»^[448]

Предаваясь в 1941 году воспоминаниям, Дурылин просматривает свои рукописи, давно вышедшие книги и, по своему обыкновению, часто вписывает в них комментарии. Так, в «Антологии» 1911 года он снабжает почти каждого поэта своей справкой. К двум стихотворениям Андрея Белого: «Белый в это время почти не писал стихов, но усиленно занимался ритмом, писал философские статьи для „Логоса“. <...> Чем больше Белый работал над изучением ритма, тем труднее и реже писал стихи, — и тем больше, по какому-то контрасту, уходил в художественную прозу („Петербург“ и проч.), но опять по какому-то чудодейству позднейшие романы его („Московский чужак“ etc.) оказались написанными гекзаметрообразными дактилями, упрятыми в обличье прозы...» К стихотворению, подписанному «С. Киссин»: «Погиб на войне 1914 года. Это был сумрачный, молчаливый человек, еврей того тихого „фальковского“ типа, который был мне всегда близок. Он молча слушал, что говорили другие. И стихи его были тихие, горестные, философичные». К трём стихотворениям Вл. Пяста: «Псевдоним Владимира Алексеевича Пестовского. Прекрасный поэт. Он был дружен с Блоком, ценим Вяч. Ивановым. <...> В „Трудах и днях“ была его статья о Стриндберге^[449], присланная едва ли не Блоком. Я его узнал гораздо позже, в 1920–1930 годы, сперва у О. Н. Бутомо-Названовой^[450] (певица), потом у Г. И. Чулкова. Он переводил испанских драматургов, — куда лучше, поэтичней, верней, чем Щепкина-Куперник, — но, как во всём, так и здесь был несчастлив: играли на сцене её, а не его переводы...» О Максимилиане Волошине, Сергее Михайловиче Соловьёве, Борисе Александровиче Садовском, Владиславе Фелициановиче Ходасевиче — записки-воспоминания, о других поэтах — маленькие статьи-заметки. «Антологию» Сергей Николаевич подарил Ирине Алексеевне с такой надписью: «Милая моя Ариша, дарю тебе эту книгу, полную воспоминаний о том, что кажется небывалым, невозможным, но что было, было, было. С. Д.».

«БОЛШЕВСКОЕ АБРАМЦЕВО»

Болшевский период жизни Дурылина — это его «труды и дни», каждая книга — страница его биографии, биографии писателя, учёного, исследователя. Почти совсем нет документов, рассказывающих о жизни духа, как это было до 1930-х годов. Письма в основном носят деловой и творческий характер. Дневников Дурылин больше не ведёт. Духовная жизнь остаётся по-прежнему насыщенной, но теперь она не нуждается в письменном изложении, разговоры с близкими людьми ведутся при встречах. Друзья приезжают часто, гостят по нескольку дней. С умными и духовно родственными П. П. Перцовым, М. В. Нестеровым, Г. С. Виноградовым, Е. Д. Турчаниновой можно говорить о том, что давно ушло из жизни страны, о чём вынуждены молчать, но что по-прежнему дорого и о чём тоскует душа. Дурылин сохранил внутреннюю свободу, не изменил своим убеждениям, и это проявилось в оценке творчества любимых писателей в подспудных работах. Для характеристики таких людей в наше время появился термин «внутренние эмигранты».

Дом Дурылина в Болшеве сразу стал центром притяжения. Вокруг Дурылина кипела интеллектуальная жизнь: писатели, актёры, художники, музыканты. Желанными гостями были и люди, далёкие от творчества, но с глубокой душой. Многие приезжали утолить духовную жажду, получить ответ на терзающие душу вопросы, найти утешение и моральную поддержку, а то и просто побыть в атмосфере высокой нравственной чистоты и возвышенных интересов, отдохнуть от «ярости благородной» советской действительности. Актёры, получив новую роль, приезжали обговорить с Дурылиным, как им над ней работать, иногда даже репетировали у него дома. Притягивала не только огромная эрудиция Сергея Николаевича, но и его доброжелательность, внимание и ласковость к человеку, искренность в общении. Даже замкнутые, необщительные люди в беседе с Дурылиным раскрывались, чувствовали себя свободно. В январе 1954 года Игорь Ильинский, поверяя Дурылину свою тайную и «беспокойную» мечту, просит у него совета, может ли он как режиссёр поставить «Фауста» и сыграть роль Мефистофеля: «Вы, как никто, можете разъяснить многое сумбурное и неясное, что я сам не могу раскусить»^[451]. Дом Сергея Николаевича и Ирины Алексеевны всегда, где бы они ни жили, был гостеприимным и хлебосольным. Гостей прежде всего сажали за стол и кормили, а Сергей Николаевич в это время развлекал их весёлыми

разговорами.

Дурылин любил общение с людьми интересными, вне зависимости от уровня или профиля их образования. Главное, чтобы у человека был «не ленивый ум» и не было рабства мысли, а были бы великая душа и сердце. Он ценил в людях деятельный живой ум, доброту, безыскусственность, чуткость, благородство мысли и поведения, непосредственность, остроумие, чувство пластики слова. В 1923 году он пишет В. В. Разевигу из Челябинска: «...я не книгоед и всегда любил то, что ап[остол] Павел признаёт добродетелью — общение»^[452]. А из Киржача сообщает поэту В. К. Звягинцевой, что при всей занятости у него всегда есть время на радость общения с людьми, книгами, мыслями, стихами. Иначе он просто бы погиб. Сидя за столом в тулупе в холодной комнате, Дурылин делит радость письменного общения с поэтессой с радостью чтения биографии Гёте^[453].

Прекрасные воспоминания о доме Дурылина оставил Алексей Петрович Галкин, инженер-конструктор на предприятии С. П. Королёва и поэт, постоянный гость дома с 1937 года. «Его дом для меня являлся духовной сокровищницей, где я черпал душевную теплоту и знания. <...> В его доме, когда бы я ни приходил, всегда кто-то гостил или навещал профессора, начиная от академиков, аспирантов и до простых людей, вроде меня», — пишет он в своей книге «Память сердца»^[454]. Бывал здесь в бытность свою священником отец Сергей Никитин (впоследствии епископ Стефан). Среди близких знакомых Дурылина нельзя не вспомнить С. Т. Рихтера и А. И. Трояновскую.

«Болшевским Абрамцевом» назвал дом Дурылина писатель Н. Д. Телешов, устроитель знаменитых «Телешовских сред».

В письменном столе в кабинете Сергея Николаевича лежал альбом^[455] в кожаном зелёном переплёте, подаренный на Рождество 1911 года его учеником Андреем Сабуровым. Этот альбом мы часто здесь упоминаем, его называли «спутником жизни» Дурылина. Продолжая старинные традиции, гости дома отмечались в альбоме кто стихами, кто рисунком, кто записью, кто нотами. Здесь автографы его друзей, учеников и людей из его окружения, упомянутых в этой статье, и многих других. Но были годы, когда Дурылин не мог и помышлять вести альбом или дневник. Тогда он *post factum* вкладывал и клеивал в альбом «всё, что служило ему метами памятных событий»: письма оптинского старца Анатолия, Флоренского, Андрея Белого, Вл. Короленко, Н. К. Метнера, рисунки М. В. Нестерова, М. Волошина, фотографии...

Екатерина Ивановна Пигарёва оставила в альбоме такую запись:

«Великим счастьем и Божиим благословением считаю, что образование Кирилла в руках человека, который „видит всё и славит Бога“». Николай Иванович Тютчев там же написал: «Среди постоянных волнений и забот последних лет, — одной из главных — была забота дать Кириллу настоящее образование. С тех пор, что Вы за это взялись, я спокоен. 31/III — 13/IV 1926». Частый гость Дурылина в Болшеве Кирилл Васильевич Пигарёв, ставший уже известным литературоведом и директором музея-усадьбы в Муранове свои записи в альбоме адресовал Ментору от Телемаха.

А это написала знаменитая певица: «Дорогие Сергей Николаевич и Ирина Алексеевна! Я счастлива, что побывала в вашем очаровательном, уютном уголке. Напиталась духовно умными беседами, согрета вашим гостеприимством и радушием. Уезжаю от вас, полная вашего обаяния. Глубокоуважающая вас Н. Обухова».

После возвращения в 1937 году из Франции, где прожил девять лет, Р. Р. Фальк часто навещает Дурылина в Болшеве. Его запись — выражение радости от встречи: «Как хорошо, дорогой Сергей Николаевич, что я Вас опять увидел. Такой же Вы тёплый, живой, как и раньше. Таким Вы всегда и останетесь. Р. Ф. 1/II 1939». В 1939–1940 годах Фальк делает вторую попытку написать портрет Дурылина, на этот раз более удачную. Оригинал хранится в РГАЛИ^[456]. Дурылин ценит творческую самобытность Фалька, «реальность в искусстве» зрелого периода художника.

Известный литературовед Иван Никанорович Розанов — частый гость Дурылина — оставил в альбоме хозяина стихи «У С. Н. Дурылина в Болшеве»:

Привет Вам, болшевский отшельник!
За Вас подьемлю свой бокал.
Ах! Перед Вами я бездельник,
Хоть я и много написал.
Здесь обитают мысль и слово.
Здесь и философ, и поэт.
Уместен тут и лик Толстого,
И тут не зря бытует Фет.
Здесь мудрость ходит без изъяна:
Здесь и уют, и труд, и честь.
Здесь есть и Ясная Поляна,
И Воробьёвка тоже есть.

27.09.1939. *Ив. Розанов*

Поэт и переводчик Т. Л. Щепкина-Куперник несколько лет снимала дачу по соседству в Болшеве и часто навещала Дурылина. Они частенько обменивались шуточными стихами. Одно из них начиналось так: «Какой Вы „большевский отшельник“...» при непрерывных звонках и ежедневных посетителях. Но не зря Дурылина называли отшельником. Несмотря на обилие гостей, активную творческую жизнь, частые выезды на чтение лекций и докладов, он в Болшеве вёл достаточно замкнутую жизнь. Не стремился к публичности, не уклонялся от участия в социальных мероприятиях, был очень осторожен в отношениях с духовно не близкими личностями.

Вот что может показаться странным: Дурылин на протяжении всей жизни в письмах духовно близким людям нередко жалуется на одиночество. В 1913 году А. П. Печковский пишет ему то, что можно было бы сказать и в 1950-е годы: «Я убеждён, что Вы преувеличиваете своё одиночество. <...> Вы слишком живой человек, чтобы Вам грозила опасность одиночества»^[457]. А вот Татьяна Андреевна Сидорова (Буткевич), хорошо знавшая Сергея Николаевича, поняла причину этого его состояния. Разбирая его юношеские письма, она замечает: «Неудовлетворённость, тоска, стремление вырваться из каких-то оков, искание больших ценностей в жизни, по-видимому, уже с этих юных лет были постоянными спутниками внутренней жизни Сергея Николаевича»^[458].

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Редко кто из московской интеллигенции тех лет не посещал лекции Дурылина. Обладая даром импровизатора, он читал всегда живо, увлекая аудиторию в сам процесс своих мыслей, делая каждого своим собеседником. Слушатели отмечали, что он не только использовал всегда новый, неизвестный материал, но и известное умел изъяснить, истолковать так свежо и оригинально, как никому ещё в голову не приходило. Академик живописи И. Э. Грабарь на заседании совета Института истории искусств АН СССР 4 ноября 1947 года свидетельствовал: «Для нас каждый раз бывает почти загадочно, каким образом у Сергея Николаевича спрятан тот фантастический рог изобилия, из которого он сыпет мысли, факты, положения, сопоставления, всегда неожиданные, острые, которые для нас являются новинками, о которых мы не имели никогда представления»^[459].

Число публичных лекций и докладов Дурылина так велико, что его невозможно определить с точностью. Выезжал Сергей Николаевич с лекциями в Киев, Ленинград, Ярославль, Рыбинск, Кострому и другие города страны. С Киевом у Дурылина была особо тесная связь. Там его любили и ждали. Хорошо знавший Сергея Николаевича кандидат искусствоведения, автор вступительной статьи к книге Дурылина «Мария Заньковецкая» (на русском языке) П. И. Тернюк пишет: «Все, кто знал С. Н. Дурылина, встречался с ним, диву давались, откуда столько сил, энергии, деловитости и энтузиазма у этого далеко не здорового, с плохим зрением, пожилого человека. По приезде в Киев он за неделю успевал сделать несколько докладов и прочитать несколько лекций; проконсультировать соискателей учёных степеней, режиссёров и художников-постановщиков русской классики; поработать в архивах, музеях, отделах рукописей библиотек; провести деловые встречи с людьми, которые могут своими воспоминаниями или свидетельствами в чём-то помочь науке; просмотреть несколько спектаклей в разных театрах и выступить с устными и письменными рецензиями». И добавляет: «Конечно, вряд ли смог бы Сергей Николаевич всё охватить, во всё вникнуть и всё успеть, не имея возле себя Ирины Алексеевны, которую и в разговоре, и в посвящениях ей книг называл не иначе как „мой верный друг, неизменный и незаменимый помощник в жизни и работе“»^[460].

Ирина Алексеевна дневников не вела, но мы находим её дневниковые записи на отдельных, иногда сшитых в блоки, листочках, так же как и её

воспоминания, написанные по просьбе Сергея Николаевича. Описала она одну командировку в Ленинград 14–21 марта 1948 года. (Она сопровождала Сергея Николаевича во всех поездках — будь то Москва или другие города.) За восемь дней Сергей Николаевич посмотрел шесть спектаклей и участвовал в их обсуждении. После представлений в гостиницу к нему приходили актрисы «рассказать свои театральные и житейские горести, поплакать на груди глубоко сочувствующего человека или поговорить о своих начатых театральных воспоминаниях»^[461]. Дурылин успел прочитать четыре лекции, произнести надгробное слово на похоронах артиста Александринского театра и своего доброго знакомого Ю. М. Юрьева, сводить Ирину Алексеевну в Эрмитаж. Они нашли время, чтобы съездить на могилу профессора Г. С. Виноградова на Шуваловское кладбище. Дурылина разрывали на части: режиссёры приглашали на спектакли и репетиции, меняя программы, переносили спектакли, чтобы обсудить их с профессором, присылали билеты и приглашения с нарочными, отлавливали Сергея Николаевича на лекциях. А он не мог отказать, хотя был уже очень слаб здоровьем и, чувствуя приближение конца, говорил Ирине Алексеевне, что пора подводить итоги своей жизни и своих трудов. Но вот от чего он категорически отказывался, так это от обедов, банкетов.

В Доме учёных, Клубе писателей, МГУ и в других аудиториях Дурылин читает лекции о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Л. Толстом, И. Ф. Горбунове, Гаршине, А. Островском... Ни один вечер, посвящённый М. В. Нестерову, не обходится без выступления Дурылина. В Театральном обществе, в ЦДРИ слушают его лекции о творчестве артистов: М. Н. Ермоловой, И. В. Ильинском, М. С. Щепкине, династии Садовских, Н. М. Радине, Е. Д. Турчаниновой, В. Н. Рыжовой, А. П. Ленском, Н. К. Яковлеве, П. А. Хохлове и др. В Доме учёных Дурылин ведёт семинар по истории русского театра, а в лектории МГУ читает курс лекций на эту тему. Угол зрения, с которым он к ней подходит, сформулирован в названии одной из его статей: «МХАТ и Малый театр как носители русской национальной традиции». Циклами лекций откликается он на юбилеи — 800-летие Москвы, 50-летие МХАТа... Широкий охват тем его докладов и лекций, но, к сожалению, они в большинстве своём не опубликованы. В значительной степени виной тому нелюбовь его к Гуттенбергу — не стремился он публиковать свои работы, да и не умел сам «устраивать» их в печати. К сожалению, не сохранился текст цикла его лекций о Прометее, читанный в течение двух лет (1943–1944) в музее Скрыбина. Одна из слушательниц вспоминает грандиозность этого цикла, начатого с Эсхила и проложенного через века к «Прометею» Скрыбина. «Это был не узкий анализ конкретной

темы, а широчайший обзор мировой культуры, сквозной нитью которого проходила не только тема жалости к несчастному человечеству <...> но и глубоко взятая тема божественной природы человека»^[462]. Отмечает она и множество аспектов, освещаемых Дурылиным: философских, исторических, искусствоведческих, литературных. Читал он очень просто, доходчиво. Запомнился ей и его голос: «довольно высокий, немного задыхающийся от астмы».

Иногда Дурылин развлекает себя играми ума: читая произведения современных ему писателей, критиков, он воображает читателями их Толстого, Пушкина, Чехова и предугадывает их реакцию. Или, читая драматургические произведения, мечтает, как бы он поставил их на сцене.

Художественное произведение, считает Дурылин, должно эмоционально воздействовать на читателя. Ему нравятся те стихи, от которых «душа стесняется лирическим волненьем», а если проза — то обязательно: «над вымыслом слезами обольюсь»^[463]. Произведения, написанные «на злобу дня», его не трогают, а иногда раздражают. Чтение для Дурылина — это беседа с автором. «Кант не стал бы беседовать со мною — я показался бы ему слишком туп, работая над „критиками“, он просто не захотел бы отнимать для меня время от своего труда; Паскаль был уединённый, полумонах — он не прервал бы для меня своей молитвы и не нарушил бы своего созерцания; Лао-Си скрывался в недоступных пещерах — я не нашёл бы его для беседы, даже если б пробрался в Китай; Марк Аврелий был император — придворные и стража не допустили бы меня в его шатёр или дворец для беседы, — а теперь я беседую со всеми ими...»^[464] И со стихами у Дурылина случались «встречи, разговоры, романы. И иные с ними встречи вспоминаются ярче и теплее, чем встречи с людьми»^[465]. Таковы общения с К. К. Случевским и А. К. Толстым. 42-летний Дурылин случайно наткнулся на любимое в юности стихотворение Случевского:

В чудесный день высь неба голубая
Была светла;
Звучали с церкви, башню потрясая,
Колокола. <...>

.....

И я не знал под обаяньем звона:

Что звук, что свет?

Для многих чувств нет меры, нет закона

И прозвищ нет...

И переживает первую встречу с ним и старую любовь. «Оно меня и тогда поразило, и теперь радует поэзией блаженного единства: звук входит в свет, свет — в звук, материальное — в духовное, духовное в материальное, нет граней и межей». Последние две строчки в 1907 году были для него «символом всего, что скрыто за явным, обычайным покровом жизни»^[466].

Сергей Николаевич собирал на протяжении всей жизни и бережно хранил, как он выразился, «ворохи материалов» без надежды найти им применение в научной работе. Но со временем часть этих «ворохов» приобретала форму монографии, статьи и выходила в свет. Он накопил архивные материалы по широкому спектру интересующих его тем, творчеству писателей и деятелей искусств, собрал редчайшую библиотеку, в том числе редких книг, автографов, составил огромную картотеку, фототеку. Его папкотека насчитывала несколько сот толстых папок материалов по темам, персоналиям, театрам, спектаклям. В частности, он собрал архивы В. М. Гаршина, К. Н. Леонтьева, П. П. Перцова, М. В. Нестерова, М. Н. Ермоловой и др. Приобрёл и систематизировал письма Розанова Перцову и другим лицам (всего более 230 писем). Составил папку документов, связанных с Григорием Распутиным, его деятельностью и отношением к нему в обществе. По справедливому замечанию Е. Д. Турчаниновой, все его знакомые артисты могли найти себя на полках с папками.

Ученики, студенты, аспиранты, коллеги часто просили Дурылина помочь им консультацией, советом, поделиться материалом. И он никогда не отказывал. Доктор искусствоведческих наук, бывший аспирант Дурылина Юрий Арсеньевич Дмитриев вспоминал, как однажды он привёл к Сергею Николаевичу, даже не предупредив его, группу студентов. И Дурылин «перед этими студентами, которых совсем не знал, разложил свои сокровища — там были и письма Лермонтова, и письма Гоголя, и письма Блока <...> и охотно согласился, чтобы они переписали какие-то необходимые им сведения и сообщили эти сведения в своей дипломной или курсовой работе»^[467].

Когда известный искусствовед, академик Владимир Семёнович Кеменов в период своей работы над книгой «Историческая живопись Сурикова» обратился к Дурылину за справкой, что за событие изображено

на картине Сурикова, исполненной в 1877–1878 годах в храме Христа Спасителя и к какой эпохе оно относится, Дурылин делает подробный анализ сюжета, архитектуры, интерьера, одежд, головных уборов, обуви изображённых лиц, сравнивает детали с мозаиками в Италии и ранней Византии, с миниатюрой Евангелия X века на Афоне и другими редкими источниками. И приходит к выводу, что Суриков изобразил событие из истории не русской, а Вселенской церкви IV–VIII веков^[468]. Для солиста Большого театра П. М. Норцова, который в 1946 году готовился к исполнению романса на стихотворение Я. Полонского «Зимний путь», Дурылин подготовил подробнейшую справку о поэте и его стихах^[469]. Н. А. Обухова в начале 1954 года присылает Дурылину первые главы задуманной книги воспоминаний на «редактуру» и ждёт его исправлений, замечаний на дальнейшее «писание»^[470].

В 1945 году Борис Пастернак, обращаясь к Дурылину с просьбой быть редактором и написать предисловие к книге его переводов Шекспира, а также статью о его стихах для «Литературной газеты» и объясняя, почему отзыв Дурылина будет для него «торжество и праздник», пишет: «Кто, кроме тебя, может с такой силой и правом судить о тексте в его собственном самостоятельном качестве, с его поэтической стороны и театральной. <...> Даже если ты выругаешь меня, столько интересного ты скажешь сверх расставленья баллов»^[471]. Статью «Земной простор» Дурылин написал, но газета (которую Пастернак считал «полицейскими ведомостями») не взялась её печатать. Над Пастернаком начали сгущаться тучи, и то, что написал о нём Дурылин, газете было не нужно. А написал он среди прочего: «Никто никогда не мог продиктовать Пастернаку ни строчки — ни люди, ни события, ни идеи — всегда его стихи были свободным „вздохом-выдохом“ глубокого лирического волнения, охватившего всё существо поэта»^[472].

О начале работы над романом «Доктор Живаго» Пастернак известил Дурылина письмом 27 января 1946 года: «...в числе немногих, для кого я в данные дни пишу свою вещь, я пишу её для тебя». Первую часть романа Пастернак послал Дурылину в 1949 году, как и раньше посылал ему рукописи своих стихов, статей. Дурылин отозвался тепло: «Я давно не читал ничего, что так волновало и радовало бы, как эта книга. <...> Дух времени, воздух эпохи в нём правдиво верен былой действительности. <...> Буду ждать второй части»^[473]. Пастернак воспринял этот отзыв как «благословение» на продолжение романа. Но Дурылину не довелось дожить до его завершения (Пастернак закончил роман в 1955 году).

Отдавая себе отчёт в подспудности трудов о Леонтьеве, Розанове, Лескове, славянофилах (И. С. Аксакове, И. В. Киреевском, Ю. Ф. Самарине, А. С. Хомякове), Дурылин продолжает работать над ними, собирать о них материалы и систематизировать их. Покупает у Петра Петровича Перцова письма к нему В. В. Розанова, заплатив за них гораздо больше, чем предложило госучреждение. Заказывает ему воспоминания о Вл. Соловьёве и покупает их, так как Перцов живёт в нужде — пенсию ему не платят. Не только побуждает, но и всячески стимулирует Перцова писать, дописывать, переписывать и править его философское сочинение «Космономия»^[474], ведя с ним в письмах «философский диалог» и отдавая в перепечатку написанные и выправленные главы.

«Я очень люблю Перцова, — записывает Дурылин. — Он напоминает В. В-ча [Розанова]: такой же маленький, с бородёнкой рыженькой, седенький, прокуренный, и руки трясутся. Он читал о раннем символизме. <...> Прочёл два доклада, и так как не „научный сотрудник“, то ничего не заплатили. А есть нечего. Из имущества — только архив, где письма всего „русского символизма“ и 700 — Василия Васильевича [Розанова]! Но и это никому не нужно: за всё в Румянц[евском] Музее дают 200 р. — по гривеннику за письмо! Подал в КУБУ^[475] просьбу о пенсии. Требуют на рассмотрение его „Историю искусств“ (рукопись). Он беспомощен. Недолго и ему докуривать свою папироску. Да и на табак — нету»^[476].

Дурылин придумывает благовидный предлог дать Перцову деньги, не обидев при этом: покупает у него часть книг, а также платит за якобы покупаемые книги, но сами книги оставляет у Перцова. По возможности старается протолкнуть в печать статьи Перцова, к хлопотам о назначении учёному пенсии подключает «нужных» людей. Поддерживает его морально. Помня слова отца Алексия Мечёва: «Никто не один, с нами Бог, мы только этого не чувствуем», Сергей Николаевич пишет Петру Петровичу в ответ на его жалобу об одиночестве: «Пока я жив, не хочу, чтобы Вы думали, что Вы — в *пустоте*. Мы с Вами *последние* из тех, кто жил мыслью и мечтою, идущей ещё от Хомякова и Киреевского, — и пока мы оба любим друг друга (а это *есть* и это *будет*) — ни Вы, старый друг, ни я, младший Ваш сверстник, не можем, не должны говорить, что „я — один в пустыне“. Да, в пустыне, но не один, а вдвоём — и даже втроём (я не отделяю себя от Ирины, а мои друзья — её друзья), а там, где трое собраны вместе любовью, *Вы знаете. Кто* обещал быть „посреди их“. <...> Мурка Вам кланяется». (Нарисована голова кошки Дурылина^[477].)

Оказывать помощь, поддерживать людей в трудную минуту — это

была органическая потребность Сергея Николаевича и Ирины Алексеевны, неотъемлемая часть их существования. В голодные военные годы они обеспечивали продуктами своего огорода многие семьи. Кому помогали, не афишировали. Теперь стало известно, что среди подопечных были Нестеровы, Нерсесовы, Перцов, Тютчевы и др. Ирина Алексеевна с рюкзаком за спиной и сумками наперевес регулярно отправлялась развозить продукты. В обязанности её отца Алексея Осиповича входила доставка подопечным молока от коровы Милуши. Жившей в страшной бедности М. К. Морозовой Дурылин выплачивал ежемесячную пенсию из своих денег. В 1944 году отправляют продуктовую посылку Александре Саввишне Мамонтовой в Воронежскую область, где она была в эвакуации. Приходилось Сергею Николаевичу отстаивать интересы Мурановского и Абрамцевского музеев.

А. П. Галкин в письме Дурылину с фронта просит прислать ему тёплые носки, приписав, что «посылку принимают до 5 кг». И носки, и посылка ему были высланы. А когда после ранения Галкина хотели отправить на лечение в Иркутск, что было бы для него смерти подобно, Сергей Николаевич и Ирина Алексеевна выхлопотали ему разрешение остаться в большевском госпитале. «Надо было иметь достаточно духовного мужества, чтобы всё это сделать», — замечает Галкин в своей книге «Память сердца».

В письме сыну из усманьской ссылки (от 4 сентября 1951 года) С. И. Фудель пишет, что выйти из душевной болезни ему помогло письмо Сергея Николаевича. Болезнь была вызвана теми же обстоятельствами, что и у Дурылина в Томске: на работу Сергея Иосифовича не брали, даже ночным сторожем, страдал он от безденежья, холода, отсутствия сносного жилья. Он настоятельно рекомендует сыну побывать у Сергея Николаевича в Болшеве: «Знакомство с ним расширяет горизонт внутренней жизни, толкает на то, чтобы с такой же страстью и любовью погружаться в область своего знания»^[478]. В августе того же года, рассказывая Дурылину о своём одиночестве и душевной тяжести, делает приписку: «...но как-то во сне Вы перекрестили мою голову, и мне стало легче»^[479].

Друзья Дурылина часто привозят в Болшево своих детей для «полноценного общения» с Сергеем Николаевичем. Постоянным гостем дома был Саша Сабуров — сын ученика Дурылина Андрея Александровича Сабурова. Нередко здесь бывают Екатерина (Рина) и Зина (Зика) Нерсесовы с детьми. Внучка Елены Васильевны — Екатерина Юрьевна Гениева вспоминает, как в Болшеве отец Сергей Дурылин

причащал её в крошечной комнатке, которая превращалась в молельную для его служб, а в дни приезда многочисленных посетителей принимала вид ванной комнаты. Сын Коли Чернышёва Сергей^[480] в детстве часто и подолгу бывал в Болшеве. Однажды, заглянув за двойную занавеску на двери кабинета, увидел он антиминс (плат с зашитыми в нём частичками мощей святых, необходимый для совершения литургии). Дурылин остановил его словами: «Тебе это трогать нельзя, а мне можно».

В Болшеве в 1951 году Сергей Николаевич собрал у себя своих друзей — бывших учеников. Для него и для них это был настоящий праздник. Приехали те, кто не был в это время в ссылке, а иных уж не было в живых. «Всех нас, людей во многом разных, — пишет Андрей Александрович Сабуров, — не имевших других точек соприкосновения между собой, объединила близость к нашему общему другу. <...> Он встретил нас не только как любящий друг, но и как отец и наставник. <...> Он как бы подводил итоги своим личным отношениям с близкими людьми, обращался ко всем вместе и к каждому в отдельности, и каждому уяснялось значение его собственной жизни, собственной деятельности»^[481].

В августе 1952 года Е. Д. Турчанинова из-за занятости не может выбраться в Болшево и посылает письмо: «Скучаю, положительно скучаю о Вас, об Ирине Алексеевне и о всём Вашем чудесном доме. Ирину Алексеевну люблю и уважаю всё больше и больше. Это Ваш ангел-хранитель. Какое внимание, забота, как она успевает всё делать! Да, настоящая русская женщина, и всегда в духе, как бы ни устала, она всегда держит себя в руках, а ей надо бы отдохнуть. Дай Бог ей здоровья. Как хорошо у Вас. Книги, рукописи создают какую-то особую атмосферу»^[482].

Последние годы Сергей Николаевич часто болел, был очень слаб, иногда не мог сам ни читать, ни писать. Он почти ослеп. Читали ему навещавшие его друзья. С. М. Голицын, автор замечательной книги «Записки уцелевшего», вспоминал, как читал Дурылину материалы для книги «Мария Заньковецкая», которые присылали из Киева на украинском языке. Ирина Алексеевна под диктовку Сергея Николаевича печатала на машинке его письма. Сергей Николаевич работал до последних дней. В ноябре 1954 года он ездил в Киев и Львов на вечера памяти Заньковецкой. 5 декабря он читал публичную лекцию о М. Н. Ермоловой, а 11 декабря, за три дня до смерти, выступал в Доме актёра ВТО на вечере памяти В. Ф. Комиссаржевской.

Сергей Николаевич Дурылин скончался 14 декабря 1954 года в

Болшеве. Ему было 68 лет.

При жизни Дурылин и мечтать не мог о публикации большинства написанных и глубоко запрятанных работ. А многое из задуманного и написать-то не мог. Сохраняя и оберегая свою внутреннюю свободу, независимость суждений, Сергей Николаевич не мог не испытывать страха перед продолжавшимися репрессиями, которые касались людей, близких ему по духу. Георгий Борисович Ефимов (сын Рины Нерсесовой) в своих воспоминаниях пишет, что у Дурылина мог начаться сердечный приступ, когда он видел человека в форме, идущего по их тихому переулку. Этот страх ожидания ареста, видимо, не оставлял его всю жизнь. Ещё в 1918 году в дневнике «Троицкие записки» замечает: «...пока на ночь молился, пока ложился — страх: вот идут, — и спал, д[олжно] б[ыть], под страхом». И не случайно многие документы, работы Дурылина перепечатывали в трёх экземплярах и один из них хранили не дома.

Перед смертью Сергей Николаевич сказал Ирине Алексеевне, что хоронить его она может или как мирянина, или как священника — на её усмотрение. Она похоронила его как мирянина, так как хотела, чтобы сочинения его печатались, чтобы сохранялся авторитет его как учёного. Г. Б. Ефимов вспомнил, что в Киеве, с которым Дурылина связывали крепкие дружеские и творческие нити, его заочно отпели как священника^[483]. Похоронен он на Даниловском кладбище в Москве на родовом участке.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

У Ирины Алексеевны хватило силы духа, воли, а главное, веры в Бога — «на всё святая воля Твоя, Господи», — чтобы не растеряться, не впасть в отчаяние, не опустить руки. Теперь смысл своей жизни она видела в увековечении памяти Сергея Николаевича. И в точности выполнила программу, которую он составил для Марии Степановны после смерти Максимилиана Волошина: «...продолжай служить живому Максиму — живому в душах и сердцах близких его друзей, живому в своей поэзии и мысли, — и Макс, живой в бытии нескончаемом, будет радоваться этому твоему служению. <...> Вот, Маруся, то дело, тот долг любви и верности Максиму, которое надлежит тебе исполнить. А для этого надо жить и нужно ценить дар жизни. Две задачи перед тобою: 1). Сбереечь достояние мысли и слова Макса и дать его людям. 2). Записав на клочках, на обрывках, сохранить его облик и дух живого Макса. Никто, кроме Вас, не сможет этого сделать. А жизнь Макса ценна и нужна людям не меньше, чем его поэзия: пример его жизни — это целая школа любви и мудрости. <...> Возьмитесь за этот труд, Маруся! И взяться придётся теперь же...»^[484] Слова о ценности жизни и творческого наследия Волошина можно отнести и к Дурылину.

Уважаемый товарищ!

Институт истории искусств
Академии Наук СССР и Дом Актера
Всероссийского Театрального
Общества приглашают Вас

в понедельник, 14 марта 1955 г. на

ВЕЧЕР ПАМЯТИ
профессора, доктора
Филологических наук

**Сергея Николаевича
ДУРЫЛИНА**

Председатель вечера —
Народная артистка СССР
лауреатка Сталинской премии
А. А. ЯБЛОЧКИНА

Вступительное слово —
Капитан Филологических наук
В. Д. КУЗЬМИНА

Начало в 8 часов вечера

В ПРОГРАММЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Доктор искусствоведения
Ю. А. ДМИТРИЕВ
Н. Г. ЗОГРАФ

Доктор филологических наук
К. В. ПИГАРЕВ

Народные артисты СССР
лауреаты Сталинской премии
Е. Д. ТУРЧАНИНОВА
Н. В. ИЛЬИНСКИЙ

Народные артисты РСФСР
лауреаты Сталинской премии
Е. М. ШАТРОВА
П. П. ГАЙДЕБУРОВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

Народная артистка СССР
лауреатка Сталинской премии
Н. А. ОБУХОВА

Артист Литературно-драматического театра
К. В. ВАХТЕРОВ

Отрывки из оперы
„БАРЫШНЯ - КРЕСТЬЯНКА“
(по повести А. С. Пушкина)
Музыка Ю. С. ВИРЮКОВА
Либретто С. Н. ДУРЫЛИНА

Афиша о вечере памяти С. Н. Дурылина в Институте истории искусств АН СССР. 14 марта 1955 г.

Ирина Алексеевна сама писала воспоминания о Сергее Николаевиче и побуждала друзей и знакомых написать о нём. Откликнулись И. Э. Грабарь, Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, А. А. Сабуров, Е. Д. Турчанинова, Е. М. Шатрова, Н. А. Прахов, К. В. Пигарёв, Н. В. Полуэктова-Разевиг и многие другие. Борис Пастернак, узнав о смерти Сергея Николаевича, прислал Ирине Алексеевне письмо: «Я очень любил Серёжу и в далёком прошлом, а когда закладывались основания нашей будущей жизни, многим обязан ему. Я любил в нём соединение дарованья, способности до страсти служить и быть верным проявлениям творческого начала со скромностью и трудолюбием, позднее обеспечившими ему его огромные познания. Свой высокий вкус, который не был редкостью в наши молодые годы, он

сохранил на протяжении всех последующих лет, полных испытаний. Мне очень легко и отрадно будет присоединить свои воспоминания к составляемым Вами. <...> Мне очень дорого Ваше письмо. Это нескромно и очень далёкие догадки, но мне кажется, что в жизни Сергея Николаевича, истончённой и одухотворённой до хрупкости, Вы были добрым гением, веянием и дуновением радости и здоровья. Как таковой, как большому другу большого человека я и выражаю Вам своё глубокое сочувствие и уважение»^[485].

В доме сохранялась «дурылинская атмосфера» глубокой доброжелательности, гостеприимства, творческих интересов, высоких моральных принципов. За старинным круглым столом-сороконожкой, по-прежнему собиравшим множество гостей, никогда не велись разговоры о политике и болезнях. Иногда Ирина Алексеевна выносила из кабинета Сергея Николаевича какой-нибудь интересный документ. Его читали вслух, а потом обсуждали. Так она, продолжая установленную Дурылиным традицию, направляла разговор в «творческое» русло.

Галина Евгеньевна Померанцева, старейший редактор серии «ЖЗЛ», первый биограф С. Н. Дурылина, с 1964 года часто бывала в Болшеве у Ирины Алексеевны в период подготовки к изданию в этой серии книги С. Дурылина «Нестеров в жизни и творчестве». Они много общались, и у неё была возможность хорошо узнать Ирину Алексеевну. В статье «На путях и перепутьях», предваряющей книгу С. Дурылина «В своём углу» (2006), она пишет: «Ирина Алексеевна была, конечно, самородком, человеком прекрасной души, открытой миру. Она от природы была наделена редким даром сопереживания, и в ней жила такая необоримая уверенность: доброе дело должно быть сделано... У неё была прекрасная память, а главное — то глубинное понимание вещей, которое превышает всякого знания... Сестра Ирина самоотверженно заслонила собою своего духовного отца от всех житейских тягот и дрызг»^[486].

Часто по ночам стрекотала пишущая машинка — это Ирина Алексеевна перепечатывала рукописные материалы, письма, составляла описи папок и книг. Она обрабатывала и систематизировала архив Дурылина, наметила план предполагаемого собрания сочинений, распределив произведения по темам. Пыталась издать сборник воспоминаний о Сергее Николаевиче (он был подготовлен и сдан в Институт истории искусств), но не напечатали. Удивительно: не успел известный учёный, популярный и очень востребованный лектор умереть, как на его имя невидимая рука наложила запрет. Издатели боялись печатать

его работы. Брали на рассмотрение, долго держали и... отказывали. Ирина Алексеевна устраивала вечера памяти С. Н. Дурылина в ЦДРИ, в Доме учёных, в Клубе писателей и других культурных организациях Москвы. Сохранилась программка такого вечера в Доме актёра ВТО в 1955 году. Председателем была народная артистка А. А. Яблочкина, вступительное слово — В. Д. Кузьмина. С воспоминаниями выступили Ю. А. Дмитриев, Н. Г. Зограф, К. В. Пигарёв, народные артисты Е. Д. Турчанинова, И. В. Ильинский, Е. М. Шатрова и многие другие, знавшие Сергея Николаевича при жизни. Пела Надежда Андреевна Обухова.

Настоятельно направляя меня на творческую работу, Ирина Алексеевна всегда подчёркивала, что Сергей Николаевич любил помогать молодёжи, всегда был внимателен, терпелив и заботлив, оказывая помощь консультациями, советами, предоставляя материалы из своего архива. Я была свидетелем, как участливо Ирина Алексеевна привлекала молодых людей к выступлениям на вечерах памяти Сергея Николаевича, снабжая их документами из архива. Роза Дмитриевна Бащенко в 1960-е годы, работая над диссертацией о творчестве К. Ф. Богаевского, приехала из Симферополя к Ирине Алексеевне. И была, тогда ещё не знакомая, тепло принята, оставлена на время работы жить в их доме, получила и архивные материалы, и воспоминания Ирины Алексеевны. А как радовались сёстры выходу из печати альбома Р. Д. Бащенко «Константин Богаевский. Киммерия» (М.: Советский художник, 1972). «Спасибо Вам большое, — написала ей Ирина Алексеевна, — что Вы доставили мне такое большое удовольствие». Роза Дмитриевна вспоминает Ирину Алексеевну с большой благодарностью и старается по мере сил оставить память о ней и Сергее Николаевиче, выпуская в Симферополе за свой счёт книжки о них.

Ирина Алексеевна оказывала помощь многим людям, часто не дожидаясь их просьб. Видела их нужду и помогала. К ней на поправку приезжали многие, зная, что примет и вылечит. Когда в 1961 году у епископа Стефана (Никитина) случился инсульт, она пригласила его к себе и выхаживала. Его привезли практически лежащим, а уехал он в середине лета на дачу к Е. В. Гениевой уже на своих ногах. К нему в дом Дурылина приезжали многие священнослужители для бесед, за советами, духовной помощью. Архиепископ Василий (Златолинский), в то время священник, приехал в Болшево к владыке за помощью и поддержкой, так как его лишили регистрации и выгнали с прихода. Пробыл несколько дней, получил и помощь, и поддержку. Вспоминает: «Как-то послужили вечерню с освящением хлебов. Он лежал, все действия совершались по его благословению»^[487]. Он заметил, что однажды в доме появился

«иподьякон, завербованный „органами“», чтобы следить, — «это было уже про него известно». Даже после смерти Сергея Николаевича не прекращалась слежка за его домом. Видимо, Ирина Алексеевна это знала. Она несколько раз предупреждала меня: «Будь осторожна в словах. В доме бывают разные люди и с разными целями приходят».

При мне летами 1968 и 1969 годов у Ирины Алексеевны жил вместе с женой больной диабетом крупный учёный-литературовед, опальный в советские годы Юлиан Григорьевич Оксман. К нему на консультации приезжали сотрудники Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, и он беседовал с ними, сидя в саду на «нестеровской» скамейке.

Художник Фёдор Сергеевич Булгаков, сын философа и муж Натальи Михайловны — младшей дочери М. В. Нестерова, в 1968 году сделал копию портрета «Тяжёлые думы». Тогда же Ирина Алексеевна передала оригинал портрета в Троице-Сергиеву лавру. Сейчас оригинал портрета — в экспозиции Церковно-археологического кабинета (ЦАКа) Московской Духовной академии, а копия — в Мемориальном доме-музее С. Н. Дурылина в Болшеве. Когда Ирина Алексеевна сдавала в Троице-Сергиеву лавру документы, книги, вещи, предметы, имеющие отношение к Дурылину-священнику, то оговорила, чтобы имя его не упоминалось. (И до недавнего времени под портретом «Тяжёлые думы» в ЦАКе не было имени Дурылина.) Всё это осложняет теперь введение в научный оборот многих документов, связанных со священством Дурылина, а может быть, и части его работ на религиозные темы. Единственным обнаруженным нами документом, подтверждающим передачу Ириной Алексеевной Комиссаровой части архива в ЦАК, является письмо протоиерея, профессора МДА Алексея Даниловича Остапова (1930–1975). В 1955–1975 годах он был заведующим ЦАКом, основным собирателем коллекции. Ввиду важности письма приведу полный текст:

«+Многочтимая Ирина Алексеевна! Сердечно благодарю Вас за внимание и подарок. Я передал Святейшему Патриарху Ваш дар. Он сказал — „Тронут, благодарю. Напиши благодарность“. Что я и делаю. Святейший очень нездоров. Вашу книгу Лихачёва записали как Ваш дар в Музей Академии. Спасибо! Всё время собираюсь к Вам, но всё время не могу выбраться. Простите. Приеду. Храни вас всех Господь! Для Вас вышлю календарь. Привет всем Вашим близким. Ваш прот. А. Остапов. Март [19] 70»^[488].

По завещанию Ирины Алексеевны её сестра Александра Алексеевна Виноградова продолжала сдавать в Троице-Сергиеву лавру «всё, что относится к портрету „Тяжёлые думы“», то есть всё, что касалось

священства Дурылина. Сохранилась её записка о сдаче в мае и августе 1980 года всего, «что как дополнение к портрету». Известно, что сёстры сдали богослужебные книги, облачение, антиминс, портрет. Об остальном пока сведений не найдено.

В 1959 году усилиями Ирины Алексеевны была открыта первая и единственная в то время Болшевская публичная библиотека. Основой фонда послужили три тысячи томов из личной библиотеки Дурылина. С 1966 года она носит имя С. Н. Дурылина. Тогда же на доме и библиотеке укрепили мемориальные доски. Улице, ведущей к библиотеке, также присвоили имя Дурылина. После смерти Ирины Алексеевны (30 ноября 1976 года) заботу об архиве взяла на себя её сестра Александра Алексеевна Виноградова и в 1993 году открыла Мемориальный дом-музей С. Н. Дурылина в Болшеве. В настоящее время музей активно работает, в нём нет музейной сухости и холода, сохраняется живой дух дома Дурылина, проходят экскурсии, сотрудники обрабатывают богатейший архив, проводят научные конференции, публикуют статьи и книги. Прозу Дурылина печатают журналы, издаются ранее неопубликованные книги, и читатель, тяготеющий к духовным ценностям, открывает для себя нового выдающегося писателя, учёного, мыслителя.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

*Николай Зиновьевич и Анастасия Васильевна (урождённая Кутанова),
родители Сергея Дурылина*

Учащиеся 4-й мужской гимназии в Москве: Серёжа Дурылин (сидит третий слева), учитель А. Р. Артемьев (четвёртый справа). 1897 г.

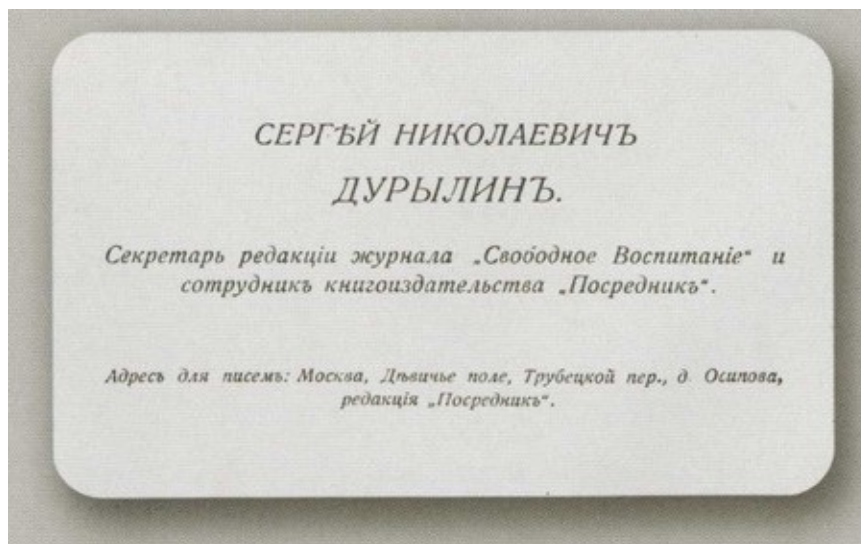

*Сергей Дурылин в своей комнате в Переведеновском переулке. Москва.
1903 г.*

Сергей Дурылин, А. С. Буткевич и его дочери Таня и Нина. Москва. 1907 г. Фото Г. Н. Дурылина

Визитная карточка сотрудника журнала «Свободное воспитание» и издательства «Посредник»

Миша Языков. Фото 1904–1905 гг. Из архива М. Золотарёва

Сент 21-23/м 908. N16
 Дек. 24/ХН. 1911. 25.X.908.
 И мнѣ; передъ за мной
 Заверъ меня мнѣ делѣ
 вѣ мнѣ
 Товарищу иноср-
 тивен
 Товарищу иноср-
 у мнѣ
 проходятъ дни... ^{приображенно} Личиющій и чистый
 В краях иных блистаешь свѣтомъ
 Вокругъ твоихъ чужахъ изъ терній
 И ты - пригласи к вѣнчанью
 красоты.
 А я одинъ чужа сиротью...
 Проходятъ дни - коблѣмъ,
 Я иду, ко двору путь - и тѣмъ
 к тебѣ не сиротю.
 Лишь плачу ^{чужащейся} ^{чужающей}

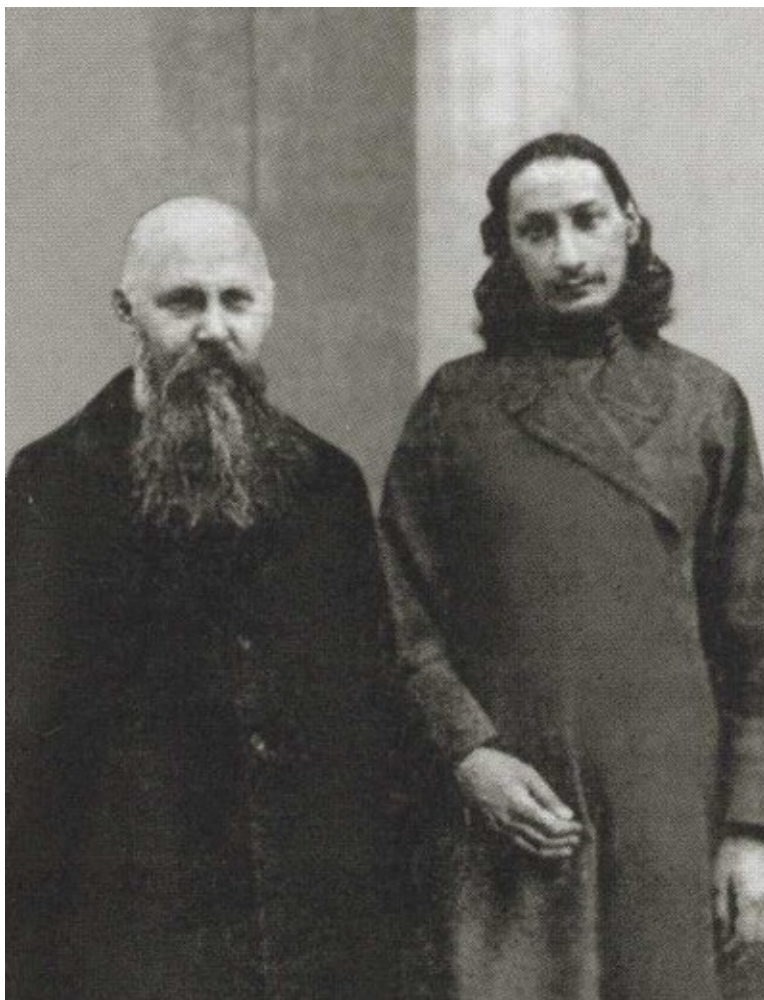
Стихотворение Сергея Дурылина на обороте фотографии Миши

Участники поездки на Русский Север. Слева направо стоят: Г. Х. Мокринский, Ваня и Коля Чернышёвы, сидят: С. Н. и Г. Н. Дурылины. Олонецкая губерния. Фрагмент

С. Н. и Г. Н. Дурылины и В. В. Разевич в Сергеевом Посаде. 1919 г.

М. А. Новосёлов и священник П. Флоренский. 1913 г.

Протоиерей Иосиф Фудель. 1912 г.

*Сергей Николаевич Дурылин с Колей и Ваней Чернышёвыми в имении
Пирогово. (Публикуется впервые)*

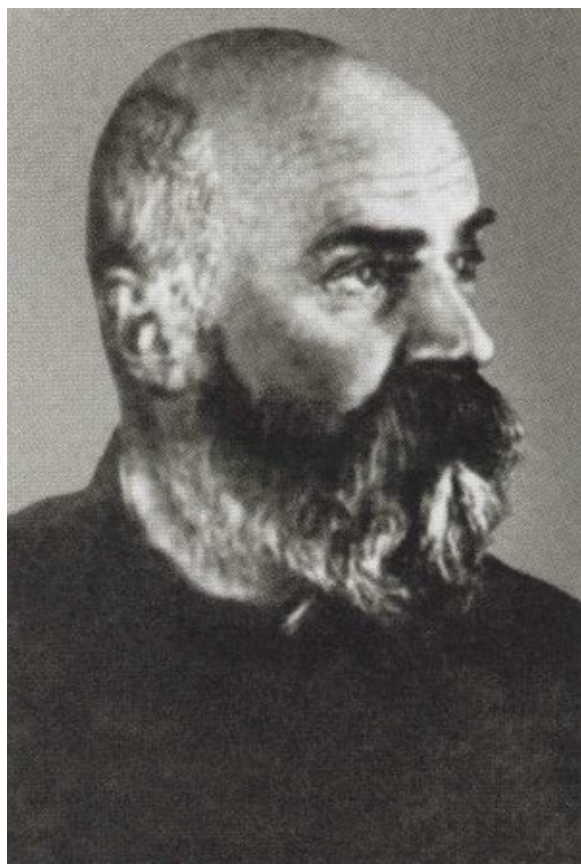

Серёжа Фудель

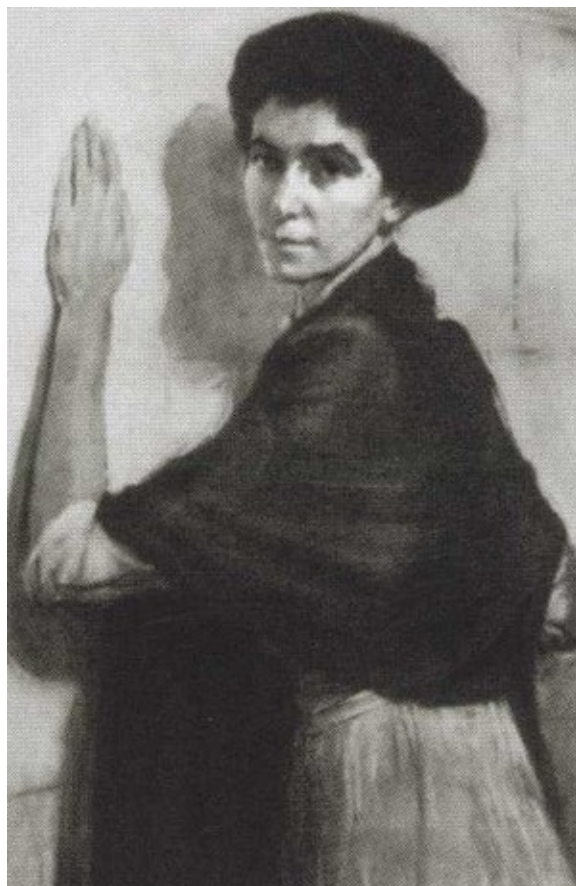

На память С.Н. о нашем пребывании
в Оптиной отъ Вани.

Оптинский старец Анатолий (Потанов). 1915 г.

Юрий Александрович Олсуфьев. 1920-е гг.

Портрет Софьи Владимировны Олсуфьевой. Художник В. Серов. 1911 г.

Протоиерей, московский старец Алексей Мечёв

Отец Сергей Дурылин

Эскиз к портрету «Тяжёлые думы». Художник М. В. Нестеров. 1925 г.

***Священник Сергей Дурылин (фотография из следственного дела).
Москва. 1922 г.***

*Свадьба Ивана Фёдоровича и Александры Алексеевны Виноградовых.
1926 г.*

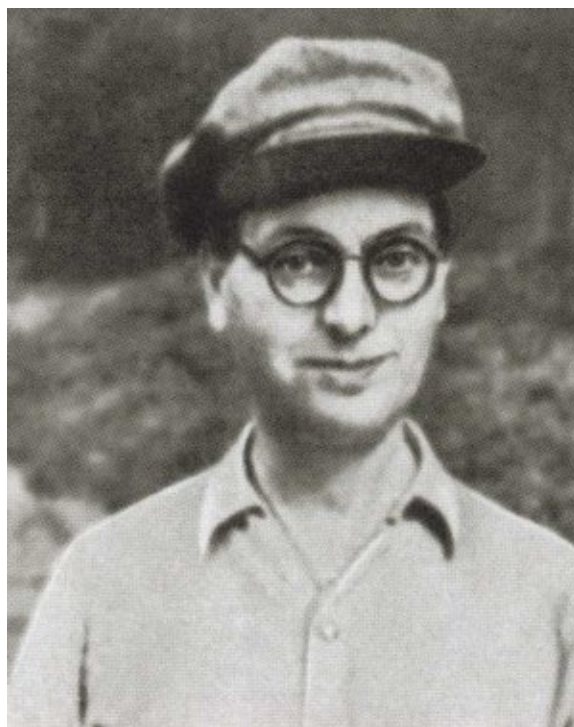

Семья Нерсесовых и П. В. Митрофанова (слева)

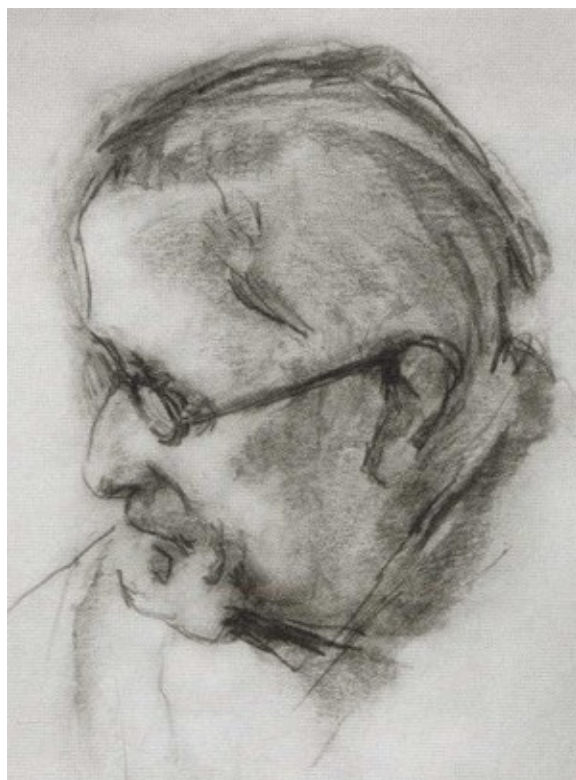

Елена Васильевна и Николай Николаевич Гениевы. 1926 г.

Роберт Рафаилович Фальк. Фотография середины 1920-х гг.

Портрет С. Н. Дурылина. Художник Р. Р. Фальк. 1939 г.(?)

Ирина Алексеевна и Сергей Николаевич. Томск. 1929 г.

*Дом в Томске, где жили Сергей Николаевич и Ирина Алексеевна. Фото
Д. И. Славкина. 1969 г.*

В доме М. Волошина: И. А. Комиссарова (стоит), И. Н. Розанов, М. С. Волошина, С. Н. Дурылин (сидят слева направо), А. А. Виноградова (внизу). Коктебель. 1936 г.

Сергей Николаевич Дурьлин. Болшево. 1952 г.

Кабинет С. Н. Дурылина

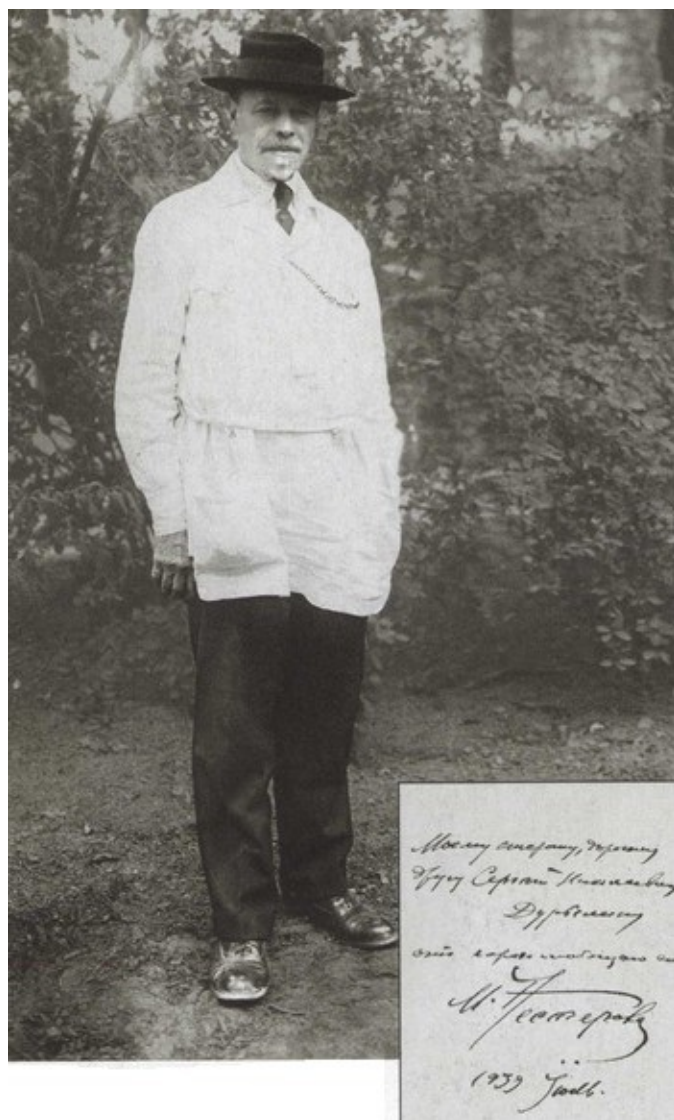

Дом С. Н. Дурылина в Болшеве

М. В. Нестеров, С. Н. Дурылин, И. А. Комиссарова. Болшево. 1939(?) г.

Михаил Васильевич Нестеров в Болшевском саду

*С. Н. Дурылин, М. В. Нестеров, И. А. Комиссарова, Г. С. Виноградов.
1939 г.*

Рисунок М. В. Нестерова из частного собрания. (Публикуется впервые)

С книгой «Нестеров-портретист». 1949 г.

На террасе с кошкой Муркой

В гостях у Евдокии Дмитриевны Турчаниновой. 1953 г.

К. В. Пигарёв, С. Н. Дурылин, И. А. Комиссарова. 1938 г.

Самолёт упал. 1942 г.

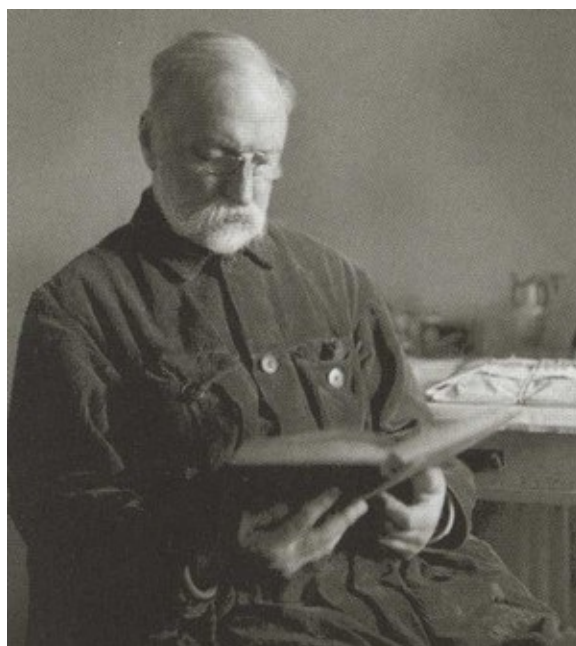
Во дворе дома в Болшеве. (Публикуется впервые)

*На «нестеровской» скамейке с И. А. Комиссаровой и А. А. Виноградовой.
(Публикуется впервые)*

С Маргаритой Кирилловной Морозовой. Большево. 1950 г.

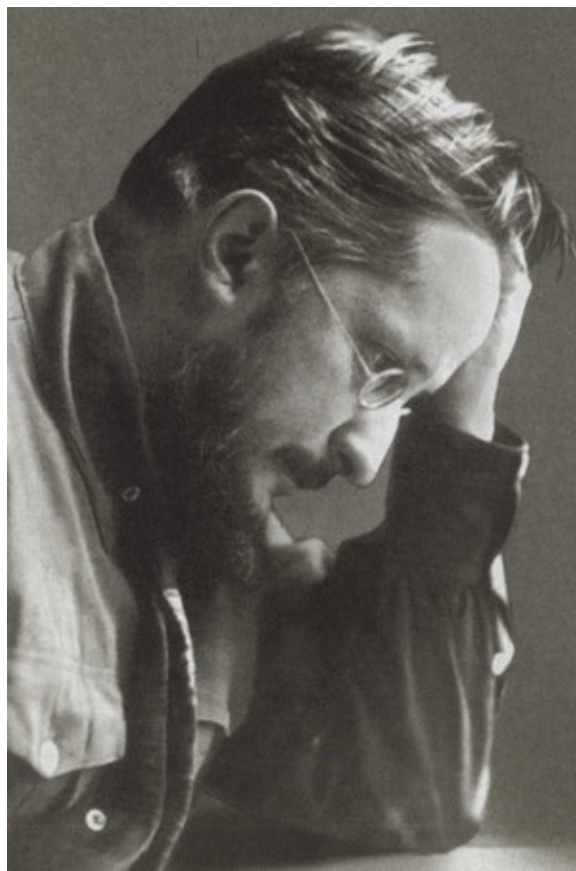
Пётр Петрович Перцов. 1937 г.

Николай Иванович Тютчев. Мураново

На выставке М. В. Нестерова в ЦДРИ с Н. А. Обуховой, Е. П. Нестеровой и другими. 1952 г. Фрагмент

Думы

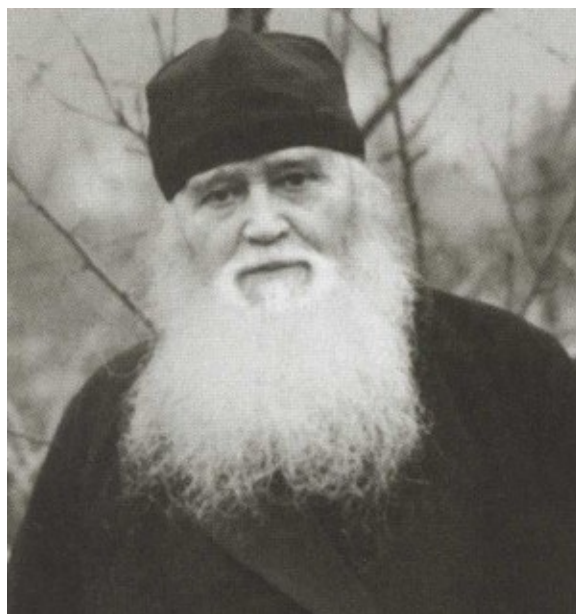

Последнее выступление. 1954 г.

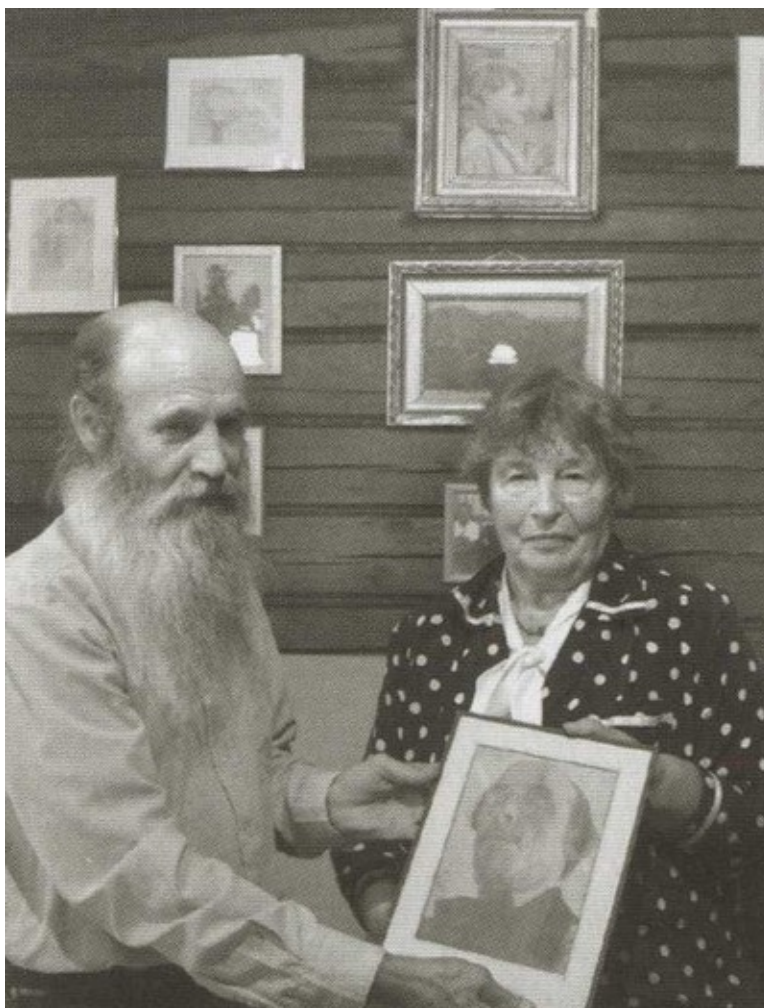

Вечер памяти С. Н. Дурылина. В первом ряду: В. Д. Кузьмина, Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, Е. Д. Турчанинова. 1955 г.

Епископ Стефан (Никитин) в Болшеве. 1960 г.

М. И. Титова (внучка М. В. Нестерова) передаёт автопортрет своего деда директору Г. В. Лебедеву в дар музею в Большеве. 2014 г.

Три сестры — хранительницы архива С. Н. Дурылина: П. А. и И. А. Комиссаровы (сидят), А. А. Виноградова

Монахиня Феофания (Е. Г. Першина) и П. А. Комиссарова. Болшево. 1967 г. (Публикуется впервые)

*Мемориальная доска на доме С. Н. Дурылина в Болшеве. Сейчас здесь
Мемориальный дом-музей С. Н. Дурылина*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С. Н. ДУРЫЛИНА [\[489\]](#)

В автобиографии 1943 года Дурылин пишет: «Каждая работа, здесь названная, — это факт моей жизни, это эпизод из моих „трудов и дней“, это Страница моей биографии».

1886, 27 (14 по ст. ст.) сентября — родился в Москве в Плетешковском переулке в Елохове в православной семье купца 1-й гильдии Николая Зиновиевича Дурылина и Анастасии Васильевны, урождённой Кутановой.

1888, 14 марта — родился младший брат Георгий.

1896 — разорение отца и переезд из собственного дома на съёмную квартиру в Переведеновском переулке.

1897 — поступил в 4-ю мужскую гимназию.

1898 — смерть отца. Дурылин начал подрабатывать репетиторством.

1902, 27 марта — первая публикация: в газете «Московские ведомости» опубликовано стихотворение «Памяти В. А. Жуковского».

1903 — приобщается к революционным идеям, вступает в революционную молодёжную организацию, становится атеистом. Начало дружбы с Татьяной Андреевной Буткевич.

1904 — бросил гимназию, будучи «обуян честнейшим и бестолковейшим народничеством», посчитав «стыдным» пользоваться привилегиями, которые даёт образование. Сотрудничает с издательством «Посредник». Усиленно занимается самообразованием, посещая Румянцевскую библиотеку, театры Москвы, Третьяковскую галерею.

1904–1907 — подвергается множеству обысков и трижды сидит в тюрьме месяцами за участие в революционных организациях.

1905–1907 — работает в штате издательства «Посредник».

1906 — разочаровывается в справедливости революционной борьбы и решает впредь идти только своим путём, исключаям всякое насилие. Совершает летом первую поездку на Русский Север: Олонецкая губерния, Архангельск, острова Белого моря, Соловки. В издательстве «Посредник» выходит брошюра «В школьной тюрьме. Исповедь ученика». Переиздана в 1907 году.

1907–1913 — работает секретарём вновь созданного при «Посреднике» журнала «Свободное воспитание», ведёт в нём раздел «Из

книги и жизни». Изучает опыт передовых школ и педагогов разных стран, издаёт статьи на педагогические темы, а также о русских классиках. Пишет стихи.

1908 — приглашён домашним учителем-воспитателем к детям фабриканта С. И. Чернышёва. Продолжает практику домашнего педагога в разных семьях. Среди его учеников будущий артист Игорь Ильинский. Знакомится с Борисом Пастернаком. Летом совершает вторую поездку на Север. Во время своих путешествий записывает фольклор, зарисовывает архитектуру церквей. В журнале «Свободное воспитание» напечатана статья о В. М. Гаршине «Художник-праведник», с которой Дурылин исчислял начало своей литературно-научной деятельности. Участник кружка «Сердарда». Начинает посещать лекции в Археологическом институте.

1909, 20 октября — проводит день в Ясной Поляне у Льва Толстого. Подробно описывает своё посещение. Испытал обаяние личности Толстого и вынес главный для себя принцип: «не суди!». В журнале «Весы» опубликована статья «Последнее письмо о. Матвея к Гоголю» — начало работы над творчеством Гоголя. Путешествует с Чернышёвыми по Волге и Каме.

1910 — считает этот год переломным: вернулся «к вере отцов». Поступил на заочное отделение факультета археологии Московского археологического института. Начинает сотрудничать с издательствами «Путь» и «Мусагет». Участвует в кружке Эллиса «Молодой Мусагет» и в Ритмическом кружке, организованном Андреем Белым при «Мусагете». Начинает посещать заседания московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва (РФО). Становится членом Кружка ищущих христианского просвещения в духе православной Христовой церкви, организованного М. А. Новосёловым.

1911 — в «Антологии», изданной «Мусагетом», опубликованы стихи Дурылина. Постоянный посетитель Общества свободной эстетики и Литературно-художественного кружка, возглавляемых В. Брюсовым. В Вагнеровском кружке в студии К. Ф. Крахта прочитал доклад «Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства», где впервые сформулировано его отношение к Китежу, как символу Церкви невидимой и к учению А. М. Добролюбова.

Лето — по командировке Археологического института состоялась третья поездка на Север с другом В. В. Разевигом: Северная Двина, Архангельск, Кандалакша, Кемь, Хибины, Мурман, Лапландия, берега Норвегии. Написал «Житие Франциска Ассизского», о христианском

подвижнике XIII века, оказавшем большое влияние на Дурылина.

1912 — с этого года становится бессменным секретарём РФО и остаётся им вплоть до закрытия общества в 1918 году. Знакомится с протоиереем Иосифом Фуделем, с Максимилианом Волошиным.

Июнь — едет на озеро Светлояр, чтобы в «китежскую ночь» почувствовать святость молитвы у стен Града Невидимого. В Заволжье побывал у раскольников. В Нижнем Новгороде познакомился и несколько дней провёл у Андрея Павловича Мельникова (сына П. И. Мельникова-Печерского), крупного знатока легенд, сказок и быта заволжских старообрядцев.

1913 — в мае на Пасху первый раз приезжает в Оптину пустынь. Они с мамой исповедуются у старца Анатолия (Потапова). В Крещенский вечер читает на квартире С. Н. Булгакова только что написанное «Сказание о невидимом Граде-Китеже». Здесь познакомился с П. А. Флоренским. Избран действительным членом Общества изучения Олонецкой губернии. Издаёт ряд работ по итогам путешествий на Север. Участвует в создании альманаха «Лирика» и печатает в нём первые стихи Б. Пастернака. Публикует статью «Луг и цветник» о поэзии С. М. Соловьёва, с которым завязывается тесная дружба.

Декабрь — читает на квартире Н. А. Бердяева и в РФО лекцию «Н. С. Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества». На лекции знакомится с художником М. В. Нестеровым. Издательство «Путь» предлагает издать книгу о Лескове для серии «Русские мыслители». Т. А. Буткевич выходит замуж за А. А. Сидорова.

1914 — в ряде городов читает лекцию «Лик России. Великая война и русское призвание». В Археологическом институте пишет выпускную работу «Иконография Святой Софии» и сдаёт экзамены. Отправляет первое письмо В. В. Розанову, положившее начало их переписке, а затем и дружбе.

Май — едет в Сергиев Посад на диспут Флоренского.

Лето — четвёртая поездка на Север с Н. С. Чернышёвым.

11/24 ноября — умерла мать. В отчаянии едет в Оптину к старцу Анатолию.

1915, январь — снова в Оптиной, просит старца Анатолия принять его в монастырь. Старец благословения не даёт. Протоиерей Иосиф Фудель завещает Дурылину свой архив К. Леонтьева и продолжение его работы по изданию собрания сочинений Леонтьева. Читает цикл лекций по истории археологии Кремля и о кремлёвских соборах.

Лето — вторая поездка на озеро Светлояр, где написал рассказ «Жалостник». (Завершил работу над рассказом, по-видимому, в имении М.

К. Морозовой Михайловское.)

Осенью и в декабре — совершает две поездки в Оптину. Начинает собирать материалы по истории Оптиной пустыни и старчества.

1916 — выходит единственная изданная статья по ритму и поэтике: «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика» в сборнике «Труды и дни». В Большой аудитории Политехнического музея читает лекцию о Гаршине.

Ноябрь — активно участвует в организации мероприятий по случаю 25-летия кончины К. Н. Леонтьева и читает доклады. В декабре едет в Оптину. Посылает В. В. Розанову свою книжку «Начальник тишины».

1917 — начало переписки с оптинским старцем Анатолием.

Лето — поездка на Север с братьями Чернышёвыми, И. Ильинским, Г. Х. Мокринским, братом Георгием.

Сентябрь — в Оптиной с Колей Чернышёвым и Серёжей Сидоровым. Начало дружбы-наставничества с С. И. Фуделем. Опубликован рассказ «Жалостник» — единственное изданное при жизни произведение прозы Дурылина.

Лето и осень — живёт в Абрамцеве в качестве домашнего учителя Георгия (Юши) Самарина, работает в архиве Мамонтовых над письмами Гоголя. Много общается с М. В. Нестеровым. Активно участвует в церковной жизни, в предсоборных дискуссиях, издаёт брошюры. Присутствует на Всероссийском Поместном соборе Русской православной церкви, открывшемся 15 августа 1917 года. Приглашён для участия в разработке типа пастырских училищ (взамен семинарий) в Соборный отдел о духовно-учебных заведениях. Для участников Собора водит экскурсии по Кремлю.

1918 — о том, как проходил Собор, записывает в дневнике «Олонецкие записки». Там же мысли Дурылина по поводу политических событий этого времени. Печатает статьи в новом церковном журнале «Возрождение».

Март — перенёс тяжёлую операцию. Ездит в Сергиев Посад, где общается с В. В. Розановым и отцом Павлом Флоренским.

Апрель — июнь — читает курс церковного искусства на Богословских курсах.

Начало лета и осень — по месяцу живёт в Оптиной пустыни, собирает материал по её истории.

1919 — живёт в Сергиевом Посаде, готовит себя к поступлению в монастырь, ведёт дневник «Троицкие записки». Вместе с С. П. Мансуровым ездит хлопотать о сохранении Оптиной пустыни. Читает цикл лекций по истории иконописи. Выполняет отдельные работы для Комиссии

по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, учёным секретарём которой и хранителем ризницы был отец Павел Флоренский. Даёт уроки Мише Олсуфьеву, с родителями которого близко сошёлся. Пишет воспоминания об отце Иосифе Фуделе.

1920 — становится членом Всероссийского союза писателей.

15 марта — рукоположен в сан иерея с обетом безбрачия. Служит в храме Святителя Николая в Клённых у протоиерея Алексия Мечёва. Познакомился с Ириной Алексеевной Комиссаровой, с семьёй Нерсесовых, с художником Р. Р. Фальком.

Август — был в Оптиной пустыни. Получает благословение отца Алексия Мечёва на литературную работу.

1921 — помимо служб в церкви ведёт занятия с детьми, читает лекции в Народной Духовной Академии, проводит беседы с прихожанами.

Весна — переведён настоятелем в Боголюбскую часовню у Варварских ворот, но в «свои» дни продолжает совершать службы в храме Святителя Николая в Клённых. Ездил в Оптину пустынь.

1922, 12 июля — арестован как «элемент политически вредный для советской власти». В камере Владимирской тюрьмы, где сидели священнослужители, участвует в совершении службы Всем Святым, в земле Российской просиявшим, а также в дополнении её. Узнаёт о смерти в июле старца Анатолия. По ходатайствам духовных детей, друзей и Политического Красного Креста ссылка в Хиву заменена ссылкой в Челябинский округ.

Декабрь — получив разрешение на сборы в Москве, заезжает к Нестерову, который делает с него графический портрет — этюд к будущей картине. Алексей Мечёв на прощание дарит Дурылину Евангелие с дарственной надписью и благословляет И. А. Комиссарову ехать за ним в ссылку, так как он, житейски беспомощный, погибнет без помощи, а он «нужен народу».

1923, 9 января — в Челябинск Дурылин и И. А. Комиссарова приехали поездом.

15 января — приступил к работе в Музее местного края (который только создавался) в качестве учёного археолога и этнографа. Организовывает раскопки курганов. По итогам работы выступает с докладами, публикует статьи в местной печати. Продолжает работать над Лесковым, Леонтьевым, Врубелем. Начинает писать книгу о Нестерове. Написал первые две тетради своей главной книги «В своём углу». Пишет рассказ «Четвёртый волхв». Потрясён известием о смерти 9 июня отца Алексия Мечёва. В Челябинск к Дурылину приезжают из Москвы

духовные дети.

1924 — продолжает раскопки курганов, создаёт в музее раздел археологии, получает одобрение Луначарского. Читает публичную лекцию «Из истории Пугачёвского движения в Челябинском крае». Выступает с сообщениями и докладами перед членами Челябинского общества изучения местного края. Пишет литературные работы, повесть «Сударь кот», рассказ «Хивинка».

Октябрь — пришло уведомление о прекращении ссылки.

Начало декабря — возвращается в Москву.

20 декабря — умирает друг В. В. Разевиг.

1925, июнь — принят внештатным научным сотрудником в Государственную академию художественных наук (ГАХН) по социологическому отделению. Собирает материал для «Словаря русских художников», читает доклады по русской литературе, театру, о детской книге, по изобразительному искусству, в том числе «Нестеров как иллюстратор», «Александр Добролюбов. К истории раннего символизма». В этом и следующем году работает над архивом Лескова в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома).

Лето — едет в Челябинск закончить работы по раскопке курганов. Из-за отсутствия постоянного жилья в Москве чаще живёт в Муранове у Тютчевых, куда его пригласили домашним учителем к Кириллу Пигарёву. Работает в тютчевском архиве. Ездил в Орёл к М. В. Леонтьевой — племяннице писателя, записывал её воспоминания. Познакомился с Е. В. Гениевой. Начало их дружбы и переписки.

Декабрь — Нестеров делает эскиз к портрету Дурылина.

1926, январь — февраль — М. В. Нестеров написал портрет Дурылина «Тяжёлые думы». В ГАХНе читает целый ряд докладов. Начало переписки с поэтом В. К. Звягинцевой.

Лето — творчески плодотворно проводит в Коктебеле у М. Волошина. Среди прочего написал неоконченный поэтический цикл «Старая Москва» и большую статью-исследование «Александр Добролюбов». Предположительно в этом году написал воспоминания об Алексии Мечёве.

С сентября по май — живёт в Муранове, написал четыре тетради «В своём углу».

1927 — начало активной переписки с М. Волошиным, который посвящает Дурылину стихотворение «Готовность». В московском музее Л. Толстого читает доклад «Л. Толстой и К. Леонтьев», в ГАХНе — «Историческая живопись передвижников», «Молодой Гоголь в социальном окружении».

26 февраля — на выставке акварелей Волошина в Москве выступает с докладом о его творчестве.

10 июня — арестован по обвинению в том, что «пропагандировал некоторые моменты из учения Розанова, являющиеся, несомненно, контрреволюционными». После четырёх месяцев в Бутырской тюрьме отправлен по этапу в ссылку в Томский округ на три года. Ирина Алексеевна и на этот раз едет за Дурылиным в ссылку и с этих пор уже не оставляет его одного.

1928–1930 — живёт под гласным надзором ОГПУ в Томске. Из-за запрета «органов» лишён возможности устроиться на работу и иметь постоянный заработок. Пишет статьи в местные газеты, журналы, «Сибирскую энциклопедию», а «в стол» — свои художественные произведения. Главой «Москва» начинает мемуары «В родном углу». Усилиями друзей часть работ опубликована. Ведёт активную переписку со многими корреспондентами. Знакомство и начало дружбы с профессором этнографом и фольклористом Г. С. Виноградовым.

1929 — написал воспоминания о старце Анатолии оптинском. Обменивается письмами, стихами, книгами с М. Волошиным, Б. Пастернаком и др. Из Москвы приезжают друзья, привозят нужные для работы книги, а также письма в обход цензуры ГПУ. Часто болеет, но продолжает свои литературные труды.

1930 — для сибирских театров делает инсценировку «Мёртвых душ».

Сентябрь — получил уведомление ОГПУ о замене ссылки на поселение сроком на три года.

Октябрь — переезжают с Ириной Алексеевной в город Киржач. Дурылин арестован, но через день выпущен. Гласный надзор ОГПУ над ним не отменён.

1931 — написал 30-листный труд «Русские писатели у Гёте в Веймаре». Для театра делает инсценировку «Домик в Коломне», написал пьесу «Пушкин в Арзамасе» и либретто оперы «Барышня-крестьянка». Продолжает писать свои рассказы, «В своём углу», мемуары «В родном углу».

1932, в начале года — перенёс тяжёлую болезнь, был на грани смерти. Печатает статьи в Издательстве Политкаторжан. Ежеженедельно во все годы киржачской ссылки к Дурылину приезжает кто-нибудь из друзей из Москвы и Сибири.

1933 — получает разрешение ОГПУ на выезд в Москву на два месяца на лечение. Собирает справки и хлопочет о разрешении вернуться на жительство в Москву.

29 июля — в Киржаче зарегистрировал гражданский брак с Ириной Алексеевной Комиссаровой.

Декабрь — все вещи, книги, рукописи, упакованные для переезда в Москву, сгорели в железнодорожном пакгаузе. С декабря живёт в Москве.

1934, с 21 февраля по 10 марта — из-за нервного потрясения от потери архива Дурылин 18 дней лежит в Клинике нервных болезней на Девичьем поле. В Москве живёт в комнате родственников Ирины Алексеевны в коммунальной квартире «в тесноте великой». Начинает вплотную заниматься театроведением. Читает доклады и лекции. Делает инсценировку романа «Анна Каренина» для Ярославского и Ивановского театров. Издаёт научные исследования и статьи в сборниках «Звенья». Принят в Союз писателей СССР (членский билет № 492 подписан М. Горьким) и с этого времени участвует в работе различных комиссий и в лекционном бюро СП. С этого года и до конца жизни принимает активное участие в научной и просветительской деятельности Всероссийского театрального общества (ВТО).

1935 — в течение года работает в музее Малого театра старшим научным сотрудником. В лектории МГУ начинает регулярно читать лекции. Посещает выставку М. В. Нестерова в Музее изобразительных искусств.

1936 — в получении комнаты в Москве Дурылину отказано, но выделен участок земли в подмосковном Болшеве под постройку дома. Из материалов разрушенного Страстного монастыря построен дом. Продолжает печатать статьи, очерки в научных журналах, сборниках. Избран членом совета Центрального дома работников искусств и все последующие годы читает в ЦДРИ лекции и доклады.

1937 — в Доме учёных АН СССР ведёт семинар по истории театра (до 1940 года). Статьями, лекциями, докладами откликается на столетие со дня гибели Пушкина. В Ивановском драматическом театре осуществляет литературную режиссуру спектаклей «Каменный гость» и «Скупой рыцарь».

1938 — привлечён к работе в Лермонтовской и Толстовской группах Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ) и в последующие годы выполняет работы по заданию института и делает доклады на сессиях ИМЛИ. Печатает статьи в журналах «Театр», «Literature international», «Sovietland» и других, в сборниках «Горький и театр», «Горе от ума». Работает над исследованием «„Гамлет“ на русской сцене».

1939 — читает доклады на торжественных заседаниях по случаю 125-летия Лермонтова и выступает на радио. Публикует статьи в сборниках:

«Мастера театра в образах Шекспира», «Мастера МХАТа», «Семья Садовских», в журнале «Театр», в «Литературном наследстве» и других изданиях.

1940 — ведёт корректуру книги М. В. Нестерова «Давние дни». Участвует в редактировании и комментировании двух томов академического собрания сочинений Гоголя. Пишет воспоминания «В зале консерватории». Участвует в обсуждении спектаклей МХАТа, Воронежского и других театров. Р. Р. Фальк пишет портрет Дурылина. Хлопочет о приёме в Союз писателей П. П. Перцова и К. В. Пигарёва.

1941–1947 — публикует различные статьи о патриотической теме в творчестве писателей и книги в сериях «Писатели — патриоты великой Родины» (Гослитиздат), «Великие русские люди» («Молодая гвардия»), «Массовая библиотека» («Искусство»), а также статьи для стран Европы и Америки по заданию агентства новостей Информбюро и ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей). Во все годы войны выступает с лекциями в воинских частях, госпиталях, организывает концерты для солдат.

1941 — работает над воспоминаниями «В родном углу», столетие со дня смерти Лермонтова отмечает докладами и публикациями в сборниках «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», «„Маскарад“ Лермонтова».

1942 — в связи со смертью М. В. Нестерова произносит надгробное слово, выступает на вечерах памяти художника, издаёт очерк о нём в издательстве «Искусство». Собирает материал для статьи «Репин и Нестеров». Пишет «Записки Раевского». Читает доклады в Московском союзе художников. Печатает статьи в журналах «Октябрь», «Славяне», «Пограничник».

1943 — участвует в юбилеях А. Н. Островского, М. Н. Ермоловой. В Доме актёра ВТО читает доклад «Советские драматурги в работе над русской историко-патриотической пьесой (Традиции. Задачи. Образы. Итоги)». Работает над исследованиями по истории русской драматургии XIX века.

1944 — присуждена учёная степень доктора филологических наук. В ряде номеров журнала «Смена» публикует цикл статей о литературе «Круг чтения». В ИМЛИ читает доклад «Героическая тема у Гоголя». Статьями откликается на столетие со дня смерти И. А. Крылова.

1945 — начинает работать в театральном секторе Института истории искусств АН СССР. Награждён медалью «За оборону Москвы». Утверждён членом учёного совета Института театрального искусства им. А. В. Луначарского (ГИТИС) и в звании профессора по кафедре истории

русского театра.

1946 — получает звание профессора Института истории искусств, выполняет плановые работы, осуществляет научное руководство диссертантами здесь и в ГИТИСе. Участвует в коллективном труде по написанию «Истории советского театра». Разрабатывает отдельные темы.

1947 — участвует в мероприятиях по случаю 800-летия Москвы, публикует статьи, читает лекции. Награждён юбилейной медалью. Статьи выходят в сборниках «И. А. Крылов», «Советский театр», «Актёры и роли», в журнале «Театр» и др.

1948 — 120-летний юбилей Л. Толстого и 125-летний юбилей А. Н. Островского отмечает рядом статей и лекций, книг. Печатает статьи в сборниках «А. Н. Островский на сцене Малого театра», «И. М. Москвин», «Горьковский альманах», в «Вестнике АН СССР», «Ежегоднике Института истории искусств», в «Литературном наследстве».

1949 — награждён орденом Трудового Красного Знамени. В соавторстве с М. В. Алпатовым пишет комментарии к пьесам А. Н. Толстого для Полного собрания сочинений.

1950 — подготовил тексты пьес А. Н. Островского, написанных совместно с другими авторами, и комментарии к ним для десятого тома Полного собрания сочинений.

1951 — продолжает активно выступать с лекциями, докладами, статьями в прессе и научных сборниках.

1952 — участвует в мероприятиях и изданиях, посвящённых памяти Гоголя.

1953 — вышла монография «Мария Николаевна Ермолова (1853–1928). Очерк жизни и творчества». Пишет статьи для украинских изданий, в различные тематические сборники.

1954 — за монографию «Мария Николаевна Ермолова» удостоен премии Президиума АН СССР. В дни памяти Чехова пишет статьи о нём, читает лекции. Публикует статьи в сборниках «Творчество Л. Н. Толстого», «Вестник АН СССР», «История Москвы», «Гоголь в школе», «Римский-Корсаков». Подготовил ряд изданий, вышедших в 1955 году, уже после его кончины.

14 декабря — скончался дома в Болшеве. Похоронен в Москве на Даниловском кладбище, участок № 8, захоронение № 1028. С 19 января 1970 года могила С. Н. Дурылина находится под охраной Всероссийского театрального общества [ВТО. С 1996 года — СТД РФ (ВТО)].

КРАТКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ С. Н. ДУРЫЛИНА [\[490\]](#)

Псевдонимы: С. Д., Сергей Северный, Сергей Раевский, Н. Кутанов, С. Николаев, Д. Николаев, Н. Сергеев, Библиофил, Театрал, Книжник, В. Никитин, М. Васильев, М. Раевский, С. Ярцев и др.

В школьной тюрьме. Исповедь ученика // Посредник. 1906, 1907.
Художник-праведник. Памяти В. М. Гаршина // Свободное воспитание. 1908. № 9.

Детские годы В. М. Гаршина. Биографический очерк / Б-ка И. Горбунова-Посадова для детей и юношества. М., 1910.

История одной свободной школы. Эксперимент или пытка. Л. Н. Толстой как школьный учитель. Педагогика творческой личности. Гаршин как детский писатель. (А также другие статьи на педагогические темы.) // Свободное воспитание. 1907–1913.

«Житие Франциска Ассизского», под псевдонимом Сергей Северный. — В сб.: Сказание о бедняке Христовом. М., 1911.

Древнерусская иконопись и Олонецкий край // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Т. 2. Кн. 5. Петрозаводск, 1913. С. 33–46.

За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М: И. Н. Кушнеров и К°, 1913.

Рихард Вагнер и Россия. М.: Мусaget, 1913.

Погибшие произведения Гаршина // Русские ведомости. 1913. 25 марта.

М. Ю. Лермонтов. Лирические стихотворения / Ред., вступ. ст. и прим. С. Н. Дурылина. М.: Изд-во «Универсальная библиотека», 1914, 1916, 1917.

Судьба Лермонтова // Русская мысль. 1914. № 10.

Кандалакшский вавилон (К изучению северных лабиринтов) // Отчёт Московского археологического института за 1911–1912 гг. М., 1914. Отдельное издание: М.: Печатня А. Снегирёвой, 1914.

Церковь Невидимого града. Сказание о Граде-Китеже. М., 1914.

Под северным небом. Очерки Олонецкого края. М., 1915.

Град Софии. Святая София и Царьград в русском народном религиозном сознании. М., 1915.

Сказание о невидимом Граде-Китеже. М., 1916.

- Лик России. Великая война и русское призвание. М., 1916.
- Начальник тишины. Сергиев Посад: Религиозно-философская библиотека, 1916.
- Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика // Труды и дни. 1916. Кн. 8.
- О религиозном творчестве Н. С. Лескова // Христианская мысль. 1916. Кн. XI.
- Приход, его задачи и организация. М., 1917.
- Церковный собор и русская церковь. М., 1917.
- Жалостник: Рассказ // Религиозно-философская библиотека, 1917 // Русская мысль. 1917. Кн. 3.
- Репин и Гаршин. Из истории русской живописи и литературы // ГАХН. Сер. «История и теория искусств». Вып. 7. М., 1926.
- Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 40. Вып. 2. Свердловск, 1927. С. 105–122.
- Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора. — В сб.: Достоевский // Труды ГАХН. Литературная секция. Вып. 3. М., 1928. С. 163–198.
- Письма Ф. И. Тютчева к кн. П. А. Вяземскому // Мурановский сборник. Вып. 1. Изд. Музея им. Ф. И. Тютчева, 1928. С. 45–63. Там же «Четверостишие Ф. И. Тютчева». С. 43–44. Подпись: С. Д.
- Тютчев в музыке // «Уrania». Тютчевский альманах 1803–1928 / Под ред. Е. П. Казанович; вступ. ст. Л. В. Пумпянского. Л., 1928. С. 268–285.
- Воспоминания о Толстом // Юбилейный сб.: Толстой и о Толстом. М., 1928.
- Из семейной хроники Гоголя. Переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских. Письма М. И. Гоголь к Аксаковым // ГАХН. Серия «Тексты и материалы». Вып. 4. М., 1928.
- Сибирь в творчестве В. И. Сурикова. М., 1930.
- Декабрист без декабря (П. А. Вяземский). — В сб.: Декабристы и их время. М.: Изд-во Политкаторжан, 1932. С. 201–290. Подпись: Н. Кутанов.
- Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932.
- Гоголь и Аксаковы. — В сб.: Звенья. Т. 3–4. М., 1934. С. 325–364.
- Гоголь-актёр. Первые дебюты Щепкина в Москве. А. П. Ленский в «Борьбе за престол» Г. Ибсена // Театр и драматургия. 1934. № 5, 9, 11–12.
- Как работал Лермонтов. М., 1934.
- Любимый актёр Чехова (А. Р. Артём). По мастерской Островского // Театр и драматургия. 1935. № 2, 11.

Вс. М. Гаршин. Из записок биографа. — В сб.: Звенья. Т. 5. М.;Л., 1935. С. 571–676.

«Моя литературная судьба». Автобиография Леонтьева Публ. и коммент. С. Н. Дурылина /Литературное наследие. Т. 22–24. М.,1935.

Дело об имуществе Гоголя. — В сб.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Драматизированный Пушкин. «Борис Годунов» на сцене // Театр и драматургия. 1936. № 8, 9.

История одной дружбы (Островский и Чайковский) // Советский театр. 1936. № 6.

Михаил Васильевич Нестеров. К 50-летию художественной деятельности (По неизданным материалам) // Советское искусство. 1936. № 25. Подпись: С. Николаев.

П. А. Вяземский и «Revue encyclopédique» // Литературное наследство. Т. 31–32. М., 1937.

Александр Дюма-отец и Россия // Там же.

Отражение архитектуры в поэзии Пушкина // Архитектура СССР. 1937. № 3.

Два юбилея (Пушкинские юбилеи прежде и теперь) // Смена. 1937. № 1.

Пушкин-редактор (О привлечении Пушкиным А. А. Шаховского в «Литературную газету»). Пушкин и Елизавета Кульман //Тридцать дней. 1937. № 1,2.

Дебют Горького-драматурга. Пушкин и Щепкин // Тридцать дней. 1937. № 6, 10.

Горький на сцене (1902–1937). — В сб.: Горький и театр. М.;Л.,1938. С. 229–301.

Художественному театру 40 лет // *Littérature internationale* (на фр. яз.). 1938. № 10.

Островский на сцене Малого театра. М., 1938.

Мастера советского театра в пьесах А. Н. Островского. М., 1939.

«Горе от ума» на сцене Малого театра. — В сб.: Горе от ума. М., 1938. С. 11–23.

Пушкин и Даргомыжский // Тридцать дней. 1938. № 2. Щепкин и Сосницкий //Театр. 1938. № 8.

Игорь Ильинский в Малом театре // Искусство и жизнь. 1939. № 6.

Г-жа де Сталь и её русские отношения // Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939.

Ольга Осиповна Садовская. — В сб.: Семья Садовских. М.;Л., 1939.

Письма М. Н. Ермоловой / Вступ. ст., ред. и прим. С. Н. Дурылина. М.;Л., 1939.

Пров Садовский //Театр. 1939. № 5.

Айра Олдридж. М.; Л., 1940.

«Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Статья и комментарии к изучению романа. М., 1940.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Письма 1820–1835 / Ред. и прим. к 155 письмам Гоголя к его семье С. Н. Дурылина. М.; Л., 1940.

«На всякого мудреца довольно простоты» на сцене Московского Малого театра. М.: Л., 1940. (Серия «Монографии о спектаклях».)

Трагедия мыслителя (Остужев — Уриэль Акоста) // *Littérature internationale* (на фр. яз.). 1940. № 7.

В Екатеринбурге и Свердловске. Из прошлого и настоящего Свердловского театра. — В сб.: Десять лет Свердловского драматического театра. 1930–1940. Свердловск, 1940. С. 224–237.

На путях к реализму. «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова». Сб. первый. Исследования и материалы / Под ред. Н. Л. Бродского, В. Я. Кирпотина, Е. Н. Михайловой, А. Н. Толстого. М., 1941. С. 163–250.

Героическая поэзия. К 100-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова// Октябрь. 1941. № 7–8.

Николай Мариусович Радин. М.; Л., 1941.

Лермонтов и романтический театр. — В сб.: Маскарад Лермонтова. М.;Л., 1941. С. 15–42.

Идея и образ родины в русской литературе (От Ломоносова до Гоголя) // Октябрь. 1942. Кн. 3–4.

Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943.

М. С. Щепкин. Очерк жизни и творчества. М., 1943. (Серия «Великие люди русского народа».) (Переведён на китайский язык. Шанхай, 1948).

МХАТ и Малый театр как носители русской национальной традиции в советском театре. — В сб.: 25 лет советского театра. М., 1943. С. 28–37.

Василий Иванович Качалов. М.;Л., 1944.

Екатерина Павловна Корчагина-Александровская. М.; Л., 1944.

Московский Художественный театр во время войны. — В сб.: Театр. М., 1944. С. 80–98.

И. А. Крылов (К столетию со дня смерти). М., 1944.

Варвара Николаевна Рыжова. М.;Л., 1945.

Дом поэтов. К двадцатипятилетию музея-усадьбы Ф. И. Тютчева // Литературная газета. 1945. 25 августа.

- Вера Николаевна Пашенная. М.; Л., 1946.
- Ольга Осиповна Садовская. Жизнь и творчество. М.; Л., 1947.
- Павел Акинфиевич Хохлов. М.; Л., 1947.
- Крылов и Отечественная война 1812 г. — В сб.: И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947. С. 149–186.
- Литература и сцена // Театр. 1947. № 2.
- Врубель и Лермонтов // Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948.
- Нестеров — портретист. М.; Л., 1949.
- А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М.; Л., 1949.
- А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 10, 11. Пьесы / Коммент. С. Н. Дурылина, М. В. Алпатова. М., 1939.
- Николай Капитонович Яковлев. М.; Л., 1949.
- Пушкин и Щепкин // Театр. 1949. № 5.
- Пров Михайлович Садовский. Жизнь и творчество. М., 1950.
- Пушкин на сцене. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Михаил Семёнович Щепкин. Записки, письма / Ред. и автор вступ. ст. С. Н. Дурылин. М., 1952.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 11. Письма 1836–1841 / Подг. текста и коммент. к 35 письмам С. Н. Дурылина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Гоголь и театр. К 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя // Известия АН СССР. 1952. Т. 9. № 2. С. 144–164.
- Мария Николаевна Ермолова (1853–1928). Очерк жизни и творчества. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- От «Владимира третьей степени» к «Ревизору». — Из истории драматургии Гоголя // Ежегодник Института истории искусств «Театр». М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 161–239.
- Московский театр (1800–1855) // История Москвы. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 595–646.

Посмертные издания

- Московский театр (1855–1894) // История Москвы. Т. 4. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 719–764.
- Марія Заньковецька. 1860–1934. Життя і творчість. Київ, 1955 (на укр. яз.).
- М. Н. Ермолова. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников / Сост., автор вступ. ст., коммент. С. Н. Дурылин. М., 1955.

Артём. Станиславский. Чехов. — В сб.: К. С. Станиславский. Материалы. Письма. Исследования. М., 1955. С. 408–443.

Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965, 1976, 2004 (Серия «ЖЗЛ»),

Воспоминания о Е. Д. Турчаниновой в сб.: Евдокия Дмитриевна Турчанинова на сцене и в жизни. К 150-летию Малого театра / Сост. В. Н. Торопова. М., 1974. С. 207–225.

У Толстого и о Толстом Публ. А. А. Виноградовой / Прометей: историко-биографический альманах. Т. 12. М., 1980. С. 199–226. Опубликовано с сокращениями. Полный вариант: журнал «Урал» (2010. № 3).

Мария Заньковецкая. 1854–1934. Жизнь и творчество / Науч. ред., автор вступ. ст., прим., пер. украинских текстов П. И. Тернюк. Киев, 1982 (на рус. яз.).

Пушкин в Арзамасе / Вступ. ст., публ. В. Б. Яковлева // Современная драматургия. 1987. № 4.

Великий рассказчик (И. Ф. Горбунов) Публ. А. А. Виноградовой / Прометей: историко-биографический альманах. Т. 14. М., 1987. С. 284–296.

Сергей Раевский (С. Дурылин). В те дни // Московский журнал. 1991. № 8.

В своём углу. Из старых тетрадей / Вступ. ст. Г. Е. Померанцевой; сост. и прим. Е. И. Любушкиной; публ. А. А. Виноградовой. М., 1991.

Воспоминания о В. В. Розанове // Начала. 1992. № 3. С. 45–51 (Глава из книги «В своём углу», 1991).

Отец Иосиф Фудель Публ. Н. С. Фуделя, Г. Б. Кремнева, С. В. Фомина / Литературная учёба. Кн. 3. М., 1996.

Русь прикровенная / Сост. С. Фомин. М., 2000.

«Во граде, яко в пустыни, живой...» «Маросейский батюшка» // Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / Сост. С. Фомин. М., 2000. С. 3–9, 139–148.

Сказание о невидимом Граде Китеже // Подъём. Воронеж, 2006. № 5.

Муркин вестник. Мяу-мяу / Вступ. ст., сост. и коммент. Р. Д. Бащенко. Симферополь, 2006.

«Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., доп. / Подг. А. А. Аникиным. М.: Дом-музей С. Н. Дурылина; Изд-во «Мультиратура», 2006 (Серия «Классический комментарий»).

В своём углу. К 120-летию С. Н. Дурылина / Сост. и прим. В. Н. Тороповой; вступ. ст. Г. Е. Померанцевой. М., 2006.

Статьи С. Н. Дурылина по педагогическим вопросам в кн.: Антология гуманной педагогики. С. Н. Дурылин. М.: Издательский дом Шалвы

Амонашвили, 2007.

Икина книжка, Зоина и Алёшина. М.: Храм Святителя Николая в Клённиках, 2008.

Пейзаж в произведениях Достоевского / Публ. и предисл. А. Галкина // Достоевский и мировая культура. Альманах. М., 2009. № 25. С. 473–510.

Колокола: Избранная проза. (Вошли хроника «Колокола» и повесть «Сударь кот». По публикациям А. Аникина и А. Галкина в журнале «Москва» (2008 и 2009). Послесл. Ю. Архипова.) М., 2009.

Олонецкие записки Публ. и предисл. М. А. Рашковской / Наше наследие. 2011. № 100.

Николай Семёнович Лесков. Опыт характеристики и религиозного творчества Публ. А. А. Аникина, А. Б. Галкина, А. В. Лукьянова / Москва. 2011. № 2.

Три беса: Художественная проза, очерки / Сост., коммент., ст. А. Б. Галкина. М., 2013.

Бабушкин день. Золотая осень: Рассказы / Публ. А. Б. Галкина // Москва. 2013. № 11.

Батюшка. — Воспоминания С. Н. Дурылина о И. И. Добросердове Публ., вступ. ст. М. А. Рашковской: «Церковь, пастырь, молодёжь: Страницы из воспоминаний С. Н. Дурылина» в кн.: *Объятье в тысячу охватов. Сборник материалов, посвящённых памяти Евгения Борисовича Пастернака и его 90-летию* Сост. А. Ю. Сергеева-Клятис, О. А. Лекманов. СПб.: РХГА, 2013. С. 172–210.

Белый Публ. и предисл. А. Резниченко: «Сергей Дурылин: эпитафия вместо некролога» в кн.: *Смерть Андрея Белого (1880–1934). Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты* Сост. М. Спивак, Е. Наседкина. М., 2013. С. 468–475.

В зале консерватории (из воспоминаний) Публ. и предисл. М. А. Рашковской / Москва. 2013. № 12. С. 90–123. Первая публикация: Встречи с прошлым. Вып. 10. М., 2004.

Москва. Записки Публ. и предисл. М. А. Рашковской / Москва. 2014. № 2. С. 183–224. Первая публикация: Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000.

Собрание сочинений: В 3 т. Сост., предисл., подг. текстов, коммент. А. Б. Галкина (В трёхтомник вошли избранные художественные произведения, статьи, работы о театре и актёрах) Главы «Москва», «В зале консерватории», «Батюшка» — подг. текста, коммент., послесл. М. А. Рашковской // Москва. 2014.

Рассказы, повести и хроники / Сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб., 2014.

Статьи и исследования 1900–1920 годов/ Сост., вступ. ст. и коммент. А.
И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб., 2014.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ^[491]

Кузьмина В. Д. С. Н. Дурылин. Краткий очерк научной деятельности // Сообщения Института истории искусств. Сб. 6. (Театр) М., 1955. С. 105–109. Библиогр. — С. 110–118.

В поисках сути искусства. Письма Р. Р. Фалька к С. Н. Дурылину Публ., вступ. ст. М. А. Рашковской / Встречи с прошлым. Вып. 6. 1988. С. 169–179.

Нестеров М. В. Письма. Избранное. Л.: Искусство, 1988.

Две судьбы. Б. Л. Пастернак и С. Н. Дурылин. Переписка Публ., вступ. ст. М. А. Рашковской / Встречи с прошлым. Вып. 7. 1990. С. 366–407.

Галкин А. П. Память сердца. Калининград, 1993.

Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М. А. Новосёловым. Томск: Водолей, 1998.

Крашенинникова Е. Храмы и пастыри // Альфа и омега. 1999. № 3.

Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1999. С. 164, 171–176.

«Кафолическая красота» Письма С. Н. Булгакова С. Н. Дурылину / Публ., предисл., прим. М. А. и Е. Б. Рашковских. — В кн.: Рашковский Е. Б. Профессия — историограф. Новосибирск, 2001. С. 42–58.

Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001.

Трояновская А. И. История одного рояля фабрики Штюрцваге / Предисл., публ., коммент. М. А. Рашковской // Наше наследие. 2002. № 61.

Бащенко Р. Д. Знаменательные встречи. Симферополь: ДиАйПи, 2004.

Богуславский М. Подвижники российского образования. Сергей Николаевич Дурылин // Вестник образования. 2005. № 1.

Из архивов Шервинского, Дурылина, Сидорова / Публ. Т. Ф. Нешумовой. Toronto Slavic Quarterly, 2006.

Заколюкина Нина. «Болшевский затворник» // Подмосковный летописец. М., 2006. № 4.

Руднев Александр. Что я помню о Дурылиных // Там же.

Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возрождение, 2008.

Торопова В. Н. «Крепче смерти». Жизнь и судьба И. А. Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) // Московский журнал. 2008. № 7.

Новицкая М. Ю. Образ Китеж-града в жизни и творчестве Сергея Николаевича Дурылина. — В сб.: Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008. С. 428–442.

Резниченко А. И. Инскрипты С. Н. Дурылина, В. Н. Фигнер, И. А. Ильина, В. А. Кожевникова, Б. Л. Пастернака, М. В. Нестерова и др. из фондов Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина в Болшеве (1904–1955). — В кн.: Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2006–2007 год (8) / Под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М.: Модест Колеров, 2009.

С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. Сборник статей / Сост. А. И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. [В сборнике 23 статьи. Назовём некоторые.]

Макаров В. Г. «...Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти» (по материалам следственных дел в отношении С. Н. Дурылина 1922 и 1927 годов). Приложение: Из следственного дела С. Н. Дурылина 1922 года // С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 29–62.

Боже В. С. С. Н. Дурылин: челябинская ссылка (1923–1924) // Там же. С. 77–83.

Гончарова Т. П. С. Н. Дурылин в Муранове // Там же. С. 84–100.

Нефедьев Г. В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» Приложение: Переписка С. Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) // Там же. С. 113–158.

Пастернак Е. В. Пути «возвращения» Б. Л. Пастернака и С. Н. Дурылина // Там же. С. 159–174.

Никерина И. В. «Берите пример с Серёжи...» (К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Н. Дурылина) // Там же. С. 101–111.

Половинкин С. М. София С. Н. Дурылина и свящ. Павла Флоренского. Приложение: Письма С. Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому // С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 197–208.

col1_6 Н. Дурылин и В. Ф. Эрн. Приложение: С. Н. Дурылин. Памяти В. Ф. Эрн // Там же. С. 209–240.

Резниченко А. И. Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // Там же. С. 426–487.

Торопова В. Н. Педагогическая деятельность Сергея Николаевича Дурылина // Подмосковный летописец. 2010. № 1. С. 66–83.

Пономаренко, Димитрий, диакон. Епископ Стефан (Никитин): Жизнеописание, документы, воспоминания. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

Торопова В. Н. «Я всегда чувствовал Вашу любовь». О дружбе епископа Стефана (в миру С. А. Никитина, 1895–1963) и <...> С. Н.

Дурылина (1886–1954) // Московский журнал. 2010. № 4. С. 15–23.

Аникин А. А. Сергей Дурылин и русская школа // Филологическая наука и школа. Сборник науч.-метод. трудов. М., 2010.

Галкин А. Б. Художник и религия. Личность С. Н. Дурылина в его книге о М. В. Нестерове // От свитка до Интернета: библиотека, образование, чтение. Науч.-метод. альманах. № 1. М.: Русское слово, 2010. С. 273–286.

«Я никому так не пишу, как Вам...» Переписка С. Н. Дурылина и Е. В. Гениевой / Сост., коммент., прим. И. Бордаченкова; автор предисл. Е. Гениева; автор вступ. ст. В. Торопова. М.: Центр книги Рудомино, 2010.

Резвых Т. Н. «Слух узнаёт знакомого певца»: переписка С. Н. Дурылина и Е. П. Казанович (1928–1939) // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. X. М.: REGNUM, 2011. С. 277–335.

Резниченко А. И. Сергей Николаевич Дурылин (Сергей Раевский). — В кн.: О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: REGNUM, 2012. С. 358–403.

Торопова В. Н. «Это ласка православия». С. Н. Дурылин и Оптиная пустынь // Московский журнал. 2012. № 2.

Тейдер В. Ф. Материалы к биографии С. Н. Дурылина // Творческое наследие С. Н. Дурылина. Сборник статей. М.: Совпадение, 2013. С. 3–18.

Рашковская М. А. Церковная традиция и юношество в воспоминаниях С. Н. Дурылина // Там же. С. 19–31.

Разевиг Н. Д. Всеволод Владимирович Разевиг — друг детства и юности С. Н. Дурылина // Творческое наследие С. Н. Дурылина... С. 32–57.

Едошина И. А. «В своём углу» С. Н. Дурылина: поэтика художественного образа (В. В. Розанов, свящ. П. А. Флоренский) // Там же. С. 69–76.

Пенская Е. И. Автобиографическое начало в театральных студиях С. Н. Дурылина // Там же. С. 119–130.

Галкин А. Б. Хронотип и имена в романе С. Н. Дурылина «Колокола» // Там же. С. 77–98.

Ефимов Г. Б. Сергей Николаевич Дурылин и семья Нерсесовых // Там же. С. 99–110.

«Общением с тобою я дорожу». Переписка М. А. Волошина и С. Н. Дурылина Публ., вступ. ст., коммент. В. Н. Тороповой / Москва. 2013. № 7, 9.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Приношу благодарность всем, оказавшим мне помощь и поддержку в работе над книгой: директору Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина Г. В. Лебедеву и его сотрудникам А. И. Резниченко, Г. И. Кузиной, Т. А. Александровой; главному специалисту РГАЛИ М. А. Рашковской; В. Ф. Тейдер. Профессиональную помощь и моральную поддержку я получила от Галины Евгеньевны Померанцевой, за что приношу ей сердечную благодарность.

В книге использованы фотографии Т. Н. Александровой, Д. П. Славнина, из архивов М. Золотарёва, Г. Е. Померанцевой, В. Н. Тороповой, музея С. Н. Дурылина и журнала «Наше наследие».

---

notes

Примечания

Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978) — профессор, учёный-искусствовед, библиофил, коллекционер, членкор АН СССР, специалист по искусству книги. Был дружен с Дурылиным в 1910-е годы. Позже отношения носили творчески-деловой характер. После 1911 года Дурылин нередко летами гостил в небольшом имении Николаевка, принадлежавшем тёте Сидорова Варваре Николаевне Кавкасидзе, заменившей ему, брату Сергею и их сестре Ольге рано умершую мать. Варвара, ученица В. Поленова, была натурой творческой, но и рационально вела хозяйство. Молодёжь весело проводила время: играли в шарады, ставили спектакли, рисовали, гуляли в парке, декламировали стихи, говорили об искусстве. Сергей Николаевич и Алексей Алексеевич писали по очереди главы романа «Семь крестов», проверяли методом А. Белого ритмы стихов классиков и своих товарищей. Дурылин подружился и с младшим братом Алексея Сергеем, мальчиком с религиозно-мистическим складом души, любившим петь псалмы и мечтавшим стать священником. Он и стал им.

Стенограмма вечера в ГАХНе, посвящённого памяти С. Н. Дурылина. 1955 г. // Мемориальный дом-музей С. Н. Дурылина, коллекция «Мемориальный архив» (далее — МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/2).

Вениамин (Федченков), митр. О конце мира. Письмо 2. М.: Русское зеркало, 1998. — В этом письме митрополит приводит исторические наблюдения Дурылина о вере в разные времена в приближающийся конец мира. И делает вывод: «Он пришёл к замечательным — и даже отчасти будто бы и неожиданным — выводам...»

А. С. Пушкин «Поэту».

Две судьбы (Б. Л. Пастернак и С. Н. Дурылин. Переписка) Публ. М. А. Рашковской / Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 375.

Там же. С. 405.

Письмо от 22 июня 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ед. хр. 135.

Ксерокопия Метрической книги церкви Богоявления в Елохове за 1886 год опубликована В. Ф. Тейдер в сборнике «Творческое наследие С. Н. Дурылина» (М.: Совпадение, 2013. С. 6–7). Из записок Дурылина «В начале жизни»: «Когда я теперь думаю о своём рождении и детстве, я всегда задумываюсь над тем, что я родился в день [Воздвижения Животворящего] Креста, праздник строгий и торжественный, в день всегда постный» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 31–32).

Историю первого замужества Анастасии Васильевны и её жизнь в браке с Н. З. Дурылиным Сергей Николаевич описал в мемуарах «В родном углу» в главах «Бабушка и мама», «Отец». — См. сб.: *Дурылин С. Н. В своём углу. Из старых тетрадей*. М.: Московский рабочий, 1991 (далее — *Дурылин С. Н. В своём углу*. М., 1991).

Там же. Глава «Родной дом».

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 677.

Отрывок лит. по: *Анчугова Т. В.* Да есть ли Святая Русь? (С. Н. Дурылин и М. В. Нестеров) // *Анчугова Татьяна.* Отзвуки Серебряного века. И другие впечатления жизни. М.: Соло, 2005. С. 146.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 121.

Дурылин С. Н. Воспоминания о Георгии Семёновиче Виноградове. 1948 // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 225. Л. 4. Машинопись с правкой автора.

Рашковская М. А. Церковь, пастырь, молодёжь: Страницы из воспоминаний С. Н. Дурылина // Объяты в тысячу охватов. Сб. материалов, посвящённых памяти Евгения Борисовича Пастернака и его 90-летию / Сост. А. Ю. Сергеева-Клятис, О. А. Лекманов. СПб.: РХГА, 2013. С. 172–210.

Из неопубликованных воспоминаний Георгия Николаевича Дурылина «Гимназия и товарищи» (С. 21). Семейный архив его сына Сергея Георгиевича Дурылина (1922–2013).

В справке директора гимназии Д. А. Соколова от 19 августа 1904 года приведены данные об окончании 4-го класса (1901/02 учебный год) и переводе Дурылина в 5-й класс. Видимо, больше Дурылин гимназию не посещал. Справка опубликована В. Ф. Тейдер в сб.: Творческое наследие С. Н. Дурылина. М.: Совпадение, 2013. С. 3–18. Сам Дурылин пишет, что он ушёл из среднего класса гимназии.

Безбожников.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 666.

Дурылин С. Н. В своём углу. М.,1991. С. 152.

Константин Николаевич Венцель (1857–1947) — русский педагог, теоретик и пропагандист свободного воспитания, автор статей и книг на эту тему *Маврикий Мечеславович Клечковский* (1865–1938) — соратник К. Н. Венцеля, пропагандист его теории свободного воспитания, автор книг по педагогике и по теории музыки. Работал в журнале «Свободное воспитание», составитель серии «Библиотека свободного воспитания».

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 546.

Ср.: «Я отрёкся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живём, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придаёт ей» (*Толстой Л. Исповедь, XIII*). Впервые полностью статья издана в России в 1906 году (*Всемирный вестник, № 1*). Цит. по: Лев Толстой. Пора понять. Избранные публицистические статьи (1880–1910) / Сост., предисл., коммент. И. В. Петровицкой. М.: Издательство «ВК», 2010. С. 31.

Письмо от 23 февраля 1904 г. Все цитаты из писем Дурылина Татьяне Андреевне Буткевич (1887–1983. В замужестве с 1913 года — Сидоровой) приводятся по рукописным оригиналам, хранящимся в НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Переписка длилась с 1904 по 1954 год. Татьяна Андреевна начала систематизировать письма Дурылина и приступила к воспоминаниям о нём в 1955 году. Тогда же она написала Ирине Алексеевне Комиссаровой (1899–1976): «Серёжины письма ранних годов — целая сокровищница изумительных мыслей, тонких чувствований, глубоких переживаний. Они бесценны не только для уяснения и понимания всего внутреннего пути, который проделал С. Н., но и как характеристика всего нашего поколения» (Письмо от 24 июня 1955 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1820). Татьяна Андреевна оставалась единственным близким другом Дурылина с гимназических лет и до его смерти. Она стала искусствоведом, работала в ГМИИ, в Академии архитектуры СССР и часто помогала Сергею Николаевичу, добывая нужные справки и делая выписки для его работ.

Буткевич Т. А. Воспоминания о Сергее Николаевиче Дурылине. 1903–1916 // МДМД. МА. КП-611/28. С. 6. Не опубликованы. Все ссылки даются по этому экземпляру (далее — Буткевич Т. А. Воспоминания).

Там же. С. 12.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/28. Л. 62.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 21.

Черновой набросок стихотворения на обороте фотографии Миши Языкова.

НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 52.

А. С. Пушкин «Элегия».

НИОР РГБ. Ф. 599. К.4. Ед. хр. 36. Л. 63.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 15, 16.

Там же. С. 14.

В. В. Разевиг (1887–1924) — преподаватель, глубокий знаток философии, музыки, искусства.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 18.

Там же. С. 15.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 247.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 205.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 29.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 44.

Дурылин С. Н. Альбом // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276. Письмо Дурылину от 20 октября 1911 г.

Стихотворение посвящено Б. Садовскому. Опубликовано в кн.: «Я никому так не пишу, как Вам...» Переписка С. Н. Дурылина и Е. В. Гениевой. М., 2010. С. 476.

Фигнер В. Стихотворения. СПб.: Типография А. Гольдберга, 1906 // МДМД. Колл. «Мемориальная библиотека». КП-1315.

Статьи С. Н. Дурылина по педагогическим вопросам переизданы в кн.: Антология гуманной педагогики. Дурылин. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2007.

Дурылин С. Н. У Толстого и о Толстом // Прометей: Историко-биографический альманах серии «ЖЗЛ».Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 202.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 26–27.

Русское слово. 1910. № 275. 28 ноября.

Воспоминания в сокращённом виде публиковались дважды: в юбилейном сборнике, посвящённом столетию Л. Толстого, в 1928 году и в альманахе «Прометей» в 1980 году. В начале 1950-х годов Дурылин делал попытки опубликовать полный текст, но редакторы требовали переделать или сократить окончание — об «уходе» и похоронах Толстого. Дурылин не соглашался, рукопись ему возвращали.

Дурьлин С. Н. У Толстого и о Толстом. С. 220.

ОР ГМТ. Фонд Н. Н. Гусева. № 2647 (4). Полностью письмо от 19 декабря 1909 года опубликовано: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. Исследования *Сост., ред., предисл. А. Резниченко. Серия «Исследования по истории русской мысли»* Под общ. ред. М. А. Колерова. Т. 14. М.: Модест Колеров, 2010. С. 107–110. В ответном письме от 2 января 1910 года Гусев сообщает, что мысли Дурылина ему близки и понятны и он хочет послать Толстому некоторые выдержки (Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись).

Георгий Семёнович Виноградов (1886–1945) — профессор-этнограф, специалист по фольклору, в том числе детскому, автор работы о романах П. И. Мельникова-Печерского. Друг и корреспондент Дурылина. По просьбе Виноградова Дурылин написал для него в 1928 году свою биографию, которая стала источником материала для исследователей его творчества (МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-614/16). В соавторстве с Виноградовым Дурылин работал над статьёй «Лермонтов в устах народа».

В письме брату из Челябинска (27 сентября 1923 года) вместо слова «ласку» написано слово «правду».

На этот раз была доказана непричастность Дурылина к революционной группе, по делу которой он был арестован, и его вскоре выпустили.

РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 31. См. также: *Нефедьев Г. В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» Переписка С. Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) // С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 113–158. *Лев Львович Кобылинский* (1879–1947, Швейцария. Литературный псевдоним Эллис) — поэт, переводчик, теоретик символизма, философ, историк литературы. Один из организаторов поэтического кружка «Аргонавты» и издательства «Мусагет».

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 35.

Письмо от 26 февраля 1910 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 522.

Письмо от 29 июля 1910 г. // ОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 9 об.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 669–670.

Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940) — писатель, театральный и литературный критик, переводчик, публицист, корреспондент Дурылина.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 46.

Рашковская М. А. Церковная традиция и юношество в воспоминаниях С. Н. Дурылина // Творческое наследие С. Н. Дурылина. М., 2013. С. 19–31. Воспоминания Дурылина под названием «Батюшка» включены им в рукопись «В родном углу».

Г. Х. Мокринский (?—1919) — духовный сын священника Павла Флоренского и его ученик по Духовной академии, старший товарищ Дурылина.

Э. К. Метнер (1872–1936) — философ, литературный и музыкальный критик, публицист, один из основателей издательства «Мусагет».

Последние по времени публикации работ Дурылина о Севере в кн.: Три беса: Художественная проза, очерки. М., 2013 и в кн.: *Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб., 2014.

Ильинский И. В. Сам о себе. М., 1961. С. 49.

Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской (М.: ПСТБИ, 1999. С. 164). Об отношениях С. А. Сидорова и С. Н. Дурылина см. статью В. Н. Тороповой «„Жизнь в правде своей“. О священнике Сергии Сидорове (1895–1937)» (Московский журнал. 2011. № 7).

Бердяев Н. А. Самопознание. М., 2006. С. 224.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 886.

Письмо от 27 октября [1915?] // Архив Г. Е. Померанцевой.
Машинопись.

Бащенко Р. Д. Знаменательные встречи. Симферополь, 2004. С. 92.

Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001.
С. 68.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — писатель, литературный критик, философ, публицист, дипломат, в конце жизни — монах Климент.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 47, 384.

Там же. С. 356, 383.

Георгий Александрович Самарин (1904–1965) — ученик С. Н. Дурылина. В своих записках, дневниках Сергей Николаевич называет его домашним именем — Юша, или Юра.

Антология гуманной педагогики. Дурылин. М., 2007. С. 7.

Юлиан Павлович Анисимов (1886–1940) — поэт, переводчик, искусствовед.

Пастернак Б. Л. Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 245.

О начале знакомства С. Н. Дурылина с Б. Л. Пастернаком см.: В своём углу. М., 2006. С.743–749. А также: *Дурылин Сергей*. Москва. Записки Публ. и предисл. М. А. Рашковской / Москва. 2014. № 2. С. 217–218.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 746.

Николай Карлович Метнер (1879–1951) — композитор, пианист, младший брат Э. К. Метнера. Друг Дурылина.

МДМД. МБ. КП-1684.

Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С. 339.

Пастернак Б. Л. Избранное. Т. 2: Люди и положения. С. 246.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 51.

Дурылин С. Н. Бодлер в русском символизме (1926 г). — В кн.: Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб., 2014. С. 682.

Андрей Белый. Между двух революций. С. 351.

Дурылин С. Н. Альбом. Л. 163.

Мусагет. 1911.

Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб., 2014. С. 817.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 784–788.

Мусагет. 1914. С. 47.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 452.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 928.

Цит. по: *Пастернак Е. В.* Пути «возвращения» Б. Л. Пастернака и С. Н. Дурылина. — В сб.: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 164.

Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) — переводчик, прозаик, поэт, драматург.

Из архивов Шервинского, Дурылина, Сидорова Публ. Т. Ф. Нешумовой
/ Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 18.

Комментарий Дурылина к стихам С. М. Соловьёва в «Антологии»
«Мусагета» // Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись. Запись 1941 года.

Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) — писатель и переводчик Гёте и Ницше, философ. Редактор Полного собрания сочинений Ф. Ницше, трёх последних томов собрания сочинений Вл. Соловьёва. После 1918 года — профессор Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова. В 1919-м арестован как участник и один из организаторов Союза объединённых приходов г. Москвы. В 1931-м вновь подвергнут аресту. А. Белый пишет о нём в книгах «Начало века» и «Между двух революций».

Письмо от 26 декабря 1913 г. // Взыскующие града. М., 1997. С. 561.

Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 173–174.

МДМД. МБ. КП-1297.

Комментарий Дурылина к стихам Г. А. Рачинского в «Антологии» «Мусагета».

Марченко О. В. С. Н. Дурылин и В. Ф. Эрн // Дурылин и его время. Кн. 1. С. 209–240.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 63.

Лосев А. Ф. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове //
Эсхил. Трагедии в переводе Вяч. Иванова. М., 1989. С. 464.

Дурьлин С. Н. У Толстого и о Толстом. С. 199–227.

Письмо В. Г. Черткова от 24 ноября 1909 г. // Архив Г. Е. Померанцевой. Машинописная копия.

Письмо от 20 марта 1911 г. // Там же. (Дурылин подарил В. Г. Черткову свою книжку «Детские годы В. М. Гаршина. Биографический очерк».)

Фролов М. А. «Добрейшая, деликатнейшая натура...» Письмо И. Е. Репина к С. Н. Дурылину с воспоминаниями о В. М. Гаршине // Звено — 2010: Вестник музейной жизни. М.: Государственный литературный музей, 2012. С. 42–52.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 158. Пояснительная записка к докладу «Николай Семёнович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества», прочитанному 1 декабря 1913 года в РФО. Сообщая В. Разевигу об этом докладе, Дурылин напишет: «Это доклад о православии и мне самом: ибо я люблю-то Лескова по-свойски».

Доклад 1913 года опубликован: Москва. 2011. № 2. С. 114–137.

Полный текст письма от 20 мая 1946 года опубликован в сб.: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 474–476.

Нестеров М. В. Письма. Л., 1988. С. 268.

Письмо от 3 декабря (ст. ст.) 1931 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 24.

На оттиске статьи Дурылин позже написал: «Это самая любимая моя статья о Лермонтове. Прочти и полюби её, милая Ариша». А на задний форзац вписал важную информацию: «Статья эта, когда появилась в „Русской мысли“, вызвала похвалы Мариана Здеховского, виднейшего польского учёного, автора большой работы о Байроне. С. А. Котляревский (дважды доктор — всеобщей истории и государственного] права) сказал мне: „Вы заставили меня по-новому смотреть на Лермонтова“».

Дурылин С. Н. Автобиография // Архив Г. Е. Померанцевой.

Дурылин Сергей. Россия и Лермонтов // Христианская Мысль. Киев, 1916. Кн. 2 (февр.). — Цит. по: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 468.

Подробно эта тема, занимавшая мысли Дурылина на протяжении всей творческой жизни, раскрыта в работе «Врубель и Лермонтов». В приложении Дурылин приводит подробнейший список иллюстраций Врубеля к произведениям Лермонтова и его работ в различных жанрах на лермонтовские темы (Литературное наследство. Т. 45–46. М.; Л., 1948).

Дурьлин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 102, 160, 526, 528–531.

Там же. С. 660.

Там же. С. 421–422.

Пушкин А. Сочинения / Ред., биогр. очерк и прим. Б. Томашевского; вступ. ст. В. Десницкого. Л.: ГИХЛ, 1935.

Дурылин имел обыкновение оставлять на вышедших книгах свои заметки, комментарии, иногда об авторах (на страницах «Антологии» «Мусагета»), иногда историю написания своей работы (на книге «Айра Олдридж»), иногда отношение к своей публикации (на оттиске статьи «Об одном символе у Достоевского»). Часто он помечает, где и при каких обстоятельствах написано: «На трамвае, читая „Среди иноязычных“ Розанова» (запись «В своём углу», тетрадь VII, № 92), «Писано в Болшеве и по пути из Воронежа в Москву» («В зале консерватории»).

Ирина Алексеевна Комиссарова.

Цит. по: Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8] / Под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 2009. С. 528.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 400–401.

Там же. С. 643.

О вышедшей статье Дурылин пишет в январе 1930 года Е. В. Гениевой: «...получился только *костяк* статьи, да и то с *искривлённым позвоночником*. Последняя глава выкинута. То, что вошло в примечание на стр. 190, заканчивало последнюю главу. Глава о „Карамазовых“ — 1/5 того, что было. Опечаток и шероховатостей — бездна» («Я никому так не пишу, как Вам...» С. 300, 374).

Доклад в ГАХН в 1926 году.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 270–271.

С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 27.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 46. Запись относится к 1917 году.

Произведения Дурылина как духовного писателя, опубликованные до 1917 года, переизданы в кн.: *Дурылин С. Н. Русь прикровенная* / Сост. С. Фомин. М.: Паломник, 2000. В неё вошли: «Сказание о невидимом Граде-Китеже» (1916), «Церковь Невидимого града» (1914), «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (1915), «Лик России. Великая война и русское призвание» (1916), «Начальник тишины» (1916).

Письмо от 5 августа 1912 г. из Кореиза // *Рашковский Е. Б., Рашковская М. А. Кафолическая красота. Письма С. Н. Булгакова С. Н. Дурылину.* — В кн.: *Рашковский Е. Б. Профессия — историограф: материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия* // *Сибирский хронограф.* Новосибирск, 2001. С. 52.

Письмо лета 1916 г. //ОР РГБ. Ф. 171. К. 1. Ед. хр. 18. Л. 3-Зоб.

Александр Михайлович Добролюбов (1876–1944/45) поэт-символист проделал сложный духовный путь в поисках религиозного бытия и сознания. В 1898 году отправился странствовать по России с проповедью собственного религиозного учения. Сборник духовных стихов и прозы Добролюбова «Из книги невидимой» (ударение поставлено Дурылиным), изданный в 1905 году, С. Н. Дурылин и П. П. Картушин хотели переиздать в дешёвом варианте для народа, но помешала война 1914 года.

Письмо Н. Г. Суткового Дурылину 1911 г. // Архив Г. Е. Померанцевой.
Машинописная копия.

Статья опубликована: *Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб., 2014. — В примечаниях к статье Дурылин благодарит Ж. М. Брюсову, П. П. Перцова, Е. А. Нерсесову, познакомивших его с рукописными материалами, связанными с Добролюбовым. В приложениях этой книги опубликован газетный очерк Дурылина «Бегун» — о последователе А. Добролюбова Леониде Семёнове.

Переписка Л. Н. Толстого и П. П. Картушина (1879–1916) опубликована: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Сер. третья: Письма. Т. 77. Письма 1907 г. М.: ГИХЛ, 1956.

Дурылин С. Н. Дневник «Олонецкие записки» // Наше наследие. 2011.
№ 100. С. 128–155.

Запись С. Н. Дурылина об истории издания книги на чистом листе нового переплёта.

Бердяев Н. А. Самопознание. С. 217–219.

Там же. С. 218.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». 1918–1919. Не опубликован // МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-2057/1. Черновая расшифровка и компьютерный набор Г. Н. Кузиной. Сверка с рукописью В. Ф. Тейдер.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 57–58.

Полный текст письма от 19 июня 1913 года опубликован в кн.:
Рашковский Е. Б. Профессия — историограф. С. 52.

Дурылин С. Н. Троицкие записки. С. 66. Запись 1919 г.

Дурылин С. Н. Начальник тишины // Русь прикровенная. С. 323.

Записки священника Сергея Сидорова. М., 1999. С. 86.

РГАЛИ. Ф. 2980. Он. 2. Ед. хр. 276 (1). Л. 42.

ОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 51 об.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 151–152.

Из стихотворения А. С. Хомякова «России».

Дурылин С. Н. Лик России. Великая война и русское призвание // Русь прикровенная. С. 289.

Дурылин С. Н. Начальник тишины // Там же. С. 291, 333.

Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Чему молилась ты с любовью...».

Ф. И. Тютчев «Осенний вечер».

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 34.

А. К. Толстой «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре».

Воспоминания С. Н. Дурылина о Всеволоде Владимировиче Разевиге опубликованы в кн.: В своём углу. М., 2006. С. 685. В мемуарах «В родном углу» есть отдельная глава «Воля» (*Дурылин С. Н. Собрание сочинений: В 3 т. М., 2014. Т. 1. С. 347–354*). Воспоминания внучки Разевига — Н. Д. Разевиг опубликованы в сб.: Творческое наследие С. Н. Дурылина. М., 2013. С. 32–57.

Дмитрий Адамович Олсуфьев (1862–1937) — граф, общественный и государственный деятель. В 1917 году — член Всероссийского Поместного собора Русской православной церкви.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 729.

Имеется в виду праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Полное каноническое название храма Василия Блаженного: собор Покрова Божией Матери на Рву.

Письмо от 24 июля 1915 г. // Взыскующие града. М., 1997. С. 646–647.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 49.

Роман опубликован в сборнике прозы С. Н. Дурылина «Три беса» (М.: Совпадение, 2013).

А. Г. Габричевский (1891–1968) — доктор искусствоведения, профессор, литературовед, историк, переводчик, членкор Академии архитектуры.

Семейный архив Сергея Георгиевича Дурылина.

НИОР РГБ. Ф. 599. К.4. Ед. хр. 36. Л. 61.

Письмо от 21 июля 1915 г. // НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 49.

Дурылин С. Н. Дневник «Олонецкие записки». С. 133–135.

Дурылин С. Н. Дневник «Олонецкие записки». С. 133.

Там же. С. 134.

Инскрипт опубликован: Исследования по истории русской мысли. М., 2009. С. 525.

Дурылин С. Н. Дневник «Олонецкие записки». С. 136.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/36. Подготовленный к печати И. А. Комиссаровой-Дурылиной сборник воспоминаний о Дурылине не опубликован.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 265–266.

Николай Сергеевич Чернышёв (1898–1942) окончил ВХУТЕМАС, учился у П. П. Кончаловского, И. И. Машкова. Стал членом МОСХа. В 1926 году написал икону Божией Матери «Державная», которая находится сейчас в храме Ильи Обыденного на Остоженке в Москве.

Михаил Михайлович Названов (1914–1964) — народный артист РСФСР, режиссёр. В фильме «Иван Грозный» играет Курбского.

Кирилл Васильевич Пигарёв (1911–1984) — правнук поэта Ф. И. Тютчева, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, директор музея-усадьбы «Мураново».

Андрей Александрович Сабуров (1902–1942) — литературовед, племянник Э. К. и М. К. Метнеров, специалист по Л. Толстому и В. С. Печерину.

Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...» В 2 т. /Сост., вступ. ст., подг. текста, коммент. Т. Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011.

Дурылин С. Н. Альбом. Запись 1953 года.

Об отношениях Сергея Сидорова и Дурылина см. статью В. Н. Тороповой «Жизнь в правде своей» (Московский журнал. 2011. № 7. Приложение: письмо С. А. Сидорова Дурылину из Сергиева Посада).

В 1942 году в ссылке в Казахстане умрёт от голода художник Н. С. Чернышёв, крёстный отец дочери Сергея Сидорова Веры. После нескольких арестов, тюрем, лагерей будет расстрелян в 1937 году на Бутовском полигоне священник Сергей Алексеевич Сидоров (1895–1937). С. И. Фудель (1901–1977), духовный писатель, священником не стал, но судьбы Церкви определили его жизненный путь. Пережив несколько арестов, лагерей и ссылок, он так и не смог вернуться в Москву и умер в городе Покрове Владимирской области.

Отрывок. Опубликовано в кн.: Музей-заповедник «Абрамцево»: Очерк-путеводитель. М., 1984. Авантитул.

О педагогической деятельности С. Н. Дурылина см. статью В. Н. Тороповой под этим названием в журнале «Подмосковный летописец» (2010. № 1).

Дурылин С. Н. Абрамцевский дневник. Л. 1 // МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-325/7.

Там же. Л. 4.

Борис Валентинович Шапошников (1890–1956) — литературовед, искусствовед, музеевед, специалист по интерьеру. С Дурылиным его связывали профессиональные интересы и личная симпатия.

Дурылин С. Н. В своём углу. М, 2006. С. 633–640.

Дурылин С. Н. Нестеров в жизни и творчестве. М., 2004. Серия «ЖЗЛ». С. 364.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 67.

Дурылин С. Н. Дневник «Олонецкие записки». С. 146. Запись 1918 года.

*Дурылин С. Н. Дневник 1918 года// НИОР РГБ. Ф. 872. К. 1. Ед. хр. 31.
Л. 62–67.*

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 46.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 412а.

Георгий Хрисанфович Мокринский умер в сумасшедшем доме. О повреждении душевном тех, кто без наставления, послушания и смирения самочинно примется за «умное делание молитвы Иисусовой», см. в кн.: Письма великих оптинских старцев. М., 2007. С. 338–352.

Дурылин познакомился с протоиереем Иосифом Ивановичем Фуделем (1864–1918) в 1912 году. — См. воспоминания С. Н. Дурылина «Отец Иосиф Фудель» (Литературная учёба. 1996. № 3. С. 179).

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 51.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1051.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 815.

Письмо 1828 года // «Я никому так не пишу, как Вам...» С. 183.

Из двенадцати томов успели издать только девять, так как издательство «Культура» оказалось «немецким» и на его книги был наложен арест. Это была одна из мер, предпринятых московскими властями против подданных тех государств, которые были в состоянии войны с Россией: Германии, Австрии. На складе, где лежал тираж вышедших томов, случился пожар, и уцелела только незначительная часть.

Письмо от 24 июня < 1929 г.> // *Резвых Т. Н.* «Слух узнаёт знакомого певца»: переписка С. Н. Дурылина и Е. П. Казанович (1928–1939). М., 2011. С. 312–315, 319–321.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 114.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 69.

Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М. А. Новосёловым. Томск: Водолей, 1998. С. 181.

Так их характеризует Валерия Дмитриевна Пришвина, хорошо знавшая Новосёлова в эти годы. — См.: *Пришвина В. Д.* Невидимый град. М., 2002 (Б-ка мемуаров: Близкое прошлое; вып. 3). С. 368–369.

О чудо-докторе Николае Николаевиче Мамонове Дурылин оставил очень тёплые воспоминания: В своём углу. М., 2006. С. 149–154.

Письмо от 19 апреля 1918 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 412а.

Письмо января 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 380.

Письмо декабря 1917 г. //Там же.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 689.

Там же. С. 181.

Там же. С. 178, 179.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 725.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 22.

Там же. С. 41.

Там же С. 92, 57, 42.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. С. 240.

Маковецкий Д. П. Яснополянские записки. Кн. 2 // Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904–1910. М., 1979. С... 47.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 557.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 18.

Там же. С. 6.

Дурылин С. Н. Дневник 1918–1920 гг. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 295.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 8.

Письмо Коле Чернышёву Дурылин переписал в дневник «Троицкие записки» (С. 19). Слова Вл. Соловьёва он приводит по памяти. М. А. Новосёлов в книге «Забытый путь опытного Богопознания» (Вышний Волочёк, 1902. С. 34) упоминает слова Вл. Соловьёва в несколько другой редакции: «На мой вопрос: „Что самое важное и нужное для человека?“ — он ответил: „Быть возможно чаще с Господом“; „если можно, всегда быть с Ним“, — прибавил он, помолчав несколько секунд». — Цит. по кн.: Новосёлов М. А. Письма к друзьям. М.: ПСТБИ, 1994. С. XIII.

Узнав о смерти С. П. Мансурова, Дурылин написал о нём краткие, но очень тёплые и щемящие по испытываемой им скорби воспоминания — в кн.: В своём углу. М., 2006. С. 734–735.

Смирнова Т. В. «...под покров Преподобного». Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2007; *Смирнова Т. В.* «Ю. А. Олсуфьев: материалы к биографии» — в кн.: Труды ГИМ. Вып. 158. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2006.

В НИОР РГБ хранится оригинал переписанной описи — Ф. 218, а также собрание единичных поступлений — Ф. 175/1–7. В рукописи различаются три почерка: С. Н. Дурылина, Ю. А. Олсуфьева и Миши Олсуфьева.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 3.

В. Я. Адарюков занимался комплектованием аксаковского раздела музея и описанием коллекций, а С. Н. Дурылин — литературной и художественной летописью Абрамцева. Результаты конкретных изысканий воплощались Дурылиным в докладах, которые он читал в Государственной академии художественных наук (см.: История музея в документах и фактах. 1917–1930 годы. Вып. 3/90 к 70-летию музея «Абрамцево». Москва. Министерство культуры РСФСР. Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево»).

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 611.

Письмо о. Павла Флоренского к В. Ф. Эрну от 25 сентября 1912 г. // Взыскующие града. М, 1997. С. 486.

Письмо от 13 января 1914 г. // Дурылин и его время. Кн. 1. С. 485.

Дурылин С. Н. Дневник 1918 г. // НИОР РГБ. Ф. 872. К. 1. Ед. хр. 31.
Подробный шин сборника опубликован в сб.: С. Н. Дурылин и его время.
Кн. 1. С. 484–487.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 65.

Гекатомбы — в Древней Греции большое священное жертвоприношение — 100 быков. Позже — массовое жестокое уничтожение людей.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 64.

Половинкин С. М. Письма С. Н. Дурылина к свящ. П. А. Флоренскому
// С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 206–207.

НИОР РГБ. Ф. 109. col1_0 18. Ед. хр. 28.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 75.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 91–92.

Там же. С. 63.

Там же. С. 76–79.

Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». С. 79.

Екатерина Николаевна Жемочкина (урождённая Дурылина, 1860-е — 1918).

Епископ Феодор (в миру Александр Васильевич Поздеевский, в схиме Даниил, 1876–1937) — епископ Волоколамский, викарий Московской патриархии. Ректор Московской Духовной академии в 1909–1917 годах. С 1917 года — настоятель Свято-Данилова монастыря в Москве.

Новосёлов М. А. Письма к друзьям. М.: ПСТБИ, 1994.

Копии документов о рукоположении С. Н. Дурылина // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 956.

Дурылин С. Н. Памяти отца Алексея. [Написано до 1928 г.] //Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп.1. Ед. хр. 412а.

Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Валентин Свенцицкий, протоиерей. Монастырь в миру. Проповеди и поучения. 1921–1926 гг. Т. 1. М.: ПСТБИ, 1995; Беседы о духовной жизни. СПб.: Сатисъ, 1995.

Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва. М.: Серда-Пресс, 2000. С. 188, 696.

Пастырь добрый... С. 145.

Дурылин Сергей. «Во граде, яко в пустыне, живы́й...» // Пастырь добрый. С. 5.

Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва / Сост. монахиня Иулиания. М.: Русский хронограф, 2002. С. 163.

Дурылин Сергей. Маросейский батюшка//Пастырь добрый. С. 145.

Там же.

Там же. С. 141.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 673.

Там же. С. 634.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 2 об. *Георгий Иванович Чулков* (1879–1939) — поэт, драматург, прозаик, критик. Издатель и редактор литературных и философских журналов, альманахов. Исследователь творчества Тютчева, Достоевского, Пушкина.

Дурылин С. Н. Альбом. Л. 170.

О жизни и судьбе Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной см. статью В. Н. Тороповой «Крепче смерти» (Московский журнал. 2008. № 7).

Все цитаты из неопубликованных и разрозненных воспоминаний Ирины Алексеевны Комиссаровой привожу по материалам архива Г. Е. Померанцевой.

Сергей Алексеевич Никитин (1895–1963) — врач-невропатолог, в 1920-е годы прихожанин, потом староста храма Святителя Николая в Клённых на Маросейке. В 1927 году тайно рукоположен в иерея. С 1931 по 1934 год после ареста работал в лагерном медпункте. В 1959 году принял монашеский постриг. В 1960 году хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. Друг и корреспондент Дурылина. Его письма Дурылину в сокращённом виде приведены в статье В. Н. Тороповой «Я всегда чувствовал Вашу любовь» (Московский журнал. 2010. № 4). См. о нём: Пономаренко Д., диакон. Епископ Стефан (Никитин): Жизнеописание, документы, воспоминания. М.: ПСТГУ, 2010.

Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М., 1990. С. 626.

Московский топливный комитет занимался обеспечением Москвы топливом в «бестопливные» 1919–1921 годы.

Материнскую душу Ирины Алексеевны я ощутила в полной мере, когда в конце 1960-х годов она приютила нас с мужем, и мы несколько лет жили одной семьёй.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 297.

Архив Г. Е. Померанцевой. Письмо из Владимирской тюрьмы.

Обстоятельства арестов Дурылина подробно изложены (на основе материалов из ЦА ФСБ России. Д. Р-46583) в статье научного сотрудника ЦА ФСБ В. Г. Макарова «...Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти» (в сб.: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 27–76). См. также: Справка ФСБ «Об обстоятельствах арестов С. Н. Дурылина 1922 и 1927 гг.» // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 1144.

Переписка С. Н. Дурылина с братом. Семейный архив С. Г. Дурылина.

Голицын С. М. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990. С. 187.

Архив Г. Е. Померанцевой.

НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 73, 74.

Алексий Мечёв в 1922 году хорошо понимал то, что Дурылин запишет о себе в 1926-м: «Я подобен повилике: чтобы расти и жить, мне нужно вокруг кого-нибудь обвиться...» (В своём углу. М., 2006. С. 199).

Опубликовано: *Тейдер В. Ф.* Материалы к биографии С. Н. Дурылина
// Творческое наследие С. Н. Дурылина. Сборник статей. М., 2013. С. 3–18.

Это Евангелие оказалось в частной коллекции. В настоящее время передано в НИОР РГБ.

Булгаков С., протоиерей. Из памяти сердца. Прага [1923–1924]. —
Цит. по: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 449–450.

Цит. по: *Воробьёв М. Н.* «Россия может быть спасена изнутри...» // Московский журнал. 1996. № 6. С. 3. Письмо датировано 28 ноября — 11 декабря 1922 года.

Письмо от 23 июня 5 июля 1924 г. [Чехословакия] / Рашковский Е. Б.
Профессия — историограф. Новосибирск, 2001. С. 58.

Письмо брату Георгию Николаевичу от 15 октября, без указания года//
Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Боже В. С. С. Н. Дурылин: челябинская ссылка (1923–1924) // С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 79.

Комиссарова И. А. Воспоминания «Челябинск. 1922 г. Январь» //
Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Письмо от 17 марта 1924 г. // *Нестеров М. В.* Письма. С. 296.

Опубликовано: *Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов.
СПб., 2014. С. 549–565.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 373.

Нестеров М. В. Письма. С. 299.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-613/1.

Издание 1965 года вышло в сокращённом виде, так, например, не вошёл в него рассказ Дурылина о картине «Страстная седмица» (1933), в настоящее время представленной в экспозиции ЦАК Троице-Сергиевой лавры. В третьем издании книги 2004 года сокращения в тексте были восстановлены по машинописи, хранящейся в Мемориальном доме-музее С. Н. Дурылина в Болшеве.

Михаил Нестеров. В поисках своей России: К 150-летию со дня рождения // Гос. Третьяковская галерея. М., 2013. С. 337, 345; Неопубликованное письмо Нестерова Дурылину от 23 сентября 1937 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276 (1).

Цит. по: *Хасанова Элеонора*. Торопясь запечатлеть дорогие образы. К 145-летию со дня рождения М. В. Нестерова // Бельские просторы. 2007. № 6.

Письмо опубликовано: Московский журнал. 2011. № 7. С. 48–57.

Воспоминания С. Н. Дурылина об Алексии Мечёве (1859–1923) в сокращённом виде опубликованы в кн.: Пастырь добрый. С. 3–9, 139–148. Воспоминания о старце Анатолии [Потапове] (1855–1922) — в кн.: В своём углу. М., 2006. С. 762–773.

301

НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 77, 80.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 696–699.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276(1).

Челябинский областной краеведческий музей. Ф. 627. Оп. 1-л. Д. 106.

Гончарова Т. П. С. Н. Дурылин в Муранове // С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 85, 87.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 675.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 721.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-1386/2 и КП-262/8. Стихи из цикла «Венец лета» есть в РГАЛИ (Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 203).

Дурылин С. Н. Начальник тишины // Русь прикровенная. С. 292.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 850–851.

Опубликована: *Дурылин С. Н.* Рассказы, повести и хроники / Сост. А. Резниченко, Т. Резвых. СПб., 2014. С. 686–750.

О философских аспектах прозы Дурылина, о «нефилософской форме философского по сути высказывания», о раскрытии темы бесов и ангелов см. статью Анны Резниченко «Сергей Дурылин: проекты и наброски» в сборнике «С. Н. Дурылин и его время» (Кн. 1. С. 426–478).

Семейный архив С. Г. Дурылина.

Архив Г. Е. Померанцевой. Машинописная копия.

Письмо от 16 декабря 1926 г. // МДМД. МА. Ф. П. П. Перцова.
КП-322/9.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 309.

Ефимов Г. Б. Сергей Николаевич Дурылин. Записки Семинара по истории церкви памяти ев. Стефана просветителя Пермского. Вып. 11. М., 2004. С. 36–47.

Наталья Михайловна говорила это не только мне. — См.: *Хасанова Элеонора*. Торопясь запечатлеть дорогие образы. К 145-летию со дня рождения М. В. Нестерова // Бельские просторы. 2007. № 6.

Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. С. 622.

Померанцева Г. Е. О Сергее Николаевиче Дурылине // Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 37.

Подробно об отношениях Сергея Николаевича с Еленой Васильевной, о большой роли, которую она играла в его жизни, написано в книге «Я никому так не пишу, как Вам...».

Агапе (*греч.* любовь) — основное понятие в христианской литературе. В противоположность эросу, то есть страстной любви, агапе имела значение деятельной одаряющей любви. Агапы устраивались для выражения и культивирования связывающей всех членов общины любви (Словарь античности. М., 1989).

Дурылин С. Н. Альбом. Л. 164.

Полный перечень докладов этого периода можно найти в «Бюллетенях ГАХН» за 1925–1927 годы (№ 1–9).

О дружеских отношениях Дурылина и Волошина см. статью В. Н. Тороповой «Дружбой с тобою я дорожу...» (Москва. 2013. № 7). В № 9 опубликована их переписка.

Этот рассказ А. П. Остроумовой-Лебедевой приведён в кн.: *Брюсов В. Неизданное и несобранное*. М., 1998. С. 229–230, а также описан Дурылиным в кн.: *В своём углу*. М., 2006. С. 317–321.

Стихотворение «Протоиерей» посвящено С. М. Соловьёву.
Опубликовано в кн.: «Я никому так не пишу, как Вам...» С. 485.

Журнал «Москва» (2013. № 9. С. 200).

РГАЛИ. Ф. 427. Рачинские. Оп. 1. Ед. хр. 2981.

Там же. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 18.

Бащенко Р. Д. Знаменательные встречи. Симферополь: ДиАйПи, 2004. С. 57–58. Это стихотворение Волошин в 1927 году переписал в альбом Дурылина.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 291.

Там же. С. 407–408.

В 1932 году музей был переименован в Государственный музей изобразительных искусств. В 1937 году музею присвоено имя А. С. Пушкина.

Письмо от 18 января 1917 г. // *Нестеров М. В.* Письма.

Дурылин С. Нестеров в жизни и творчестве. М., 2004. С. 301, 311.

Дневниковые записи И. А. Комиссаровой о С. Н. Дурылине. Автограф
// РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 993.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 52.

«Из истории русской живописи 80-х годов XIX в.», «Неизданные письма Сурикова и Серова», «Творчество М. В. Нестерова», «И. Н. Крамской (по новым материалам — воспоминаниям Турыгина и Нестерова)», «Артём и Артемьев — артист и художник», «Исторический жанр у передвижников», несколько докладов о К. Леонтьеве и др.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 565.

Там же. С. 477.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 342, 373, 377.

Там же. С. 339. Дурылин цитирует стихотворение А. К. Толстого «В стране лучей, незримой нашим взорам».

Письмо от 6 ноября 1927 г. // «Я никому так не пишу, как Вам...» С.
110.

Волошин М. А. История моей души. М.: Аграф, 1999.

Опубликовано: Московский журнал. 2008. № 7.

Розенкрейцеры в Советской России. Документы 1922–1937 гг. М.:
Минувшее, 2004. С. 103–104.

Ефимов Г. Б. Сергей Николаевич Дурылин. М., 2004. С. 40.

А. С. Пушкин «Братья-разбойники».

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 111.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 111, 116,121,360.

Письмо февраля 1930 г. //Две судьбы. — В сб.: Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 384.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 718.

Письмо от 4 января 1928 г. // Московский журнал. 2010. № 4. С. 18.

Клавдия Ниловна Зимина — медсестра, лечившая Дурылина в Коктебеле в 1926 году. С тех пор — его друг и корреспондент.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/69.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 338.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 10, 94.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 394.

Там же. С. 182.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 762. Запись 1930 года.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 586–588.-Запись 1928 года.

Надежда Александровна Павлович (1895–1980) — поэт. Духовная дочь старца Нектария. При её содействии были спасены монастырская библиотека и её рукописный отдел (1928). Много сделала для восстановления обители (1974). Помимо стихов публиковала религиозно-философские произведения. Её статья об Оптиной пустыни опубликована в альманахе «Прометей» (М.: Молодая гвардия, 1980. № 12).

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 600. Запись 1928 года.

Там же. С. 577.

Нестеров М. В. Письма. С. 319, 350.

Николай Каллинович Гудзий (1887–1965) — литературовед, историк литературы, автор учебников по древнерусской литературе. Академик АН УССР. Первый декан филологического факультета МГУ и профессор. Руководил отделом древнерусской литературы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 444.

РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ед. хр. 135.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 649–650.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 119.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 119.

Там же. С. 363. Нестерову Дурылин пишет в 1936 году: «Благодарен Вам по последнее моё издыхание за себя и за Ирину, которую Вы поняли и узнали, и полюбили как никто другой» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 363).

Письмо от 10 сентября 1929 г. // *Нестеров М. В.* Письма. С. 351.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-525/14.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 702, 703.

Там же. С. 703.

Две судьбы // Встречи с прошлым. Вып. 7. С. 378.

«В поисках сути искусства» (Письма Р. Р. Фалька С. Н. Дурылину)
Публ. М. А. Рашковской/Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 174–175.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 675.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 410.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 734. Статья С. Н. Дурылина «Луг и цветник» о поэзии С. М. Соловьёва напечатана в двухмесячнике «Труды и дни» (1913. Тетр. 1–2. С. 151).

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276. Землетрясение в Крыму было осенью 1927 года.

Полный текст письма опубликован в журнале «Москва» (2013. № 9. С. 208–212).

Две судьбы // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 382–383.

Дурылин С. Н. Воспоминания о Георгии Семёновиче Виноградове.
1948 // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 225. Л. 2. Машинопись с правкой
автора.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 757.

Цит. по: С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 430.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/38.

6. *Дурылин С. Н.* Воспоминания о Георгии Семёновиче Виноградове. Л.

391

МДМД. МА. Новые поступления.

Статья была написана и прочитана на квартире М. В. Нестерова в 1926 году.

Сабашников М. В. Воспоминания. М.: Книга, 1988. С. 451.

Вступление к запискам «В родном углу» (*Дурылин С. Н.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 11).

Ф. И. Тютчев «Silentium!».

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 726.

На благотворительном вечере в пользу детей, пострадавших от войны, в Политехническом музее 27 октября 1914 года Дурылин сделал доклад «Душа Бельгии (Поэты Бельгии)». Вечер был посвящён бельгийской поэзии. Ермолова выступила со стихотворением Т. Л. Щепкиной-Куперник, подруги её дочери. В. Ходасевич прочитал стихотворение «Бельгия», написанное по просьбе Дурылина специально к этому вечеру. Стихотворение Дурылина «К Бельгии» читала актриса Н. А. Смирнова.

«В поисках сути искусства» // Встречи с прошлым. Вып. 6. С. 177.

Письмо от 28 мая 1931 г //Две судьбы. — В сб.: Встречи с прошлым.
Вып. 7. С. 385.

Резвых Т. Н. «Слух узнаёт знакомого певца». С. 310.

401

НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 37. Л. 30.

«Я никому так не пишу, как Вам...» С. 183, 267.

Там же. С. 390.

Письмо от 22 апреля 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 362.

Письмо от 16 октября 1931 г. // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 546.

Комиссарова И. А. Воспоминания // Архив Г. Е. Померанцевой.
Машинопись.

Ольга Николаевна Смирнова (1834–1893) — дочь Александры Осиповны Смирновой (Россет), автор поддельных «Записок А. О. Смирновой».

Дурылин С. Н. Письмо к З. В. Работновой от 17 апреля 1930 г. // МДМД. МА Фонд С. Н. Дурылина. КП — 324/5.

Дурылин С. Н. Памяти В. А. Кожевникова // Возрождение. 1918. № 9.

410

МДМД. МБ. КП-709.

Гаршин В. М. Письма. М.: ACADEMIA, 1934.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 301.

Олег Владимирович Поль (1899 или 1900–1930) — монах Онисим, с 1925 по 1929 год жил в тайном скиту в Абхазии, где в 1927 году принял монашество. В 1929 году арестован и после отказа работать на ОГПУ расстрелян в 1930 году. Автор философско-богословского труда «Остров Достоверности» (1926), обращённого к Валерии Дмитриевне Пришвиной, с которой в 1920-х годах мечтал организовать тайную монашескую общину, чтобы жить в духовной, иноческой любви. Примером такой любви для них были отношения святителя Иоанна Златоуста и святой диаконисы Константинопольской Олимпиады (примечание И. Бордаченкова).

Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2002. С. 368–369.

Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 2007 (Серия «ЖЗЛ»), С. 127–128.

Клиника нервных болезней им. А. Я. Кожевникова расположена на улице Россолимо. Основана в 1869 году.

Дурылин С. Н. Письма к И. А. Комиссаровой // МДМД. МА. КП — 525/37 и 525/39.

ОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 37.

С. Н. Дурылин и его время. Кн. 1. С. 462.

Томмазо Сальвини (1829–1915) и *Эрнесто Росси* (1827–1896) — итальянские актёры, играли ведущие роли в пьесах Шекспира, в том числе и роль Отелло.

О методике своей научной работы Дурылин говорил на совещании в Институте истории искусств АН СССР. — Стенограмма 17 ноября 1949 г. // Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 571–573.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276.

Гиляровский В. А. Друзья и встречи. М.: Советская литература, 1934.

Цит. по: Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8]. М., 2009. С. 527.

Нестеров М. В. Письма. С. 412.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 100, 168.

МДМД. МБ. КП-3376.

Дурылин С. Н. Муркин вестник «Мяу-Мяу» / Вступ., сост., коммент. Р. Д. Бащенко. Симферополь, 2006.

Письма В. Н. Рыжовой к И. А. Комиссаровой // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1.
Ед. хр. 1813.

Пенская Е. Н. Автобиографическое начало в театральных студиях С. Н. Дурылина. М.: Совпадение, 2013.

Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002 (Библиотека мемуаров). С. 126.

Дурылин Сергей. Николай Семёнович Лесков. Опыт характеристики и религиозного творчества. К 180-летию со дня рождения Н. С. Лескова // Москва. 2011. № 2.

Письмо В. В. Разевига С. Н. Дурылину от 25 января 1915 г. // РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 745.

Комиссарова И. А. Воспоминания о С. Н. Дурылине // Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Стихотворение опубликовано в кн.: «Я никому так не пишу, как Вам...» С. 479.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 325.

Письма Дурылина П. П. Перцову 1943 года // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1.
Ед: хр. 128, 129.

Николай Адрианович Прахов (1873–1954) — художник, искусствовед. Сын историка искусства, художественного критика Адриана Викторовича Прахова (1846–1916). Близкий знакомый и корреспондент Дурылина.

Цит. по: *Померанцева Г. Е.* Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. С 238

РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 129.

Цит. по: *Бащенко Р. Д.* Спутницы жизни. Симферополь: ДиАйПи, 2010. С. 18–19.

Письмо от 24 декабря 1944 г. // МДМД. МА. Фонд П. П. Перцова.
КП-322/3.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 105–107.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 224.

Архив Г. Е. Померанцевой. Черновая рукопись письма.

Вступление к запискам «В родном углу» // *Дурылин С. Н.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. С. 13–15.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 95–96. (В. А. Жуковский «Воспоминание».)

Юхан Август Стриндберг (1849–1912) — шведский писатель, драматург.

Ольга Николаевна Бутomo-Названова (1888–1960) — певица, меццо-сопранo, педагог. Мать ученика Дурылина, народного артиста РСФСР Михаила Названова (1914–1964).

Письмо от 15 января 1954 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 538.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 376.

Письмо декабря 1930 г. // РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ед. хр. 135.

Галкин А. П. Память сердца. Калининград (ныне Королёв): НПО «Энергия», 1993.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276 (1,2). Название «зелёный» альбом получил по цвету обложки.

Там же. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1429.

457

Письмо от 5 сентября 1913 г. //Архив Г. Е. Померанцевой.
Машинопись.

Буткевич Т. А. Воспоминания. С. 3.

МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/10.

Дурылин С. Н. Мария Заньковецкая. Киев: Мистецтво, 1982. С. 18.

Комиссарова И. А. Записи о С. Н. Дурылине 1946–1948 гг. // Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М.: Возрождение, 2007. С. 621.

А. С. Пушкин «Осень» и «Элегия».

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 693.

Там же. С. 626.

Там же. С. 627.

Дмитриев Ю. А. Выступление на заседании в Институте истории искусств АН СССР, посвящённом памяти Дурылина. Стенограмма 15.12.1955 // МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/3.

Бащенко Р. Д. Знаменательные встречи. С. 135.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 367.

Письма от 17 января и 11 февраля 1954 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 634.

Две судьбы // Встречи с прошлым. Вып. 7. С. 388.

Статья С. Н. Дурылина «Земной простор» опубликована М. А. Рашковской, с её вступительной статьёй и письмами Дурылина Б. Пастернаку, в журнале «Литературная учёба» (1988. № 6).

Там же.

См. статью «П. П. Перцов: морфология недостроенной системы (1897–1947)» в кн.: *Резниченко А. И. О смыслах имён*. М: REGNUM, 2012. С. 255–299.

КУБУ — Комиссия по улучшению быта учёных.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 180–181. Запись 1926 года.

477

Письмо от 12 января 1943 г // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 127.

Фудель С. И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 356, 367.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 7.

Сергей Николаевич Чернышёв (р. 1936) — доктор геолого-минералогических наук, профессор, педагог, общественный деятель. За многолетнюю работу по восстановлению Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря и сохранению других церковных памятников награждён орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени.

Воспоминания А. А. Сабурова прочитаны на заседании, посвящённом памяти С. Н. Дурылина в секции литературы и искусства АН СССР 12 декабря 1955 г.// МДМД. МА. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/20.

Сб.: Евдокия Дмитриевна Турчанинова на сцене и в жизни. Письма, статьи, воспоминания современников. К 150-летию Малого театра / Сост. В. Н. Торопова. М., 1974. С. 128.

Ефимов Г. Б. Сергей Николаевич Дурылин. С. 42.

Письмо от 8 октября 1932 г. // *Бащенко Р. Д.* Знаменательные встречи.
С. 128–129.

Письмо от 15 ноября 1955 г. //Две судьбы // Встречи с прошлым. Вып. 7. С. 404.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 2006. С. 80.

Пономаренко Д., диакон. Епископ Стефан (Никитин). М., 2010. С. 643.

РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1718. Предположительно, Ирина Алексеевна передала в ЦАК одну из двух книг, бывших у Дурылина: *Лихачёв Н. П.* Описание древних икон собрания П. М. Третьякова. М., 1904; или оттиск статьи Лихачёва «Род иконописцев» [1908] с дарственной надписью Дурылину на обложке (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 1032. Л. 1).

Основные работы С. Н. Дурылина приведены в кратком списке публикаций и в тексте книги.

Дополнительная информация о публикациях С. Н. Дурылина в статьях: А. И. Резниченко «Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта)». — В сб.: С. Н. Дурылин и его время. Кл. 1. М., 2010. С. 427–477; Е. Н. Пенская «Автобиографическое начало в театральных штудиях С. Н. Дурылина». — В сб.: Творческое наследие С. Н. Дурылина. М., 2013. С. 122–127; О. Н. Сетницкая «Библиография трудов <С. Н. Дурылина>». Машинопись; К. В. Пигарёв «Сергей Николаевич Дурылин. Материалы к биобиблиографии» (Сост. О. Н. Сетницкая. Машинопись. МДМД. МА. КП-614/9).

Список далеко не полный. В последнее время о С. Н. Дурылине много пишут. Статьи о нём разбросаны в периодической печати (в том числе и в периферийных изданиях), тематических и научных сборниках. Не включены в список и доклады о Дурылине на конференциях.